МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И.А. БУНИНА»

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

КАФЕДРА ИСТОРИИ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

МАТЕРИАЛЫ
ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

17 ноября 2021 года

Елец – 2021

УДК 93/94; 008(091); 379.85
ББК 63+74
С 70

Размещено на сайте по решению редакционно-издательского совета Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина от 29.01.2021, протокол №1

Рецензенты:

Н.А. Тропин, доктор исторических наук, профессор, начальник Отдела научных исследований «ООО Экспедиция»,

М.В. Климова, кандидат филологических наук, доцент, директор Института истории и культуры ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»

Редакционная коллегия:

Жиров Н.А., заместитель директора по научной работе Института истории и культуры, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и историко-культурного наследия, ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»,

Ляпин Д.А., доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и историко-культурного наследия, ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,

Щукин Д.В., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и историко-культурного наследия, ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»

С 70 Союз Советских Социалистических республик как историко-культурный феномен: материалы Всероссийской научной конференции. 17 ноября 2021 г. – Елец: ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина», 2021. – 209 с.

ISBN 978-5-00151-268-4

В настоящем сборнике представлены работы участников Всероссийской научной конференции «Союз Советских Социалистических республик как историко-культурный феномен», состоявшейся 17 ноября 2021 г. в ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина».

Материалы, содержащиеся в сборнике, охватывают широкий спектр тем и направлений пространства истории СССР в разный период его существования. Сборник будет полезен широкому кругу читателей, которые интересуются отечественной историей советского периода. Материалы публикуются в авторской редакции, авторы несут ответственность за содержание предоставленных материалов.

УДК 93/94; 008(091); 379.85
ББК 63+74

ISBN 978-5-00151-268-4

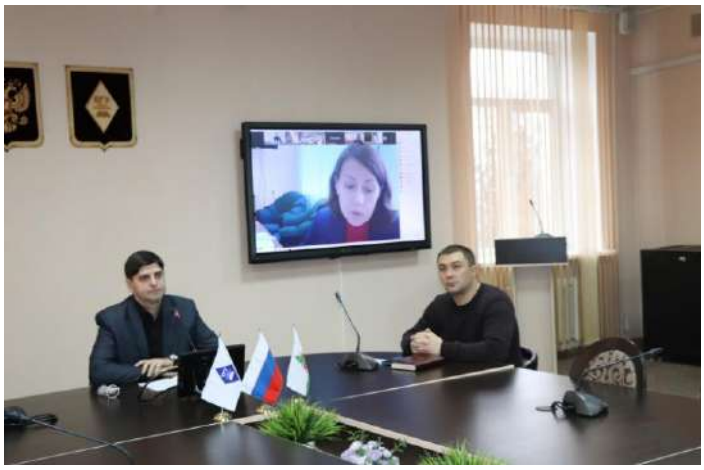
© Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

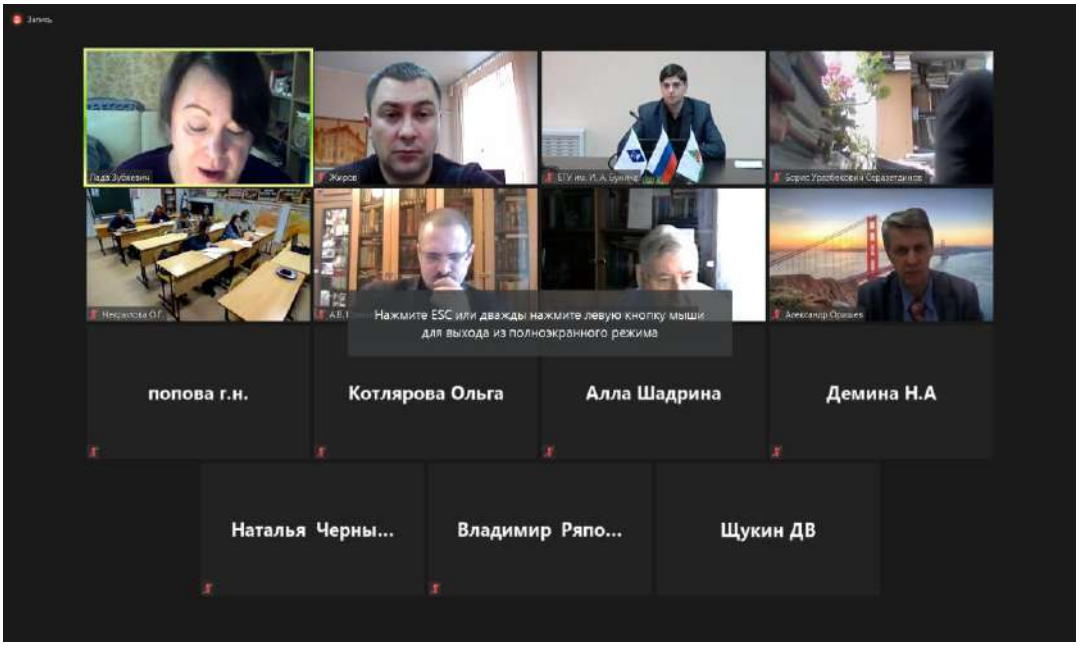
17 ноября 2021 года в ФГБОУ ВО «Елецком государственном университете им. И.А. Бунина», г. Елец состоялась Всероссийская научная конференция ««Союз Советских Социалистических республик как историко-культурный феномен», посвященная 100-летию образования СССР.

В научной конференции приняло участие значительное количество исследователей из научных и высших учебных заведений Бийска, Воронежа, Липецка, Калуги, Тамбова, Таганрога, Москвы, Ростова-на-Дону, а также учителя школ, аспиранты и магистранты.

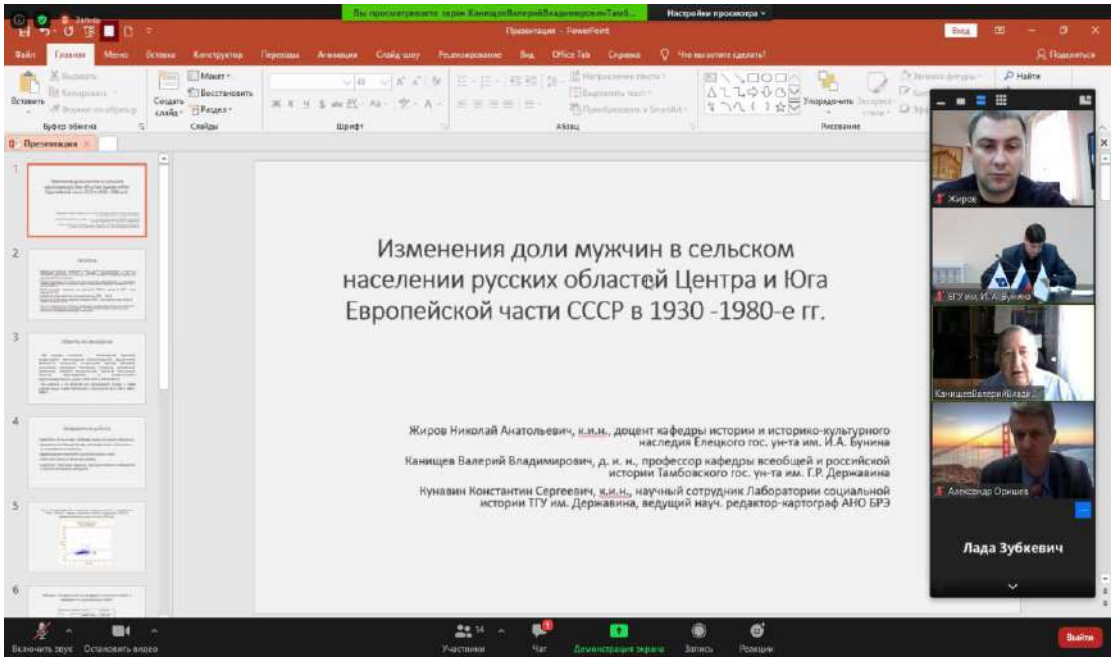
Актуальность проблематики конференции была продиктована общим осмыслением в канун 100-летнего юбилея образования СССР его исторического наследия, а также опыта научных исследований различных узких тем данного историко-культурного феномена XX века.



Организация работы конференции включила традиционный подход к своему проведению от пленарного заседания к работе секций конференции, а также применение цифровых сервисов онлайн-площадок. В ходе пленарного заседания в своём выступлении кандидат философских наук, доцент, Нижегородской академии МВД РФ, Зубкевич Лада Альбертовна затронула проблематику советского и постсоветского в мировоззрении российских бедных.



В свою очередь доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и российской истории Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина Канищев Валерий Владимирович, кандидат исторических наук, старший преподаватель данной кафедры Кунавин Константин Сергеевич, а также кандидат исторических наук, доцент Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина Жиров Николай Анатольевич обратили внимание участников конференции на тему изменения доли мужчин в сельском населении Центра Европейской части СССР в 1930 – 1980-е годы.

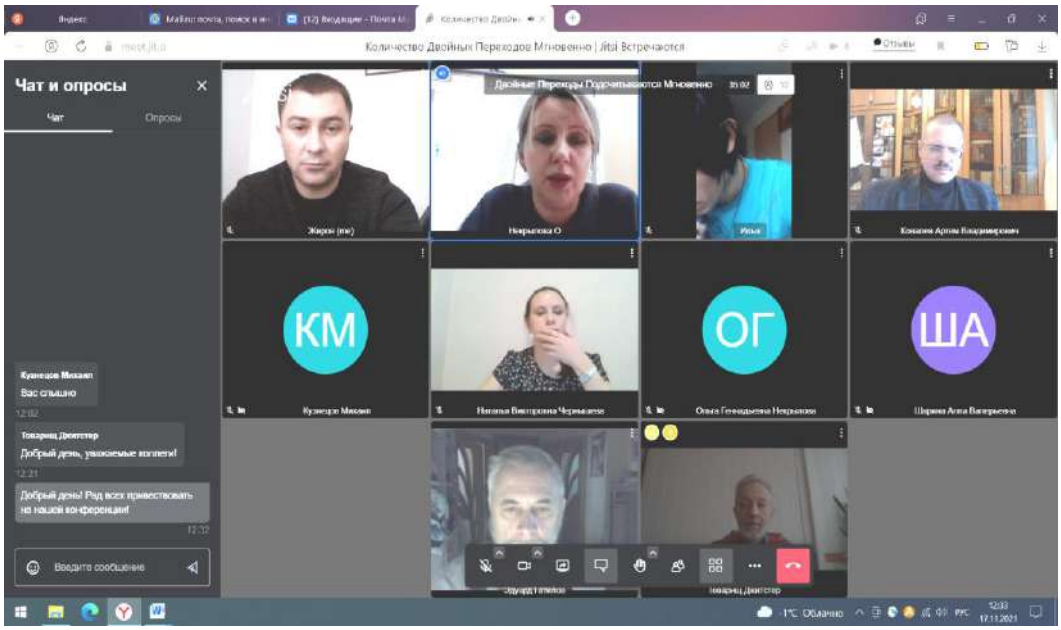


Эволюции подходов государственной политики в области школьного образования в конце 1920 – начале 1930-х гг. в СССР был посвящён доклад кандидата исторических наук, доцента кафедры истории и историко-культурного

наследия Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина Некрыловой Ольги Геннадьевны. В ходе работы пленарного заседания прозвучали и другие доклады его участников.

В соответствии с программой конференции состоялась работа 4 секций. Работа первых трёх секций, выделенных по хронологическому принципу исторических периодов СССР от момента его образования в декабре 1922 года, до распада в декабре 1991 года, была нацелена на решение отдельных узких вопросов. В свою очередь работа участников четвёртой секции была целиком посвящена феномену советской системы образования.

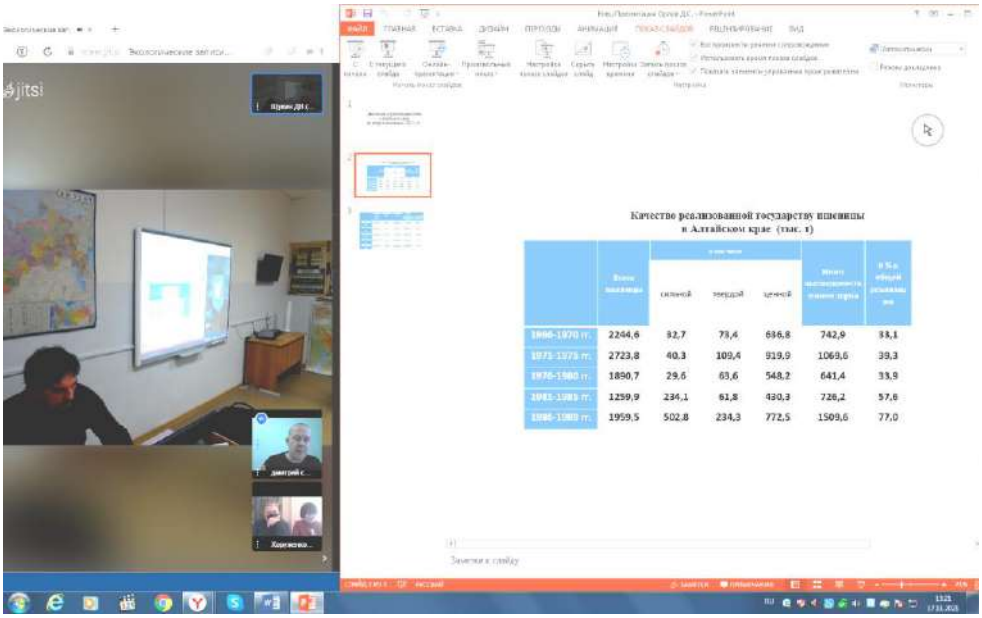
Отметим, что в рамках работы секции конференции № 1. «Советское государство на этапе своего становления» основной массив докладов затронул проблематику взаимоотношений советской власти в период образования СССР с крестьянством и специфику её установления на местах.



Особый интерес вызвал доклад Шадриной Аллы Валерьевны, кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Южного научного центра Российской академии наук, г. Ростов-на-Дону на тему «Особенности реализации политики СССР в отношении религиозных организаций в Ростовской области: 1922-1991 гг.». В нём автор уделил пристальное внимание анализу обстановки на территории Ростовской области и анализу методике проведения антирелигиозной компании в отношении местного духовенства.

Участники секции конференции № 2 «СССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. и первое послевоенное десятилетие» обратили внимание в своих выступлениях на роль советской судебной системы в борьбе с преступностью в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (Лузгина М.И.), изменение социального статуса советской женщины в данный период (Чернышева Н.В.). Работа участников секции № 3 была сосредоточенна в пространстве исследований истории СССР второй половины XX века. Тематика заявленных докладов затронула широкий пласт исторического наследия совет-

ской эпохи заявленного периода. Так, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Международного юридического института, г. Москва Сагателян Гарий Шагенович затронул вопросы изучения участия малых городов России в холодной войне во второй половине XX века. В свою очередь доктор исторических наук, профессор кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина, г. Бийска Орлов Дмитрий Сергеевич обратил внимание на вопрос эволюции зернопроизводства Алтайского края во второй половине 1980-х годов.



Кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)», г. Таганрог Гуров Максим Иванович и кандидат исторических наук, доцент Хоруженко Виктория Константиновна затронули в своем выступлении тему феномена «жилищной революции» Н.С. Хрущева. Вопросу исследования влияния войны в Афганистане (1979-1989 гг.) на экономику СССР был посвящён доклад бакалавра 3 курса института истории и культуры Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина Ковтуна Михаила Александровича. Проблематики изучения регионального аспекта истории представительно – законодательных органов власти (Советов народных депутатов) и их деятельности на местах в период «перестройки» был посвящён доклад кандидата исторических наук, доцента Щукина Дениса Васильевича (г. Елец).

Работа секции № 4 была целиком и полностью посвящена советской системе образования в контексте её специфики и проблематики развития. Особое внимание обратили на себя доклады учителей истории и обществознания Аверкиевой А.А. (МБОУ «Малинская средняя общеобразовательная школа имени П.М. Овсянкина», г. Ступино) на тему «Культурная революция в образовательном пространстве 1920-х гг.» и Платоновой М.Ю. (МБОУ «Лицей им. С.Н. Булгакова» г. Ливны) на тему «История возникновения пионерии в СССР».

Они вызвали предметный интерес и активную дискуссию участников конференции в отношении проблематики актуализации идей советской педагогики. В ходе работы секции детальное обсуждение получило освещение таких вопросов, как образ советского учителя, социальное положение женщин, возможность применения инструментов советской дидактики в системе современных образовательных технологий.

В итоге все участники конференции сошлись во мнении, что по прошествии 100 лет с момента создания СССР данный период отечественной истории по прежнему вызывает повышенный интерес со стороны как российского, так и международного сообщества. При этом на сегодняшний день совершенствуются методы и практики исследования этого «историко-культурного феномена», конкретизируется и обновляется историографическая база работ, выходят в свет фундаментальные монографические издания и сборники, в журнальных статьях освещаются историографические и региональные аспекты. В целом в научном сообществе нет расхождений в отношении необходимости решения задачи изучения и осмысления истории СССР и её наследия.

В заключении отметим, что представленные в вышедшем по итогам работы данной конференции сборнике материалов его участников, охватывают широкий спектр тем и направлений изучения пространства истории СССР на протяжении всего периода его существования. Надеемся, что он будет интересен широкому кругу читателей, которые интересуются отечественной историей советского периода.

От редколлегии

Аверкиева Анастасия Александровна
МБОУ «Малинская средняя общеобразовательная школа
имени П.М. Овсянкина»
Городского округа Ступино Московской области,
Россия, г. Ступино
E-mail: anastaciakopteva@yandex.ru
Научный руководитель:
Некрылова Ольга Геннадьевна,
кандидат исторических наук, доцент

«КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ 1920-х гг.

Аннотация: *В статье предпринята попытка рассмотреть через призму политики культурной революции, изменения, коснувшиеся образовательного пространства в 1920-е гг., вопросы ликвидации неграмотности, подготовки кадров, политико-воспитательной работы. Это целый комплекс мероприятий, изменивших не только мировоззрение общества, но и облик советского государства в целом.*

Ключевые слова: *культурная революция, народное образование, Единая трудовая школа, ликвидация неграмотности.*

THE "CULTURAL REVOLUTION" IN THE EDUCATIONAL SPACE OF THE 1920S

Abstract: *The article attempts to consider through the prism of the policy of the cultural revolution, the changes affecting the educational space in the 1920s, the issues of literacy, training, political and educational work. This is a whole range of events that have changed not only the worldview of society, but also the appearance of the Soviet state as a whole.*

Keywords: *cultural revolution, public education, Unified Labor School, literacy eradication.*

Политический переворот Октября 1917 г. стал своего рода предшественником культурной революции, которая коснулась всех сторон общественно-политической жизни страны. Перед правительством большевиков была поставлена глобальная задача формирования нового социалистического общества, кардинально отличавшегося от дореволюционного, и базировавшегося на идеях всеобщей грамотности, создания системы народного образования, формирования кадров новой интеллигенции и идейного перевоспитания молодого поколения.

В своей статье «О кооперации» В.И. Ленин так описывал культурную революцию: «Нам наши противники не раз говорили, что мы предпринимаем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране. Но

они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим» [5, с. 32]. Принципиальная важность задач культурного строительства определялась двумя факторами: культурной отсталостью России (80% неграмотных) и необходимостью воспитания «нового человека». Таким образом, основной целью культурной революции, объявлялось формирование социалистического общества путём коренной перестройки культурно-просветительской и идеологической жизни в стране. Важнейшей стороной культурно-воспитательной деятельности советского государства являлась широкая просветительская работа в массах. «В партийной работе мы выработали свои навыки широко воздействия на массы, но их нужно соединить с методами культурно-просветительской, в частности школьной и внешкольной работой» [4, с. 233]. К основным направлениям культурной революции в сфере образования 1920-х гг. относились: формирование нового революционного мировоззрения, изменение содержания образования, ликвидация неграмотности среди населения, политическое просвещение.

После опубликования 29 октября 1917 г. А.В. Луначарским «Обращения к населению» большевистское правительство приступило к активному реформированию старой дореволюционной системы просвещения [6, с. 345]. В «Обращении» Народного комиссара просвещения говорилось о сути предстоящих преобразований в области образования: «всякая истинно демократическая власть в области просвещения в стране, где царят безграмотность и невежество, должна поставить своей первой целью борьбу против этого мрака. Она должна добиться в кратчайший срок всеобщей грамотности путем организации сети школ, отвечающих требованиям современной педагогики, и введения всеобщего, обязательного и бесплатного обучения» [1]. В дальнейшем придерживаясь заявленной политики, вышли ряд законодательных и нормативных документов, которые утверждали демократический характер единой, бесплатной, доступной всему молодому поколению независимо от социального, имущественного положения и национальности школы. «Обращение» заложило тот фундаментальный базис, на котором впоследствии формировалась вся социалистическая система образования.

11 декабря 1917 г. было утверждено постановление о «Передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Народного комиссариата по просвещению» [1], которому, предстояло выработать основу новой системы образования. 18 июня 1918 г. было принято положение СНК «Об организации дела народного образования в Российской социалистической советской Республике» [1]. Этот документ определил структуру и управленческие функции народного образования в стране, а также порядок и численный состав при формировании Госкомиссии и коллегии Наркомпроса [1]. Рассматривая историю становления новой системы образования, стоит отметить, что перед учебными заведениями были поставлены совершенно новые задачи. Стремление коренным образом изменить содержание образования в новой школе, сделать

её политехнической, связать обучение с общественно-полезным трудом, сблизить школу с социалистическим строительством, связать теорию коммунистического воспитания с практической работой школ, должно было найти отражение в программно-методической деятельности Наркомпроса при разработке содержания образования, учебных планов, программ и методов обучения.

Концепция новой системы образования строилась на основе «Положения о Единой трудовой школе» и «Декларации о Единой трудовой школе», которые были приняты в 1918 г. [7, с. 144-145]. Согласно «Положению о Единой трудовой школе» утверждалась следующая иерархия школьной системы: начальная школа I ступени длилась пять лет и предназначалась для детей от 8 до 13 летнего возраста. II ступень занимала 4 года обучения, в которой возрастная категория была 13-17 лет [7, с. 144]. Анализ документов показал, что они, обобщив ранее изданные декреты и постановления, законодательно закрепляли процесс легализации проектов реформ и установления принципиальных основ социалистической школы. Однако, в условиях тяжелого материального положения страны Советское государство не могло взять на себя расходы на массовое школьное строительство. Сеть начальных школ к 1923 г. снизилась до уровня 1914 г. Вне школы оставалось около половины всех детей школьного возраста. Еще хуже обстояло дело со средним образованием и школами II ступени, которые к 1920 г. охватывали лишь 5% детей. Исходя из приведенных цифр, можно заключить, что реальная жизнь подвергла значительной корректировке демократические принципы советского школьного строительства, провозглашенные в 1917-1918 гг. [1].

Исходя из принципов, заложенных в «Декларации о Единой трудовой школе» преобразования коснулись не только структуры школы, но и содержания учебных программ. Данный период можно охарактеризовать, как время не выработки принципиальных основ советской педагогики, а попытки оформить основы новой системы образования. Новые «Программы-минимум для Единой трудовой школы I-й и II-й ступени» [8, с. 103] были разработаны к 1922-1923 учебному году. Школы I и II ступени отличались не только количеством, содержанием и возрастным аспектом, но и преподаваемым материалом. Так, в школах I ступени обучающихся вооружали элементарными знаниями, формировали зачатки коммунистического мировоззрения, прививали трудовые навыки. Основная цель школ II ступени состояла в том, что бы соединить теоретические знания с практикой общественно-полезного труда, а учебная программа должна была всячески способствовать формированию идеологического мировоззрения и овладению методами познания [3, с. 114]. Таким образом, культурная революция образовательного пространства давала одним – трудовой принцип воспитания и практический характер обучения, другим – в дополнение – вооружение научным методом познания. Чтобы объяснить данный процесс, нужно понять атмосферу тех лет, когда считалось, что в условиях победы пролетариата школу II ступени может заменить школа жизни и учеба без отрыва от производства.

Параллельно с разработкой общих требований к системе образования в советской школе проводилась большая работа по пересмотру содержания гуманитарных предметов, по усилению их идейной направленности и превращению в средство коммунистического воспитания. Рассматривая перспективы культурной революции только в тесной связи с успешным воздействием на молодежь, партия принимает дисциплину историю в школе за точку опоры, с помощью которой достаточно быстро можно перевернуть сознание значительной части сограждан. Но если борьбу за школу, как сеть учебных заведений, новая власть выиграла быстро, то решение кадрового вопроса, разработка новых программ по предмету, методическое обеспечение, написание принципиально новых учебников и внедрение всего этого в школу заняло не один год. В этот период общественные дисциплины, и особенно история, становятся стержнем идеологического воспитания молодежи, а процесс пересмотра содержания образования стал составной частью коренного преобразования в области образования и воспитания в течение 1920-х гг.

В конце 1919 г. большевистское правительство приняло декрет «О ликвидации неграмотности» среди населения РСФСР [2]. Всё население страны Советов в возрасте от 8 до 50 лет были обязаны пройти обучение грамоте на родном или русском языке. Задача ликвидации неграмотности населения РСФСР в условиях развития и укрепления советской власти обуславливалась потребностью в необходимости широкого распространения новой идеологии.

В 1920-е гг. особую актуальность приобрела характерная для советской школы проблема соотношения труда и образования. Важность ей придавали народнохозяйственные задачи, которые должна была решить страна в данный период. С одной стороны, для восстановления экономики, пришедшей в полный упадок в результате первой мировой, а затем гражданской войны и иностранной интервенции, необходимы были квалифицированные кадры. С другой – страну захлестнула волна безработицы. Решить обозначенные проблемы было возможно, только развивая сеть специальных учебных заведений. 24 июля 1919 г. был издан декрет, разрешавший профтехобразование с 14-летнего возраста, что позволило увеличить контингент лиц, желающих получить образование. В 1920 г. появились первые школы рабочих-подростков (ФЗУ). Они давали помимо практических навыков профессионального ученичества еще и некоторые общеобразовательные знания, необходимые для сознательного участия в общественно-политической жизни страны. Фактически было начато формирование нового типа рабочего класса, имеющего только профессиональные и идеологические навыки, на развитие интеллекта которого почти не обращалось внимания, а общечеловеческие ценности заменялись узкоклассовыми. Позднее продукты такого воспитания будут названы «кадрами, овладевшими техникой», которые «решают все».

Характерной чертой просветительской деятельности в 20-е гг. XX в. являлась демократизация культурной сферы. В ноябре 1920 г. был принят декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР «О Главном политико-просветительном комитете Республики» (Главполитпросвет) [1]. Целью учреждения было объе-

динение всей политико-просветительной, агитационно-пропагандистской работы республики Советов. Повсеместно стали появляться библиотеки, избы-читальни, клубы, возникла широкая сеть культурно-просветительских учреждений. Таким образом, в 1920-е гг. советское правительство направляет всю идейную работу, включая агитацию и пропаганду, прежде всего на расширение идеологического воздействия на массы, внедрение официальной идеологии в широкие слои общества, установление идеологического монополизма.

Таким образом, реализация культурной революции в 1920-е гг., представляла собой крупномасштабную реформу, приведшую к кардинальной перестройке концепции содержания общего среднего образования, утверждению парадигмы трудовой школы как доминирующей в отечественной системе общего образования. Утвердив единообразие школьной сети, советская власть сделала первый и одновременно решающий шаг в процессе превращения образования в орудие своего идеологического диктата.

Список источников и литературы

1. Аверкиева, А.А. Некрылова О.Г. История становления органов советского образования 1917-1921 годах [Электронный ресурс] / А.А. Аверкиева, О.Г. Некрылова // Filo Ariadne. – 2019. – № 4 (16). – С. 29-41. – Режим доступа: URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41856717 (дата обращения: 01.11.2021).
2. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 14.08.1923 «О ликвидации неграмотности» [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс: справочная правовая система: сайт. – 1918. – Режим доступа: URL: http: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 16.10.2021).
3. Крупская, Н.К. Педагогические сочинения. Трудовое воспитание и политехническое образование: собрание сочинений; под ред. Ф.С. Озерской / Н.К. Крупская. – Москва: Акад. пед. наук, 1959. – 630 с.
4. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. / В.И. Ленин. – Москва: Госполитиздат, 1962. – Т. 35. – 599 с.
5. Ленин, В.И. О кооперации / В.И. Ленин. – Москва: Центросоюз, 1930. – 36 с.
6. Луначарский, А.В. О народном образовании: статьи и речи за период 1917-1929 гг. / А.В. Луначарский. – Москва: Акад. пед. наук РСФСР, 1958. – 559 с.
7. Народное образование в СССР: Общеобразоват. Школа. Положение о Единой Трудовой Школе РСФСР 1918 года: сборник документов 1917-1973 гг.; сост. А.А. Абакумов, Н.П. Кузин, Ф.И. Пузырев, Л.Ф. Литвинов. – Москва: Педагогика, 1974. – 137 с.
8. Программы-минимум для единой трудовой школы 1-й и 2-й ступени: сборник документов. – Петроград: Отд. Снабжения Петрогубоно, 1923. – 163 с.

Боброва Мария Викторовна
студентка, бакалавр
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет
имени И.А. Бунина»
Россия, г. Елец
E-mail: masha.maria-bobrova@yandex.ru

МОСКОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КАК ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ПРОРЫВ АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ

Аннотация: *В статье освещается уникальная по своему значению Московская конференция министров иностранных дел Советского Союза, Соединенных штатов Америки и Великобритании. Рассматриваются аспекты решения данной конференции и мнениях трех держав по особо значимым вопросам.*

Ключевые слова: *Великобритания, конференция, Красная Армия, СССР, США.*

THE MOSCOW CONFERENCE AS A DIPLOMATIC BREAKTHROUGH OF THE ANTI-HITLER COALITION

Abstract: *The article highlights the unique Moscow Conference of Foreign Ministers of the Soviet Union, the United States of America and Great Britain. The aspects of the decision of this conference and the opinions of the three powers on particularly significant issues are considered.*

Keywords: *Great Britain, Conference, Red Army, USSR, USA.*

Антигитлеровская коалиция берет свое начало еще в июле 1941 года, когда было подписано соглашение по борьбе с немецко-фашистскими захватчиками между Союзом Советских Социалистических Республик и Великобританией. Спустя время к двум державам присоединяется третья – Соединенные Штаты Америки.

Период Второй мировой войны наглядно показал продуктивность антигитлеровской коалиции, так как общими задачами держав являлось свержение гитлеровского режима и освобождение захваченных европейских государств. Однако сразу было понятно, что господствующую сторону в случае скорейшего окончания войны займет именно Советский Союз, ведь сразу после поражения немецкого государства ни одна страна не сможет бросить вызов СССР. И поскольку именно советское государство играет ключевую роль во Второй мировой войне, то необходимо оказывать ей всяческую помощь и стараться налаживать дружеские отношения.

Итог летне-осенней кампании 1943 года окончательно и бесповоротно передал стратегическую инициативу в руки Советской Армии. Шансы немецкого командования изменить ситуацию оказались тщетными. Несмотря на все

победы, которые были одержаны Красной Армией, немецко-фашистские захватчики были настроены переломить шаткое положение и взять реванш. Нелегкий путь к решительной победе над немецким командованием требовало сосредоточения ресурсов всего Советского Союза. В связи с этими задачами была необходима мобилизация антигитлеровской коалиции, которая занимала значимое место в советской политике.

Антигитлеровская коалиция совместно с победами над немецкими силами выдвинула на повестку дня международной конференции вопрос о послевоенном урегулировании. В начале 1943 года для разработки советской позиции по главным вопросам создается Комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства, которая возглавлялась М.М. Литвиновым, а также Комиссия по вопросам перемирия во главе с К.Е. Ворошиловым [4, с. 18].

СССР выдвинул свою позицию на урегулирование послевоенного порядка, которая была представлена в докладе И.В. Сталина. Прежде всего, в докладе говорилось о том, что народы Европы освобождались от захватчиков, а также о предоставлении им помощи для восстановления; возможность самим решать вопрос о своем дальнейшем государственном устройстве; жесточайшее взыскание зачинщикам военных действий; разработка мер для предотвращения вероятности агрессии со стороны Германии; сотрудничество народов Европы в политических, экономических и культурных вопросах [1, с. 23]. В целом советская дипломатия опиралась именно на эти задачи из представленной программы.

Приоритетной целью Советского руководства являлось быстрое окончание войны, а также вопросы о дальнейшем взаимодействия государств. Советское правительство на заседании предложило к разработке отдельного пункта по сведению к минимуму сроков войны против немецко-фашистских захватчиков. 19 октября 1943 года глава от советской делегации В.М. Молотов предоставил другим делегатам план действий от СССР на этот счет. Сначала было необходимо «осуществить такие безотлагательные мероприятия со стороны правительств Великобритании и США еще в 1943 году, которые обеспечат вторжение англо-американских армий в Северную Францию и которые, наряду с мощными ударами советских войск по основным силам германской армии на советско-германском фронте, должны коренным образом подорвать военно-стратегическое положение Германии и привести к решительному сокращению сроков войны» [3, с. 21].

Главным вопросом на конференции все же являлся вопрос об открытие второго фронта весной 1944 года. Английский представитель Энтони Иден предоставил инструкцию от Уинстона Черчилля, в которой был четкий ответ на вопрос об открытии второго фронта. В нем английский премьер-министр ушел от конкретного ответа, всячески подчеркивая в преувеличенном виде проблемы на пути открытия второго фронта. Черчилль лично поручил Идену сообщать вести главе Советского руководства о трудностях, с которыми постоянно сталкивается англо-американская сторона и которые влияют на дату открытия второго фронта [2, с. 13].

На одном из заседаний Московской конференции, английский генерал Гастингс Исмей и американский генерал Уильям Фриш Дин сообщили советскому правительству о своих решениях по реализации ряда мер по подготовке высадки войск в Ла-Манше. Однако ни одна из сторон так и не назвала точной даты высадки войск по ее форсированию. Из этого стало понятно, что несмотря на все убеждения Черчилля и Рузвельта, были прямые намеки на новую отсрочку о вопросе открытия второго фронта.

На Московской конференции 1 ноября 1943 года был подписан секретный протокол. В нем говорилось о том, что Советское руководство рассмотрело заявления англо-американских генералов и надеется, что вопрос касательно открытия второго фронта весной 1944 года также будет в силе. Вопрос об открытии второго фронта на этом по сути был закрыт. Однако представители от Соединенных Штатов Америки и Великобритании так и не смогли дать утвердительного ответа по данному вопросу, но все три делегации признали своей первоочередной задачей ускорение конца войны [3, с. 18].

Все внимание правительств Соединенных Штатов Америки и Великобритании было сосредоточено на вопросе о получении максимальной выгоды от победы над немецко-фашистскими захватчиками. Англия и США понимали, что вскоре советские войска выгонят оккупантов из своей территории и стремительно зайдут на освобождение территорий стран Европы. Вся эта ситуация полностью меняла военно-политическую расстановку сил на международной арене. Не даром, большинство вопросов, которые рассматривались на Московской конференции преимущественно английской стороной, касались политики в отношении соседних с Советским Союзом государств. Часть вопросов были посвящены Польше, Балканским странам и т.д.

Рассматривая эти вопросы, Великобритания и Соединенные Штаты Америки не совсем руководствовались задачей сближения с Советским Союзом, а заботились о том, чтобы всеми силами привести в страны, которые будут постепенно освобождаться советскими войсками, прозападные политические установки.

Взгляды Соединенных Штатов Америки на Московской конференции в основном не отличались от английских, однако и можно проследить некое различие. Так, если Великобритания сосредоточила свой взор преимущественно на европейских проблемах, то США сконцентрировалась больше к установлению послевоенного порядка на международной арене. Также Вашингтон поднял и такие наиболее значимые вопросы как продовольствие, транспорт, торговля, финансы и т.п., которые позволили бы американским монополиям распространить свое экономическое влияние впоследствии на весь мир. Однако в отличии от своих британских коллег американская делегация была более пассивна [4, с. 67].

Наиболее существенные инициативы, которые были внесены американской стороной, касались преимущественно германской проблемы, а также декларации четырех стран по проблеме всеобщей безопасности. Так, 23 октября

1943 году американский политический деятель Корделл Хэлл представил на заседании разработку плана об обращении с Германией, которое состояло из трех частей.

Первая часть включала в себя основные принципы о безоговорочной капитуляции Германии, во второй части говорилось об обращении с Германией во время перемирия, а в третий части были представлены основы будущего политического статуса Германии. Так, американское руководство выступило с предложением децентрализации германской политической структуры, а также всяческим образом поощрять направленные на это разнообразные движения внутри самой Германии. Энтони Иден поддержал данную идею, изложив 25 октября 1943 года британский план относительно будущего Германии [4, с. 69].

Позиция Советского Союза касательно вопроса германского будущего занимала особое положение. «Поскольку германские войска все еще находятся на значительной части территории Советского Союза, мы особенно чувствуем потребность в том, чтобы как можно скорее сокрушить гитлеровскую армию и выбросить ее с нашей территории» [4, с. 70]. То есть советское руководство полагало, что подобные заявления приведут к ужесточению германского сопротивления.

Таким образом, Московская конференция, проходившая с 19 по 30 октября 1943 года, позволила не только создать дипломатические органы международного взаимодействия, но и предусматривала новые дипломатические мероприятия, которые были направлены на тесное сотрудничество стран антигитлеровской конференции по проблемам послевоенного устройства. Однако, несмотря на часть договоренностей преимущественно между тремя державами, центральный вопрос, который больше всего беспокоил Советский Союз – открытие второго фронта весной 1944 года, так и остался неопределенным.

Список источников и литературы

1. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. – М.: Воениздат, 1960. – 600 с.

2. Конференция трех министров в Москве. – М.: Госполитиздат, 1943. – 24 с.

3. Кулиш, В.М. История второго фронта / В.М. Кулиш. – М.: Наука, 1971. – 659 с.

4. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19-30 октября 1943 г.). – М.: Политиздат, 1984. – 384 с.

Бредихин Владимир Евгеньевич
кандидат исторических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
технический университет»
Россия, г. Тамбов
E-mail: bve1978@yandex.ru

КОРПУС СЕКРЕТАРЕЙ ПЕРВИЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЛКСМ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 ГГ.

***Аннотация**: В статье рассмотрены социально-политические характеристики корпуса секретарей тыловых первичных организаций ВЛКСМ; факторы и масштабы его ротации; антикризисные меры комсомольского руководства в области кадровой политики. Сделан вывод о противоречивом влиянии войны на качественный состав руководителей первичного звена и несовершенстве механизма их подбора и профессиональной адаптации.*

***Ключевые слова:** комсомол, тыл, первичная организация, руководящие кадры, ротация, кризис.*

THE CORPS OF SECRETARIES OF THE PRIMARY ORGANIZATIONS OF THE KOMSOMOL DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941-1945

***Abstract:** The article considers the socio-political characteristics of the corps of secretaries of the rear primary organizations of the Komsomol; factors and the scale of its rotation; anti-crisis measures of the Komsomol leadership in the field of personnel policy. The conclusion is made about the contradictory influence of the war on the qualitative composition of primary managers and the imperfection of the mechanism of their selection and professional adaptation.*

***Keywords:** komsomol, rear, primary organization, senior personnel, rotation, crisis.*

Актуальность научного анализа кадров нижнего звена административного аппарата ВЛКСМ в период войны 1941-1945 гг. связана как с усилением политической роли тылового комсомола в условиях кадрового кризиса местных партийных структур, так и значением этого аппаратного звена в механизме исполнения партийных поручений. Именно секретарям первичных комсомольских организаций приходилось наиболее тесно взаимодействовать с союзной и несоюзной молодёжью и находить организационные способы запуска её социальной активности в интересах национальной обороны. От их личных качеств, политического кругозора и административных способностей непосредственно зависели результаты работы тылового комсомола.

Как и ряд других сюжетов, связанных с темой организационного строительства ВЛКСМ в 1930 – 1950-е гг., данная тема не удостоилась пристального исследовательского внимания современных отечественных и зарубежных авто-

ров. В отечественной историографии последних двух десятилетий в контексте поднятой проблемы стоит упомянуть региональные исследования автора этих строк и сибирского историка С. Г. Желаевой [2, 4, 6, 7]; в зарубежной – канадского специалиста по ювенальной истории С. Бернстейна, чья новейшая монография о комсомоле конца 1920-х – первой половины 1940-х удостоилась перевода на русский язык [1]. В публикациях В.Е. Бредихина и С.Г. Желаевой, с опорой на местный материал, было показано противоречивое влияние войны на социально-политические характеристики корпуса комсомольских руководителей нижнего звена, раскрыты основания и интенсивность его ротации, особенности теоретической подготовки. Кроме того, данные вопросы в контексте сравнительного анализа комсомольской номенклатуры военных лет получили освещение в новейшей, написанной на материале центральных комсомольских органов, монографии В.Е. Бредихина [3].

В представленной статье, в отличие от упомянутой монографии, объектом научного анализа является не тыловой комсомольский аппарат в целом, а только его нижнее звено – корпус секретарей первичных организаций. Предмет исследования остаётся прежним – социально-политические параметры этой прослойки руководителей, факторы и особенности её ротации во взаимосвязи с функциональным потенциалом ВЛКСМ.

К факторам, определявшим количественный и качественный состав секретарей первичных комсомольских организаций тыла и особенности их ротации, следует отнести немецкую оккупацию западных областей страны; военно-мобилизационные кампании; миграционные процессы в тылу; внутрисоюзные потребности в замещении штатных и внештатных вакансий сотрудников территориальных комитетов; реэвакуацию комсомольских активистов в освобождённые от немцев районы; отсутствие в комсомоле, в отличие от правящей партии, кадрового резерва. Перечисленные обстоятельства обусловили резкое сокращение численности первичного аппарата руководителей, его феминизацию, стремительную ротацию и дисквалификацию.

Война, на своём пике (конец 1942 г.) привела к двухкратному сокращению числа первичных организаций (с 343 тыс. до 161,7 тыс.) и трёхкратному – численности членов ВЛКСМ. На фоне усложнения стоящих перед союзом партийных задач, его первичные организации, в сравнении с предвоенным периодом, организационно ослабли, что проявилось, в том числе, в увеличении доли, так называемых, малочисленных организаций, состав которых не превышал 5 человек: их вес в 1942-1945 гг. держался на уровне 27-29% [10, д. 94, л. 126, д. 110, л. 4, д. 130, л. 5, д. 231, л. 6, д. 237, л. 16об.]. В 1943-1944 гг. ежегодно происходила ликвидация в среднем 8,5% первичных организаций [8, с. 173; 10, д. 96, л. 4об., 5об., д. 130, л. 2об. – 5об., д. 231, л. 9, д. 232, л. 24-25, 62-65, д. 237, л. 1об., 15об. – 17об.].

Постоянное обновление личного состава первичных организаций, неразборчивое интенсивное пополнение союза новыми членами, демографические изменения в составе молодёжи тыла качественно влияли на состав корпуса секретарей первичных организаций, являвшегося, за редким исключением, вне-

штатным, то есть, неоплачиваемым звеном комсомольского аппарата, вынужденным совмещать свою профессиональную деятельность (работу или учёбу) с крайне тяжёлой в военное время общественной нагрузкой в комсомоле.

Наиболее значительные изменения произошли в половых пропорциях, в которых образовался полярный дисбаланс в пользу руководителей женского пола, чья доля выросла с предвоенных 37% до 76,2% [11, д. 97, л. 191, 192]. Причём, как свидетельствуют местные материалы, рост женской прослойки в составе секретарей первичных организаций продолжался до окончания войны: по Тамбовской территориальной организации за 1943 – первую половину 1945 гг. она увеличилась с 74,6% до 87,4% [2, с. 137; 6, с. 59]. Подобная кадровая тенденция, учитывая общие демографические изменения среди совершеннолетней молодёжи тыла, была неизбежной и вызывала известные административные трудности, однако позволяла территориальным комитетам ВЛКСМ заполнить регулярно возникавшие на фоне воинских мобилизаций обширные вакансии в прослойке руководителей первичного звена и снизить интенсивность их ротации, дезорганизующей оборонную работу союза.

Необходимо отметить более высокий уровень феминизации руководства первичных организаций в сравнении с их личным составом, в котором доля комсомольцев женского пола не превышала на протяжении войны 70 % (против 40% перед войной). Сдерживающим фактором в последнем случае служила мощная (25-35%) прослойка подростков 14-17 лет, в которой продолжал сохраняться довоенный баланс полов [5, с. 62].

Значительные изменения произошли в составе возрастных групп руководителей низшего ранга (см. таблицу 1) [10, д. 232, л. 17].

Таблица 1. Состав секретарей первичных организаций по возрасту

Дата	**Всего секретарей**	**В том числе**				
		до 17	**18 – 20**	**21 – 23**	**24 – 26**	**старше 26**
01.07.1941	310196 **100 %**	-	82375 **26,6 %**	124899 **40,3 %**	78468 **25,3 %**	24454 **7,9 %**
01.07.1942	74897 **100 %**	5832 **7,8 %**	15892 **21,2 %**	36526 **48,8 %**	10997 **14,7 %**	5650 **7,5 %**
01.01.1943	98722 **100 %**	8868 **9,0 %**	49889 **50,5 %**	19573 **19,8 %**	13417 **13,6 %**	6975 **7,1 %**
01.01.1944	128390 **100 %**	11994 **9,3 %**	38204 **29,8 %**	47021 **36,6 %**	22560 **17,6 %**	8611 **6,7 %**
01.01.1945	247079 **100 %**	28946 **11,7 %**	73451 **29,7 %**	88079 **35,6 %**	43319 **17,5 %**	13284 **5,4 %**
01.01.1946	305090 **100 %**	43828 **14,4 %**	110421 **36,2 %**	89078 **29,2 %**	44948 **14,7 %**	16815 **5,5 %**
В среднем за период	**100 %**	**8,5**	**31,8**	**34,8**	**18,4**	**6,5**

Данные таблицы 1 свидетельствуют о критическом понижении среднего возраста секретарей первичных организаций до периода коренного перелома (до 1943 г.) с последующим частичным возвратом к предвоенным показателям. Так, за первые полтора года войны группа работников в возрасте до 20 лет выросла с 26,6% до 59,5%, в то время как доля зрелой молодёжи 21-26 лет упала с 65,6% до 33,4%. При этом комсомольскому руководству удалось в самый трудный период войны сохранить среди руководителей первичных организаций прослойку коммунистов-переростков на уровне более 7%. На заключительном этапе войны (1944-1945 гг.) зрелая молодёжь комсомольского возраста вернула доминирующие позиции в составе низового руководства, однако доля секретарей, чей жизненный цикл приходился на фазу первичной социализации, попрежнему оставалась очень высокой – около 40%. Очень серьёзный удар нанесла война по прослойке наиболее опытных секретарей предпорогового возраста (24-26 лет).

Таким образом, в среднем 40% руководителей первичных организаций военного времени находилось в возрасте интенсивной социализации, обладая крайне узким жизненным кругозором. На этот факт, как важное препятствие на пути успешной организационной деятельности, обращало внимание комсомольское руководство [2, с. 139].

Интенсивная феминизация тыловых комсомольских руководителей первичного звена, как показывает таблица 2, сопровождалась ростом их образовательного уровня, поскольку степень образованности женской молодёжи в СССР конца 1930-х гг. (по данным переписи 1939 г.) была выше мужской [10, д. 232, л. 17].

Таблица 2. Состав секретарей ЦК ВЛКСМ, территориальных и первичных организаций по образованию

Дата	**Численность работников (в %)**	**в том числе имеют образование**			
		начальное	**неполное среднее**	**среднее**	**высшее**
1941	310196 **100**	88129 **28,4**	139737 **45,0**	74545 **24,0**	7785 **2,5**
1942	74997 **100**	11587 **15,4**	34144 **45,5**	26365 **35,2**	2901 **3,9**
1943	98722 **100**	16194 **16,4**	44355 **44,9**	33936 **34,4**	4237 **4,3**
1944	128390 **100**	18016 **14,0**	59800 **46,6**	45689 **35,6**	4885 **3,8**
1945	247079 **100**	36283 **14,7**	125615 **50,8**	78479 **31,8**	6702 **2,7**
1946	305090 **100**	54402 **17,8**	149377 **49,0**	86647 **28,4**	14664 **4,8**
В среднем за период	**100**	**19,3**	**47,5**	**29,7**	**3,5**

Согласно таблице 2, в 1941-1944 гг. сохранялась стабильность прослойки руководителей с неполным средним образованием; наблюдались двухкратное сокращение прослойки с начальным образованием (с 28,4% до 14%) и значительный рост хорошо (для своего времени) образованных руководителей: с 24% до 35,6% – секретарей со средним образованием и с 2,4% до 3,8% – с высшим.

Местные материалы, в зависимости от степени «аграризации» территорий, дают в этом отношении противоречивую картину. Так, аналогичную общесоюзной тенденцию демонстрировал корпус секретарей первичных организаций Тамбовской области, в котором численность работников с высшим и средним образованием за 1943 – первую половину 1945 г. увеличилась с 34,5% до 49,8%. В то же время в Бурят-Монгольской организации за тот же период фиксировалась другая динамика: сокращение группы образованных секретарей с 34,2% до 25,5%, связанное с увеличением в составе низовых руководителей прослойки колхозников [2, с. 142; 6, с. 64].

Таким образом, в целом по стране в 1943-1945 гг. до 40% секретарей первичных организаций обладало образовательной подготовкой, достаточной для реализации функции политического воспитания молодёжи. При этом образовательный уровень комсомольских руководителей первичного звена заметно превосходил средний уровень образования членов ВЛКСМ в целом, среди которых среднеобразованная молодёжь не превышала 20%, а высокообразованная – 2% [5, с. 55]. Это подтверждает правоту взгляда на комсомольский актив как элиту советской молодёжи.

Своеобразная картина наблюдалась в составе корпуса секретарей первичных организаций в сравнительной характеристике внутрисоюзного стажа (см. таблицу 3) [10, д. 232, л. 17].

Таблица 3. Состав секретарей первичных организаций в 1941-1945 гг. по союзному стажу (чел./ %)

Дата	**Всего секретарей**	**В том числе, принятых в ВЛКСМ**					
		до 1934	**в 1935 – 1937**	**в 1938 – 1940**	**в 1941 – 1942**	**в 1943 – 1944**	**с 1945**
01.07.1941	310196 **100%**	47014 **15,2**	51553 **16,6**	211629 **68,2**	-	-	-
01.07.1942	74997 **100%**	7361 **9,8**	13175 **17,6**	33061 **44,1**	21400 **28,5**	-	-
01.01.1943	98722 **100%**	8724 **8,8**	16041 **16,2**	42289 **42,8**	31668 **32,1**	-	-
01.01.1944	128390 **100%**	6635 **5,2**	18520 **14,4**	58789 **45,8**	28662 **22,3**	15784 **12,3**	-
01.01.1945	243751 **100%**	6882 **2,8**	26842 **11,0**	96631 **39,6**	53681 **22,0**	59715 **24,5**	-
01.01.1946	305090 **100%**	5880 **1,9**	24773 **8,1**	100442 **32,9**	132232 **43,3**		41763 **13,7**
В среднем за период	**100%**	**7,1**	**13,0**	**46,8**	**29,6**		**3,6**

Как свидетельствуют её данные, в начале войны руководители со стажем пребывания в ВЛКСМ в пределах трёх лет составляли, очевидно, свыше 60%, а в её конце – только около 35%. Следовательно, даже в условиях острого кадрового голода, комсомольское руководство старалось выдвигать на эту ответственную должность лиц с достаточным опытом комсомольской жизни. Из табличных данных видно, что на протяжении большей части войны руководству территориальных комитетов удавалось поддерживать прослойку секретарей 1935-1940 гг. вступления в союз стабильно на уровне 60%, и даже к концу войны она превышала 50%. Лишь 12,3% секретарей первичных организаций в разгар войны имело опыт комсомольской жизни в пределах одного года. Такое было возможно только за счёт масштабной феминизации секретарского корпуса.

Феномен доминирования «скороспелых» секретарей в составе корпуса первичных руководителей в начале войны объяснялся кадровой «революцией» в комсомоле конца 1930-х гг., кардинально поменявшей облик его аппарата на всех уровнях: в ходе отчётно-выборной кампании 1938 г. в состав низшего руководящего звена влилось 48,9% новых работников, из которых подавляющее большинство вступило в союз в 1937-1938 гг., а в результате выборной кампании 1940 г. впервые эту должность получило 58,5% избранных кандидатов [11, д. 97, л. 18, 52].

Таким образом, во всесоюзном масштабе, по продолжительности опыта комсомольской жизни руководители первичных организаций военного времени выигрывали у своих предвоенных коллег и в своей массе являлись воспитанниками комсомола с довоенного времени. Данное утверждение не учитывает местные особенности ротации корпуса первичных руководителей, проходившей, в том числе, в условиях отсутствия возможности сохранения мощного довоенного кадрового ядра. Вероятно, такое наблюдалось в аграрных регионах страны, в которых призыву на фронт подлежал наиболее высокий процент молодёжи. Так, в Тамбовской областной организации доля вступивших в союз до 1941 г. сократилась более серьёзно: с 60,4% в начале 1944 г. до 33,1% к середине 1945 г. [2, с. 140; 11, д. 97, л. 192, 197].

Гораздо хуже обстояли дела в первичном звене комсомольских руководителей тыла со стажем административной деятельности: в 1943 г. лишь 26,2% секретарей замещало должность больше года [11, д. 97, л. 193, 207]. Местные материалы подтверждают и даже усугубляют эту картину. Так, в Бурят-Монгольской территориальной организации секретарей со стажем деятельности свыше одного года в 1945 г. насчитывалось 15%; в Тамбовской, в 1943-1944 гг.: 20-25%. В конце 1943 г. половина секретарей первичных организаций Тамбовской области имела административный стаж в пределах шести месяцев, серьёзные проблемы в планировании работы своей первичной организации и даже в понимании своих функций [2, с. 135, 136, 142; 6, с. 58].

Таким образом, административный опыт непосредственных организаторов молодёжи – работников первичного звена, был явно недостаточным для ус-

пешного решения крайне сложных оборонных задач. Поэтому проблема их профессиональной подготовки стояла крайне остро.

Во время войны в корпусе секретарей первичных организаций наблюдался рост партийной прослойки: уже в первый год войны она поднялась с предвоенных 7,2% до 8,3-8,4%, достигнув к началу 1944 г. своего максимума – 14,2%. Вероятной причиной такого скачка мог стать прилив в низовой комсомольский актив демобилизованных коммунистов-фронтовиков. На заключительном этапе войны, под влиянием сравнительно слабо партизированных кадров освобождённых от немецкой оккупации районов, уровень партийной прослойки секретарского корпуса упал до 10,3%. Если по тыловым территориальным организациям она колебалась в пределах от 7,4% (Кировская область) до 36,2% (Ленинград), в исключительных случаях опускаясь ниже 10 %, то по временно оккупированным – от 1,1% (Белоруссия) до 11,9% (Новгородская область), редко превышая 7%. Показатель конца войны оказался достаточно стабильным, составив к 1946 г. 11,1 %, что, как видим, заметно превышало довоенное значение [10, д. 232, л. 17, 18, 18об.; 11, д. 97, л. 192, 193, 196].

Необходимо отметить, что на партийность руководителей первичного звена оказывал влияние род их профессиональной деятельности: партийная прослойка была сравнительно высокой среди секретарей первичных организаций промышленно-транспортных предприятий и, наоборот, сравнительно низкой среди секретарей колхозных организаций. К примеру, в начале 1944 г. среди первых она составляла 38,5%, а среди вторых – 9,2%. Кадры секретарей временно оккупированных территорий сильно сократили размер партийной прослойки в указанных группах: к началу 1945 г. она упала до 22,6% среди руководителей промышленно-транспортных организаций и до 7,8% – по колхозному сектору [10, д. 232, л. 19].

Период войны характеризовался крайне высокой интенсивностью ротации руководящих работников первичного звена, имевшей в своей основе четыре источника: воинские мобилизации; реэвакуацию в освобождённые районы; выдвижение на партийную, советскую и хозяйственную работу; административную некомпетентность.

За второе полугодие 1941 г. фронт поглотил, как свидетельствуют материалы Тамбовской областной организации, не менее 35% корпуса секретарей первичных организаций. В течение 1942-1945 гг. в армию было призвано ещё свыше 66 тыс. работников этого звена [2, с. 133; 8, с. 78, 87, 90, 92, 93, 134, 135]. Интенсивное восстановление комсомольской структуры в освобождённых районах, где в течение 1943-1944 гг. было сформировано 102615 первичных организаций, сопровождалось перемещением туда из тыла значительных масс комсомольского актива. Так, в национальные республики до конца войны было направлено свыше 10 тыс. ответственных работников [8, с. 91, 136, 406; 11, д. 97, л. 214, 215]. На партийную работу за время войны было выдвинуто 3700 секретарей первичных организаций [8, с. 136].

Документы ЦК ВЛКСМ оценивают темп ежегодного обновления состава секретарей тыловых первичных организаций в среднем в 50%. Региональные

материалы фиксируют более высокую интенсивность этого процесса. К примеру, в Тамбовской области во втором полугодии 1942 г. их состав обновился на 50%, в 1943 г. – на 43%, первом полугодии 1944 г. – на 40% и лишь в первом полугодии 1945 г. – на 20% (в целом за 1945 г. – на 43,4%). При этом в первый период войны главным источником кадровой мобильности активистов являлись воинские мобилизации – в 1942 г. на них пришёлся 51% оснований отстранения от должности. По мере приближения окончания войны, на фоне феминизации личного состава этой группы работников, роль фронтового фактора быстро падала: в 1945 г. он явился основанием отстранения от должности лишь 9,5% оставивших руководство активистов. На первый план выдвигаются такие основания отстранения как профессиональная некомпетентность, поступление на обучение в вузы и техникумы. Так, среди отстранённых в 1943-1945 гг. от должности секретарей первичных организаций наблюдался устойчивый рост прослойки непереизбранных отчётно-выборными собраниями, величина которой составила в 1943 г. 18,5%, 1944 г. – 34,6%, 1945 г. – 54% [2, с. 136, 138; 11, д. 97, л. 197, 198, д. 98, л. 292, 293].

Тамбовская статистика движения секретарей первичных организаций по основанию отстранения от должности определяет долю мобилизованных в армию секретарей в 1942-1943 гг. от 50,6% (второе полугодие 1942 г.) до 35,7% (второе полугодие 1943 г.), а в 1944-1945 гг. – в 2 – 5% от числа отстранённых за полугодие. С. Г. Желаева определяет долю мобилизованных в армию секретарей Бурят-Монгольской АССР за 1942-1945 гг. в 11%. Доля отстранённых по обвинению в профессиональной некомпетентности колебалась в Тамбовской области в 1942-1943 гг. в пределах 10 – 14,4%, а в 1944-1945 гг. – в пределах 4 – 7%. В Бурят-Монгольской АССР она составила в 1942-1945 гг. в среднем 11,6%. По мере приближения окончания войны падала доля секретарей, отстранённых от работы в связи с повышением по службе, достигавшая в Тамбовской области в 1942-1943 гг. 16%, а затем опустившаяся до 3-8% за отчётный период. В Бурят-Монгольской АССР аналогичный показатель составил за время войны 5,6%. Обращает внимание большой удельный вес отстранённых без объяснения причин, достигавший в Тамбовской области в 1943 г. 50%, а в первом полугодии 1945 г. – 36%. Очевидно, в эту группу могли входить лица, добровольно оставившие должность в силу жизненных обстоятельств, но как свидетельствуют документы, львиную её долю составляли отстранённые за непрофессионализм, но без дисциплинарной формулировки: в 1942 г. численность этой группы в три раза превышала численность официально снятых с должности с формулировкой «не справившиеся с работой». В итоге, реальный показатель числа отстранённых в связи с профессиональной некомпетентностью секретарей первичных организаций достигал в 1942-1943 гг. в Тамбовской области 60-70%. Не более 2% секретарей, как показывают региональные материалы, были отстранены от работы с исключением из комсомола, в том числе за уголовные преступления [2, с. 138, 141, 142; 6, с. 59, 60].

По оценке самого комсомольского руководства, кадровая политика центральных и местных комсомольских органов в годы войны имела такие типичные недостатки как низкое качество отбора кандидатов на руководящие долж-

ности и отсутствие кадрового резерва, вследствие чего отстранение работника от занимаемой должности часто сопровождалось образованием длительной вакансии [11, д. 97, л. 204].

Вопросы кадровой политики обсуждались на пленуме ЦК ВЛКСМ в январе 1945 г., где центральное руководство подвергло критике политику интенсивной ротации работников первичного уровня, требуя от региональных органов поддержания стабильности аппарата, определявшего результат всей комсомольской деятельности [9, д. 227, л. 39-41]. Региональные комитеты ВЛКСМ пытались решить эту проблему, требуя от райкомов предварительного отбора кандидатов на ответственные должности и периодической сплошной квалификационной проверки аппарата. В целях укрепления кадровой стабильности принимались решения о временных лимитах замещения должности секретаря – не менее года, но они не выполнялись. Ситуация усугублялась отсутствием на протяжении войны постоянства в базовых критериях к кандидатам на замещение низовых руководящих должностей, в качестве которых выступали уровень образования, деловые качества, производственные достижения. В соответствии со сменой критериев, комсомольские органы поочерёдно концентрировали кадровое внимание на различных прослойках молодёжи: учителях, служащих, передовиках материального производства. Однако добиться одновременного сочетания у секретарей первичных организаций всех перечисленных качеств не удавалось [2, с. 141, 142; 6, с. 62-64].

Региональные материалы фиксируют наличие длительных кадровых вакансий среди руководителей первичного звена. Так, осенью 1943 г. в Тамбовской области вакантными числилось 5,5% должностей. Правда, по оценке С.Г. Желаевой, сделанной на основании материалов Восточной Сибири, к концу 1943 г. проблема своевременного заполнения кадровых вакансий в целом была решена. Исключительны были масштабы кооптации низовых руководящих работников: в Тамбовской области доля назначенных секретарей первичных организаций составляла в 1943-1945 гг. от 76% до 91%, и лишь в середине 1944 г., в период проведения отчётно-выборных собраний, она временно опустилась до 43% [2, с. 134, 137; 6, 56, 57; 10, д. 232, л. 32, 33].

Дополнительными мерами поддержания работоспособности первичного административного аппарата в период войны стало расширение внештатного инструкторского аппарата при райкомах; внедрение практики рассылки вспомогательных методических и разъяснительных материалов, с подробными инструкциями по организации их выполнения; принятие мер по созданию кадрового резерва; развитие системы подготовки и переподготовки ответственных работников [2, с. 134; 11, д. 97, л. 203].

Таким образом, период войны характеризовался чрезвычайно интенсивным кадровым оборотом первичного секретарского корпуса ВЛКСМ, в основе которого лежали потребности фронта, подполья, восстановления временно оккупированных территорий, пополнения аппарата партийных, советских и хозяйственных органов, а также профессиональная некомпетентность значительной части его представителей.

Корпус комсомольских руководителей первичного звена оказался в русле общесоюзных тенденций феминизации, снижения среднего возраста и роста среднего образовательного уровня. Феминизация низового аппарата обеспечила сохранение функциональной дееспособности организации в целом, позволив поднять образовательный уровень её внештатного аппарата, сравнительно быстро заполнить обширные вакансии и снизить кадровую мобильность, дезорганизующую оборонную работу союза. Образовательный уровень, приблизительно, трети секретарей первичных организаций позволял им выполнять функцию политического воспитания молодёжи. При этом он заметно превосходил средний уровень образования комсомольцев в целом, подтверждая правоту взгляда на комсомольский актив как элиту советской молодёжи.

Приблизительно половина состава тылового корпуса секретарей первичных организаций находилась в возрасте интенсивной социализации, обладая крайне узким жизненным кругозором. Однако ещё более серьёзным недостатком являлся малый опыт административной работы значительной части его представителей, препятствовавший успешному решению комсомолом крайне сложных оборонных задач.

Список источников и литературы

1. Бернстейн, С. Воспитанные при Сталине. Комсомольцы и защита социализма / С. Бернстейн. – Москва: Политическая энциклопедия, 2018. – 302 с.
2. Бредихин, В.Е. Динамика состава руководящих кадров ВЛКСМ в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (на примере Тамбовской областной комсомольской организации) / В.Е. Бредихин, И.Ю. Кобзева // Вопросы современной науки и практики. Университет имени В.И. Вернадского. – 2014. – № 3. – С. 131-146.
3. Бредихин, В.Е. Комсомольские кадры и кадровая политика ВЛКСМ в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (на материале территориальных организаций): монография / В.Е. Бредихин. – Тамбов: Издательский центр ФБГОУ ВО «ТГТУ», 2020. – 176 с.
4. Бредихин, В.Е. Подготовка руководящих комсомольских кадров в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (на материалах Тамбовской области) / В.Е. Бредихин // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота. – 2014. – № 10. – С. 41-46.
5. Бредихин, В.Е. Социальный состав ВЛКСМ и его регулирование во второй половине 1930-х – начале 1950-х гг. (на материале территориальных организаций): монография. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. – 192 с.
6. Желаева, С.Г. Деятельность комсомольской организации Бурят-Монгольской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: дис. … канд. ист. наук / С.Г. Желаева; Бурятский государственный университет. – Улан-Удэ, 2012. – 216 с.
7. Желаева, С.Г. Комсомольские кадры Бурятии в годы Великой Отечественной войны / С.Г. Желаева // Народы Бурятии в годы Великой Отечествен-

ной войны: Материалы респ. молодёжной науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых учёных. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2005. – С. 198-205.

8. Работа комсомольских организаций в период Великой Отечественной Войны 1941-1945 гг.: Документы и материалы в двух томах; отв. сост. В.Д. Шмитков. – Т. 2. – Москва: ЦА ВЛКСМ, 1987. – 500 с.

9. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М – 1. Оп. 2. Пленумы ЦК ВЛКСМ.

10. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М – 1. Оп. 33. Сектор учёта и статистики Отдела комсомольских органов.

11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М – 6. Оп. 11. Материалы XI съезда ВЛКСМ. 1949 г.

Гатилов Эдуард Вячеславович
кандидат исторических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный
технический университет»
Россия, г. Липецк
E-mail: gatilow.e@yandex.ru

ЗЕМЕЛЬНОЕ РЕФОРМИРОВАНИЕ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ЧЕРНОЗЕМНОГО КРЕСТЬЯНСТВА. 1920-1923 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ТЕШЕВСКОЙ ВОЛОСТИ ЗАДОНСКОГО УЕЗДА ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Аннотация: *В статье рассматриваются способы выживания черноземного крестьянства в условиях хозяйственного кризиса гражданской войны и перехода к НЭПу 1920-1923 гг. Посредством факторного анализа данных о хозяйственном положении земледельческого сообщества Тешевской волости Задонского уезда Воронежской губернии обосновывается вывод, что способы выживания представляли традиционные для крестьянства корпоративные практики, применение которых обуславливалось тяжестью условий хозяйствования.*

Ключевые слова: *черноземное крестьянство, корпоративное выживание, поведенческие практики, Задонский уезд, Тешевская волость.*

LAND REFORM AND BEHAVIORAL PRACTICES OF THE CHERNOZEM PEASANTRY. 1920-1923. (ON THE EXAMPLE OF THE TESHEVSKAYA VOLOST OF THE ZADONSKY UYEZD OF THE VORONEZH PROVINCE)

Abstract: *The article discusses the ways of survival of the black earth peasantry in the conditions of the economic crisis of the Civil War and the transition to the NEP of 1920-1923. By means of factor analysis of data on the economic situation of*

the agricultural community of the Teshevskaya volost of the Zadonsky Uyezd of the Voronezh province, the conclusion is substantiated that the methods of survival represented traditional corporate practices for the peasantry, the use of which was conditioned by the severity of economic conditions.

Keywords: *chernozem peasantry, corporate survival, behavioral practices, Zadonsky uyezd, Teshevskaya volost.*

Рассматривая крестьянство как корпоративное сообщество [8], можно вести речь о традиционных для земледельцев корпоративных практиках поведения применительно к производственным и общежитийным процессам. Актуализация той или иной поведенческой практики связано с обострением конкретной проблемы – эпидемией, недородом, голодом, войной и пр. Начало третьего десятилетия в советской России ознаменовалось сменой экономической парадигмы в условиях глубочайшего хозяйственного спада, поставив российское крестьянство перед необходимостью мобилизовать все доступные ресурсы для обеспечения собственного выживания. В связи с этим практики корпоративного выживания как проявления крестьянской ментальности становятся актуальным объектом исследования.

Изучение поведенческих практик крестьянства рубежа 1920-х гг. приобретает все больший исследовательский интерес [4], [6], [7]. При этом часто анализ связан с крупными территориальными сообществами. Вместе с тем, расширению научного познания в области корпоративного поведения должны способствовать и узконаправленные исследования конкретного регионального сообщества. В настоящей статье объектом исследования является черноземное крестьянство, предметом – поведенческие практики сельского сообщества Тешевской волости Задонского уезда Воронежской губернии.

Задонский уезд являлся самой северной административной единицей Воронежской губернии, клином разделяя территории Орловской и Тамбовской губерний. До мая 1924 г. – времени упразднения и перевода его в разряд волости Воронежского уезда [5] – он включал 12 волостей. В ходе гражданской войны территория уезда лишь ненадолго – август-сентябрь 1919 г. – стала зоной ведения военных действий. Тем не менее, борьба советской власти с белоказаками, недород 1920 года и 200-процентная продразверстка сильно подорвали крестьянское хозяйство уезда: сократились посевные площади, упала урожайность, уменьшилось поголовье лошадей и скота. В 1921 году население уезда и особенно г. Задонска голодало [3]. В кризисных условиях существования крестьянство уезда было вынуждено приспосабливаться, выбирая наиболее жизнеобеспечивающие поведенческие практики.

Тешевская волость находилась в западной части уезда и являлась местом локализации уездного города Задонска. Среди всех волостей уезда Тешевская была по площади самой большой – более 30 тысяч десятин из которых 18872 дес. (63%) приходилось на пашню. Волость являлась и наиболее населенной – только под усадьбами числилось 2684 десятины [1, Д. 6, Л. 11об.]. На протяже-

нии 1920-1923 гг. население волости постоянно сокращалось (таблица 1) [2, Д. 110. Л. 18, Д. 158. Л. 3., Д. 225. Л. 4.].

Таблица 1. Демографические показатели Тешевской волости за 1920 и 1923 гг.

Год	Мужского пола	Женского пола	Всего
1920 г.			23431
1 января 1922 г.	10777	11875	22652
1 января 1923 г.	10467	11287	21754

За три года волость фактически потеряла 1677 человек. Только за 1922/23 год убыль населения составила 898 человек. Говорить однозначно о причинах сокращения достаточно трудно в силу слабого документального сопровождения. Однако некоторые моменты документы освещают. Например, показатели рождаемости и смертности за 1921/1922 г. (таблица 2).

Таблица 2. Показатели рождаемости и смертности по Тешевской волости за 1921/22 г.

Наименование месяца	Рождений	Смертей
Ноябрь 1921 г.	4	3
Декабрь 1921 г.	16	9
Январь	12	10
Февраль	16	9
Март	14	18
Апрель	10	9
Май	10	24
Июнь	11	26
Июль	4	15
Август	7	9
Октябрь	19	11
Ноябрь	19	16
Декабрь	5	2
	147	161

Согласно представленным данным самыми сложными для земледельцев волости стали весенне-летние месяцы с апреля по июнь 1922 г., для которых характерна низкая рождаемость и высокая смертность. Конец весны - начало лета – сам по себе тяжелый период в продовольственном обеспечении земледельцев. Отсюда и высокая смертность, достигшая первого пика в марте, и второго в мае. Спад в апреле – скорее ошибка учета, чем реальное отражение ситуации, так как показатели смертности продолжили свой рост. Основная причина высокой смертности – голод. По общим данным Тешевского волкома за 1922 г. фиксировалось по волости 2 191 человек питающихся суррогатами, 5769 человек не имеющих ничего из продуктового обеспечения, что составляло со-

ответственно 10 и 25% от населения всей волости. При этом отмечалось 56 случаев смерти от голода [2, Д. 143. Л. 186.].

Естественно, что в при критически низком продовольственном обеспечении резко возрос отход из сельской местности. Так, за первую половину 1923 г. из волости убыло 288 человек, из них 281 мужчина и 7 женщин. Конечно, на фоне всего сельского сообщества Тешевской волости, которое на октябрь 1923 г. составляло 21754 человека в 3945 дворах (без учета дворов 5 хуторов), отходников совсем немного – 1,3%. Но это, как правило, та часть трудовых мигрантов, которая практически полностью утратила свое хозяйство. При этом нуждающееся население составляло значительную часть тешевских земледельцев.

В июле 1923 г. волком собрал данные по населенным пунктам волости для определения льготников по выплате продовольственного налога [2, Д. 255. Л. 3-84.]. К таковым были отнесены крестьянские семьи, утратившие возможности ведения хозяйственной деятельности, обозначаемые как беднота. Для первой категории бедноты, к которой были отнесены не имеющие скота крестьяне, льгота устанавливалась в 100%, т.е. они освобождались от продналога. Для второй категории – частично имеющих скот – по разным населенным пунктам льгота колебалась от 45 до 90%. В таблице 3 представлены данные о количестве бедняцких дворов и едоков в них по населенным пунктам Тешевской волости.

Таблица 3. Количественные показатели бедноты по Тешевской волости

	Всего		**Беднота**			
Населенный пункт	**Дворов**	**Населения**	**дворов**	**%**	**едоков**	**%**
с. Введенское	507	2975	231	45,6	1171	39,4
с. Гнилуша	750	4050	161	21,5	692	17,1
с. Кошары	160	889		0,0		0,0
с. Верхне-Казачье	233	1413	78	33,5	326	23,1
с. Нижне-Казачье	350	1627	52	14,9	199	12,2
с. Репец	249	1462	39	15,7	197	13,5
сл. Тешевка	285	1357	68	23,9	273	20,1
с. Тюнино	232	1373	50	21,6	232	16,9
с. Уткино	378	2290	179	47,4	767	33,5
д. Старая Воскресенка	125	669	19	15,2	74	11,1
д. Новая Воскресенка	106	542	5	4,7	14	2,6
д. Даньшино	74	380	11	14,9	110	28,9
д. Камышевка	185	1172	22	11,9	77	6,6
д. Марьино	103	561	14	13,6	64	11,4
д. Немерзь	60	267	8	13,3	24	9,0
д. Нечаевка	88	461	11	12,5	37	8,0
д. Проходня	60	266		0,0		0,0
	3945	21754	948	24,0	4257	19,6

Согласно данным таблицы 3 бедное население волости составляло 24% дворов и 19,6% едоков от всех дворов и едоков волости. То есть, практически четверть дворов и пятая часть едоков были отнесены к числу бедноты, не способной осуществить хозяйственную деятельности и выплату продовольственного налога. При этом не сложно заметить существенное колебание показателей бедноты по селениям волости. Объяснить поселенные различия в процентном соотношении бедных крестьян с помощью таких критериев как плотность населения, удаленность от уездного центра или ж/д станции, землеобеспечение – крайне сложно. Так в высоконаселенном с. Гнилиша беднота составила лишь 17,1%, в то время как в менее населенных селах Введенском, Уткино – превысило треть, в свою очередь малонаселенная д. Даньшино имела практически третью часть бедного населения. В то же время с. Верхне-Казачье и сл. Тешевка ближе всего расположены к уездному г. Задонску, но беднота в них составила пятую часть. Можно предположить, что бедность части земледельцев – это результат земельной недостаточности. Однако материалы Тешевского волкома позволяют говорить об обеспеченности практически всех, за редким исключением, крестьян землей, установленной поуездной нормой. Следовательно, хозяйственный упадок части крестьянского населения был связан с иными причинами.

Определить эти причины позволяет факторный анализ льготных категорий плательщиков продналога. Анализируемая совокупность составили 948 домохозяйств с числом едоков в 4257 человек. В качестве домохозяев выступали не только мужчины (543 д/х), но и женщины (405 д/х). Высокая доля – 43% женских домохозяйств обусловлена высокой смертностью мужчин.

Таблица 4. Показатели смертности в категориях домохозяев Тешевской волости

Домохозяева / Умершие чл. семей	**Женщины**	**Мужчины**
Мужья	219	36
Жены	2	29
Сыновья	35	11
Родители	29	29

Из таблицы 4 видно, что на момент проведения учета в 219 хозяйствах не стало (умерли от голода, погибли, пропали без вести) мужчин-домохозяев. К этому 35 хозяйств утратили сыновей рабочего возраста, 29 хозяйств полностью или частично потеряли родителей. Если к этому добавить 31 хозяйство из которых мужья и сыновья находились на воинской службе и 28 хозяйств с мужчинами инвалидами, то общее количество домохозяйств без мужских рабочих рук составит 329 или 80% от всей группы женских домохозяйств и 34,7% от всей совокупности бедняцких хозяйств.

В группе мужских домохозяйств на момент учета утрата мужских рабочих рук характерна только для 47 домохозяйств и женских – для 29-ти. К этому следует добавить полную или частичную потерю родителей в 29 домохозяйст-

вах, что в совокупности даст 105 хозяйств с утраченными работниками. Однако в этой группе немаловажным фактором хозяйственного упадка стала отвлечение мужских рук на службу – 71 домохозяйство – и наличие инвалидов в 66 хозяйствах. То есть в данной группе 242 хозяйства (44,5%) имели недостаток в рабочих руках.

Таким образом, по всем бедняцким домохозяйствам недостаток рабочих рук отмечается в 571 дворе или 60% от всех бедняцких хозяйств. Следовательно, у части крестьянских хозяйств были иные доминирующие факторы ухудшения их положения. Здесь следует учесть, что из всей рассматриваемой совокупности хозяйств 146 (15%) фиксировались волкомом как изначально бедняцкие. При этом в группе женских домохозяйств таковыми являлись 45 дворов, а в группе мужских домохозяйств – 101 двор. Плюс ко всему 277 хозяйств характеризовались как утратившие свое хозяйственное положение непосредственно в результате голода 1920-21 гг.

Помимо рассмотренных основных причин хозяйственного упадка можно выделить и вторичные причины. В качестве таковых фиксировались разводы (3 д/х), падеж скота и отсутствие сельскохозяйственного инвентаря (27 д/х) и семейные разделы (22 д/х).

Но ко всему сказанному необходимо добавить еще один немаловажный фактор – большое количество дворов с нетрудоспособными едоками, т.е. детьми. В таблице 5 отражены показатели многодетности в бедняцких домохозяйствах.

Таблица 5. Показатели многодетности в домохозяйствах бедноты Тешевской волости

Количество детей в семье	1	2	3	4	5	6	7	8
Количество домохозяйств	115	128	92	58	46	30	7	4
Всего нетрудоспособных едоков	115	256	276	232	230	180	49	32

Опираясь на материалы таблицы 5 можно констатировать, что семьи с детьми (608 д/х) составляли 64% от всех крестьянских дворов, отнесенных к льготным категориям. В тоже время из всех хозяйств, имеющих детей, многодетные семьи (от 3-х детей и выше) образовывали 237 домохозяйств с 999 детьми. Фактически 38% многодетных семей давали 73% нетрудоспособных едоков. И 243 немногодетных двора имели в совокупности 371 ребенка нетрудоспособного возраста. Таким образом, 1370 нетрудоспособных едоков составляли третью часть от всей совокупности бедняцких крестьянских хозяйствах. Многоедоцкий характер бедняцких крестьянских хозяйств на фоне убыли рабочих рук, прежде всего мужских, формировал крайне низкий уровень жизни с базовой потребностью в продовольствии. Для продовольственного обеспечения крестьянин мог продать либо свой труд, либо имущество.

В периоды голодовок ради выживания в крестьянских семьях было приемлемым проведение обмена недвижимости и прочего имущества на худшее, обмен недвижимости на движимость для последующего ухода на заработки. Частный пример за сентябрь 1921 г. по с. Нижне-Казачье: семья продала свое имущество односельчанину за вознаграждение в 3,5 млн. рублей. Имущество составляло: дом каменный с верхом, двор плетневый, крытый соломой, усадьбу площадью 20х80 саженей, строевые осины. В качестве вознаграждения получили: 1 млн. рублей деньгами, 200 аршин холста на сумму в 1 млн. рублей, мужское пальто драповое с каракулевым воротником на сумму в 700 тысяч рублей, шерстяной костюм на 600 тыс. руб. и вязаную кофту на 200 тыс. рублей [2, Д. 88. Л. 75.]. Подобная продажа преследовала только оставление родных мест.

В условиях разрухи покинуть насиженные места могли позволить себе неимущие или малоимущие, но трудоспособные крестьяне. Хуже было представителям старших возрастов, особенно, оставшихся без детей. Распространенный практикой в крестьянской среде стало заключение своеобразных договоров дожития. Последний мог заключаться как с родственниками, так и иными лицами. Например, жительница с. Кошары Тешевской волости в феврале 1920 г. заключила договор усыновления с собственным племянником. Договор давал последнему право наследования деревянной избы с надворными постройками на условиях выполнения традиционной формулы: докормить, допоить и похоронить. При этом в договоре было уточнение, что какие-либо капризы со стороны приемного сына в отношении приемной матери определят утрату права наследования [2, Д. 88. Л. 36.]. Престарелая крестьянка с. Тюнино в августе 1921 г. заключила аналогичный договор – прописной акт – с собственным сыном, который обязывался ее «докормить, допоить и похоронить, но, чтобы до моего имущества никто не касался» [2, Д. 88. Л. 69.].

Однако бедняцкие хозяйства – это только пятая часть земледельческого сообщества Тешевской волости. Если допустить, что процент зажиточных по волости составлял среднестатистические 5-10%, то подавляющая масса населения волости около 70% – может быть отнесена в разряд середняков. Для этих категорий крестьянства целеполагание сводилось, помимо продовольственного обеспечения и к сохранению хозяйственных возможностей. Особенно это было важно в условиях проводимой властью с 1921 г. жесткой налоговой политики. Поэтому одним из массовых явлений стали семейные разделы.

Направленность семейных разделом в 1920-23 гг. по Тешевской волости не была однозначной. Отдельные разделы были конкретно направлены на снижение налоговой нагрузки. К таковым можно отнести семейный раздел, проведенный в январе 1920 г. в с. Уткино. В рамках данного раздела сын со своей дочерью отделялся от отца. О состоятельности делимого хозяйства свидетельствуют материалы раздела (таблица 6).

Таблица 6. Имущество, отошедшее сторонам по семейному разделу

Отец		Сын	
Имущество	**Стоимость (руб.)**	**Имущество**	**Стоимость (руб.)**
Горница деревянная, крыта соломой	7000	Изба кирпичная, крыта соломой	20000
Лошадь (малый мерин)	7000	Сенцы	300
Корова	12000	Двор каменный, крыт соломой	4000
Сбруя (1 компл.)	1000	Амбар деревянный, крыт соломой	4000
Телега с колесами	250	Рига деревянная, крыта соломой	2000
Соха без полицы	150	Лошадь (большой мерин)	10000
Домашняя утварь	250	Овцы – 4 гол.	6000
		Самовар	100
		Телеги на деревянном ходу – 2 шт.	2500
		Сбруя (1 компл.)	250
		Шины на колеса – 4 шт.	600
		Овчины невыделанные – 2 шт.	100
		Соха с сошником и полицей	450
		Плужок однолемешный	1000
		Кадушки рыбные старые – 4 шт.	100
		Бочка для возки воды – 1 шт.	200
		Домашняя утварь	250
Всего	27650		51850

Как видно из материалов раздела, отец сохранял минимум для проживания, продовольственного обеспечения и ведения хозяйственной деятельности. Вместе с тем, сыну отходила наибольшая часть хозяйства как наиболее сильному работнику; хлеб, принадлежащий отцу, должен был быть выделен на земельные души сына в равной мере, как обмолоченный, так и необмолоченный. Общая стоимость имущества хозяйства оценивалась в 76500 рублей [2, Д. 88. Л. 6].

Подобные разделы в 1920 г. проходили и других населенных местах волости – с. Нижне-Казачье, с. Гнилуша, с. Верхне-Казачье, сл. Тешевка и другие. Причем обращает на себя внимание возраст выделяющихся сыновей – ближе к 30 годам или немного за 30-ть.

Для середняцких хозяйств нередким был раздел между несколькими выходцами одновременно. Так в мае 1920 г. в с. Гнилуша раздел проводился на четыре части – отца, двух сыновей и вдовой снохи. Согласно материалам раздела, первые трое были обеспечены недвижимостью, а для снохи отец с сыновьями обязался общими силами «на подлежащее место поставить деревянный дом и подложить под него каменный фундамент, сложить печь и вообще произвести порядок и совместно устроить двор» [2, Д. 88. Л. 23.].

Иные семейные разделы проводились ради установления внутрисемейного мира. Например, в с. Долгушино отец выделил своего второго сына по причине внутрисемейных конфликтов. В качестве имущественного пая для органи-

зации самостоятельного хозяйства сын получил лес для сруба, лошадь (мерина), телку-однолетку и пять овец [2, Д. 88. Л. 27.].

В послевоенное время распространенными стали семейные разделы по инициативе вдовых снох. Мотивом для вдов выступали возможности повторного брака или отъезда в город. Так в с. Гнилуша свёкор отделил свою вдовую сноху посредством передачи ей бани деревянной, крытой соломой и 500 тыс. рублей [2, Д. 88. Л. 74.]. В с. Репец вдовая сноха с дочерью отделилась, получив амбар, крытый железом, 2 овцы, кадушку, ведро новое и 10 тыс. рублей [2, Д. 88. Л. 44.]. В д. Ново-Воскресеновка по обоюдному согласию сторон сноха получила корову, двух овец, сарай и подвал [2, Д. 88. Л. 34.].

Таким образом, в ряду поведенческих практик семейные разделы выступали регулятором, как налоговой нагрузки, хозяйственной устойчивости, так и регулятором внутрисемейных отношений.

Проведенный анализ хозяйственного состояния тешевских земледельцев в 1920-1923 гг. позволяет констатировать разнообразие практик корпоративного выживания. В условиях хозяйственного кризиса, вызванного войной, недородом и продовольственной разверсткой вдовая и многодетная часть тешевских крестьян шла по пути исчерпания хозяйственных ресурсов посредством продажи или неравноценного обмена имущества. Полное исчерпание ресурсов вело к отходу из волости как в поисках работы, так и в поисках пропитания. Для возрастных категорий крестьянства распространенной стала практика заключения договоров дожития. Консервацию данных практик провоцировало сокращение мужских рабочих рук. Для середняцкой части, сохранившей продовольственный минимум обеспечения (не в последнюю очередь за счет практики сокрытия запашки), практика семейных разделов стала доминантой в сокращении налогового бремени и регулировании внутрисемейных отношений. Таким образом, рассмотренные практики были ориентированы в зависимости от наличных ресурсов в первую очередь на физическое выживание земледельцев, во вторую – на сохранение хозяйства как производственной единицы. В 1920-1923 г. в Задонском уезде еще не сложились условия, которые бы актуализировали иной набор поведенческих реакций тешевского крестьянства.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Воронежской области. Ф. Р-19. О. 2 доп.

2. Государственный архив Липецкой области. Ф. Р-759. Оп. 1.

5. Государственный архив Липецкой области. Ф. 37. Историческая справка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://alertino.com/ru/383907 (дата обращения: 28.09.21)

2. Кулачков, В.В. Особенности девиантного поведения крестьян в 1920-е гг. (на материалах Брянской, Смоленской и Гомельской губерний) / В.В. Кулачков, А.Н. Корнетов // Вопросы истории. – 2020. – № 5. – С. 195-201.

3. Об административном делении Воронежской губернии [Электронный ресурс]: декрет ВЦИК от 12 мая 1924 г. – Режим доступа: URL:

https://arsvo.ru/informacionnaya_deyatelnost/istoriya_admtert_deleniya_voronezhskoj_oblasti/voronezhskaya_guberniya/ (дата обращения: 21.09.21)

6. Саламатова, М.С. Электоральное поведение крестьянства в 1920-е гг. / М.С. Саламатова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2013. – № 4. – С. 12-17.

7. Слепцова, И.С. Репрезентация индивидуальной и коллективной религиозности в крестьянских дневниках первой трети XX в. / И.С. Слепцова // Российское православие от модерна к сегодняшнему дню (конец XIX – конец XX вв.): проекции великой русской революции в истории и историографии: сб. материалов междунар. науч. конф. – М.: ООО «Издательство Ипполитова». – С. 337-347.

8. Сухова, О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья / О.А. Сухова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 678 с.

Долгих Аркадий Наумович
доктор исторических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
E-mail: adonli@mail.ru

ЕВРОПЕЙСКИЙ «ЛЕГИТИМИЗМ» ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА В ИЗОБРАЖЕНИИ А.Н. ШЕБУНИНА: У ИСТОКОВ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Аннотация: *В статье рассматривается вопрос о так называемом принципе «легитимизма», характерном для Европы первой половины XIX в., его понимании выдающимся советским историком довоенного времени А.Н. Шебуниным, его восприятии особенно в позднейшей отечественной историографии и его современном звучании.*

Ключевые слова: *Европа, легитимизм, консерватизм, Священный Союз, историография.*

EUROPEAN "LEGITIMISM" OF THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY IN THE IMAGE OF A.N. SHEBUNIN: AT THE ORIGINS OF SOVIET HISTORICAL SCIENCE

Abstract: *The article deals with the issue of the so-called principle of "legitimism", characteristic of Europe in the first half of the XIX century, its understanding by the outstanding Soviet historian of the pre-war period A.N. Shebunin, its perception especially in the later Russian historiography and its modern sound.*

Keywords: *Europe, legitimism, conservatism, Holy Alliance, historiography.*

Одним из знаковых явлений постсоветского времени стало возвращение к читателю и науке в целом несправедливо забытых ученых раннего советского времени, в особенности историков, значительная часть которых, имевших в ряде случаев уже не соответствовавшее эпохе происхождение, получивших прекрасное дореволюционное образование, часто подвергавшихся при самодержавии преследованиям властей, принявших большевистскую власть иногда по необходимости, иногда сердцем и душой, по причинам, не зависящим от них, «выбывших из строя», закончив свою жизнь в лагерях или и того хуже. Формальная реабилитация многих из них во второй половине 1950-х гг. лишь немного изменила их восприятие в науке, что только обедняло саму историческую науку [4].

Одним из них был Андрей Николаевич Шебунин (1887-1940). Выходец из небогатой дворянской семьи, после окончания 3-ей Петербургской гимназии в 1905 г. и историко-филологического факультета Петербургского университета в 1912 г., он был захвачен революционном порывом эпохи, стал активным участником студенческого движения, затем вступил в РСДРП, выбрав в ней меньшевистское крыло (что, конечно же, потом ему вышло боком не раз: именно таких в особенности, мягко говоря, не любили в сталинское время), ссылался в Вильно, получив свой диплом об окончании университета лишь в 1913 г. В 1914 г. снова был арестован и сослан в Сибирь. После Февральской революции, вернувшись из ссылки, входил в плехановскую меньшевистскую группу «Единство», занимался активной публицистической деятельностью. В советское время работал в системе среднего и высшего образования. Однако, как и многие его коллеги, он был подвергнут аресту по так называемому «Академическому делу» в 1929 г., был освобожден из заключения в 1933 г., но повторно арестован в 1938 г. уже «за участие в антисоветской меньшевистской организации» и, судя по всему, умер в лагере в 1940 г. [8; 13; 21].

А.Н. Шебунин вел и серьезную научную работу, являясь, с нашей точки зрения, одним из флагманов тогдашней советской исторической науки. Его научные интересы, в основном, были связаны с историей Европы и России в первой половине XIX в. [27; 28; 29; 30]. Нас в данной статье особенно интересует вопрос об использовании так называемого принципа «легитимизма» во внутренней и внешней политике ряда европейских государств, и в особенности России в первой половине XIX в., чему посвящена одна из книг этого историка, одним из первых рассматривавшего данную проблему. Как писал об этом В.С. Каганович, «аналогичных работ не было в то время не только в российской, но и в западной научной литературе», и в ряде случаев «Шебунин предварил современные исследования» на сей счет [13, с. 213].

Дело состоит еще и в том, что в науке, в принципе, не существует точного определения, характеризующего правительственную политику России предреформенных десятилетий, а известное определение В.И. Ленина – «крепостническое самодержавие», – употребленное им, скажем так, по случаю и не имевшее принципиального значения в сравнении, например, с подобной же квалификацией монархии, например, XVIII в., выглядит здесь не совсем корректным, хотя

и используется в науке до сих пор [7; 14, с. 303; 15, с. 1744 16, с. 121]. Вместе с тем это полустолетие, охватившее время правления Александра I и Николая I, имело, действительно, определенные особенности, не столь характерные ни для предшествующей эпохи, ни тем более для последующей. Соглашаясь здесь с мнением исследователя С.В. Мироненко о том, что «пропасть отделяла русское общество второй четверти XIX в. от конца XVIII в. – так изменились идеи, культура, быт, структура государственных институтов», мы также отмечаем, что, по его же словам, внутренняя политика, например, Александра I «принципиально ничем не отличалась от того, что делалось до него, в павловское время, и потом, в царствование его брата Николая I» [19, с. 208; 20, с. 359]. Серьезные отличия имели место в отношении монархов к экономическим вопросам, проблемам образования, идеологии и др., однако они не были кардинальными.

Все это приводит нас к мысли о совершенно особом периоде первой половины XIX в. в отечественной истории, охватившем два этих царствования: от свержения Павла I представителями дворянства за его чрезмерную авторитарность и непредсказуемость и др. до эпохи непосредственной подготовки «великих реформ» при Александре II. Отметим также в постановочном плане отсутствие точного термина, которым можно было бы обозначить идейное течение, защищавшее устои абсолютизма в эпоху Реставрации после завершения наполеоновских войн в связи с уходом с арены политической борьбы идей так называемого «просвещенного абсолютизма» (в том числе и в России) [5; 6]. Осторожно его можно назвать разновидностью европейского «легитимизма».

Традиционное понимание этого термина нашло, например, отражение в «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой, где дано следующее определение этому понятию: «Политическое направление в Западной Европе в 19 в. (преимущественно во Франции), признающее главным принципом государственного устройства наследственное право какой-либо династии на власть», и только. Ничего существенного не дает в этом отношении соответствующая статья «Советской исторической энциклопедии», восходящая, с нашей точки зрения, к пониманию данного термина Ф. Энгельсом [10, с. 19, 37; 11, с. 379, 383-384; 22, с. 168; 23, стб. 522; 31].

По словам современного исследователя П.В. Акульшина, новый взгляд на эту эпоху (практически на всю первую половину XIX в.) был впервые изложен в трудах А.Н. Шебунина [2, с. 14-15; 18; 27] и, как считаем мы, в некоторой степени развит позднее в книгах А.З. Манфреда и Н.М. Дружинина, Л.А. Зака, С.В. Мироненко, работе С.Л. Чернова и К.С. Чернова [9, с. 48, 353-355; 12, с. 260; 17, с. 55-57; 19, с. 3; 26, с. 76, 166]. По нашему мнению, А.Н. Шебунин, возможно, связанный всякого рода методологическими ограничениями, не пошел так далеко в изысканиях и дал в своем исследовании («Европейская контрреволюция в первой половине XIX века». Л., 1925) лишь описание реальной политики, в особенности внешней, ряда европейских стран той эпохи, закончившейся, по его мнению, революциями 1848–1849 гг., хотя и указывал на суть дела, на «новые формы политики для охраны старого здания» [27, с. 36]. Однако в этой работе он представил, видимо, впервые в отечественной историогра-

фии, идейные предпосылки появления самого термина «легитимизм» (труды и высказывания консерваторов эпохи – Малле дю Пана, Д. де Прадта, Ф. Генца, аббата Пиатоли, Ж. де Местра, Г.Ф. фон Штейна, Ф.Р. де Шатобриана, Л.К. де Сен-Мартена, Л. де Бональда, Ж. де Сталь, К. фон Меттерниха и др.), трактуемого им в традиционном ключе сохранения нерушимости монархий и территориальных разграничений (как в свое время их провозгласил Ш.М. Талейран), связанных с решениями Венского конгресса 1815 г. [27, с. 33-34, 40-42, 46-47, 52-54, 58, 64].

Сюда входили на первом этапе «идеи переустройства Европы по национальному принципу и организации международного арбитража для предупреждения войн», фактически «новый кодекс международного права», идеи «конституционной монархии, разумной свободы», мысль «о моральном принципе международной политики в противовес старой политике силы и эгоизма», применение принципа «солидарности» и «равновесия» между государствами, сопротивления преобладанию какой-либо державы, формальный принцип «согласия интересов народов с пользою правительств», позднее, во времена Священного Союза – своеобразный «христианский космополитизм с безусловным игнорированием не только национальных, но и вероисповедных различий» (православная Россия, католическая Австрия, протестантская Пруссия) и др. [27, с. 43-47, 54, 58, 74, 79-80].

Постепенно этот Священный союз, создававшийся с несколько мистическим акцентом, превратился, по мнению А.Н. Шебунина, в «союз правительств с религией против либерализма, вольнодумства, светского просвещения и независимой мысли – против народов с их порывами к национальной, политической и всякой иной свободе». Такова окончательно определившаяся программа действий Союза. А «космополитическая реакция, Священный союз государей» стали его орудием. В этой связи многозначительным выглядит формула автора, которую можно понять по-разному: «И на этом пути, как одна из очередных задач, намечается введение русского самодержавия в европейские рамки с отказом от осуществления своих специфических национальных задач». Видимо, здесь имелись в виду ограничения внешнеполитической экспансии России, но тот же автор пишет об «эпохе реакции» в том смысле, что она «не была эпохой полного застоя» [27, с. 135-136]. Однако постепенно, что общеизвестно, межгосударственные противоречия, «династические интересы» (явно преобладавшие над национальными особенно в 1830–1840-е гг.) раскалывали монархическое единство, что и привело и Священный союз, и затем и принцип «легитимизма» к краху. Как писал в заключение А.Н. Шебунин, «при свете Крымского пожара политика, "основанная на религии и морали" и принципе легитимизма», потерпела «окончательное поражение» [27, с. 210-211, 222].

Заметим, что эти идеи уже в наше время серьезно стали развиваться П.В. Акульшиным. По его мнению, под термином «легитимизм» (в данном его понимании) можно понимать «обозначение одного из крупных идейных и политических течений в Европе первой половины XIX в.». Историк полагал, что «теоретические идеи и общественно-политическая практика легитимизма не

были тождественны проявлениям крайнего консерватизма, идеологически представленного в эту эпоху Ж. де Местром и Л. де Бональдом. Сторонники легитимизма стремились сочетать принцип нерушимости монархической власти и привилегированного положения дворянства с признаками тех реалий, которые возникли в Европе в ходе бурных событий конца XVIII – начала XIX в. Для этого широко использовались идеи века Просвещения, в том числе "естественных прав"». По мнению исследователя, «легитимизм был дальнейшим развитием "просвещенного абсолютизма" XVIII в. и следующим шагом по пути превращения абсолютизма в конституционную монархию. В России… легитимизм начал оформляться в эпоху правления Александра I…». Мы разделяем эту позицию. Правда, П.В. Акульшин полагал, что «легитимизм» как некая система или даже направление идей и общественного развития будет существовать в России до начала XX в., включая в число представителей этого направления П.А. Вяземского, П.А. Валуева, А.В. Головнина, братьев Милютиных и даже П.А. Столыпина, что выглядит уже не столь бесспорно [1, с. 215-216; 9, с. 67; 18; 24; 25, с. 159-160].

Косвенно данный сюжет рассматривался также в работе С.Л. Чернова и К.С. Чернова. По их мнению, идея «легитимизма» (само определение понятия авторы не дают) появилась в России задолго до того, как была провозглашена Ш.-М. Талейраном, а именно, уже в «Грамоте российскому народу» 1801 г., когда «конституционализм становится общепризнанной формой легитимизации всякой власти, в том числе и монархической». «Выделение основополагающих принципов и их декларация в законе "непременном" в сочетании с обещанием подкрепить декларацию изданием соответствующих бюрократических процедур, т.е. подзаконных актов, регламентирующих деятельность в том числе полицейских и судебных мест империи – вот путь Александра. Этот путь был предопределен павловским деспотизмом: одних бюрократических процедур оказалось недостаточно, дворянство потребовало сочетания деклараций с процедурами. Это сочетание подтверждало и дворянству, и самодержавию легитимность их прав и привилегий. На наш взгляд, именно потребность в легитимизации своей власти лежала в основе стремления молодого императора к изданию "непременных" законов». В другом месте те же авторы отмечали, что «политико-доктринальное оформление идеологии самодержавия изменялось весь XIX век, подстраиваясь под конкретно-исторические внешние и внутренние социально-политические условия», при этом в 1820-е годы это была «доктрина «легитимизма», а в 1830 – 1850-е – «теория официальной народности». Нам представляется логичным все же ограничить распространение этого термина для России на время от начала правления Александра I (так как правление Павла здесь повторяло некое прошедшее) до времени проведения Великих реформ 1860 – 1870-х гг., создававших кардинально новые политические и социальные реалии в стране, влиявшие, между прочим, и на общественно-политическую ситуацию в стране, и на внешнеполитическую стратегию России, в особенности уже ближе к концу XIX в. [26, с. 76, 166].

Гораздо труднее выявить основные характеристики и составляющих этого понятия (уже введенного в историографию, но не получившего точного определения) и развития самой феодально-крепостнической системы с ее политической верхушкой для этого полустолетия, в особенности для России. Стоит здесь сказать, прежде всего, о так называемых «непременных законах», идея которых выдвигалась еще в кружке братьев Н.И. и П.И. Паниных-Д.И. Фонвизина, в той или иной степени варьировалась в проекте преобразований России канцлера А.А. Безбородко (в самом конце XVIII в.), просматривалась в делах Негласного комитета, преобразовательных планах М.М. Сперанского, попытках частичного решения крестьянского вопроса при Александре I и Николае I, а также кодификации законодательства, реально начавшейся с конца 1820-х гг. Да и сама непосредственная подготовка отмены крепостного права и других реформ, названных современниками «великими», также говорит о некоем особом периоде в развитии страны в ту пору. Возможно, сюда же можно отнести и создание при Николае I особой идеологии режима – теории «официальной народности», призванной охранять саму систему (как ее ни называй, скажем, феодально-крепостническую) от ее распада под влиянием различных факторов, в том числе и европейского «духа времени». Сложнее в этом контексте говорить об экономической политике самодержавия данного периода как особой составляющей данного явления, хотя и здесь сдвиги были очевидны. В любом случае в постановочном плане есть смысл разрабатывать данную историческую дефиницию применительно к истории России предреформенных десятилетий. Путаница с содержанием термина возникает, так как он предполагает и просто следование законам, и некоторую особую политику ряда европейских государств, сущность которой менялась в течение XIX в.

Так или иначе, вся эта эпоха, несмотря на различные оценки современниками и потомками ряда ее составляющих, была все же единым процессом, в котором можно выделить следующие параметры (не касаясь здесь прямо явлений внешней политики): 1. Принцип самодержавия остался нерушим, причем для России после Павла I и его манифеста о престолонаследии он имел четкий и однозначный (легитимный) характер (передача власти старшему сыну правителя, исключая женщин из наследия престола), сохранившись в своем значении до революций начала XX в. 2. Нарастание стремления властей к следованию «законности» (с периодически возникавшими всякого рода фактами проявлений так называемого «правительственного конституционализма», на деле мало что менявшими в существующей системе управления империей). 3. В экономической сфере налицо поддержка промышленности (постепенно нарастающая), акционерных компаний, начало государственного железнодорожного строительства. 4. В социальной политике главным направлением становится решение крестьянского вопроса: от смягчения крепостного права до разработки проектов масштабной реформы и отдельных частных законов в этой сфере. 5. Кулуарный характер разработки преобразований в разных сферах жизни общества (при крайнем ограничении допуска его представителей к их подготовке). 6. Сохранение ведущей роли дворянства в обществе при одновременном резком воз-

растании роли бюрократии, расширении категории «просвещенных бюрократов», будущих «моторов» реформ в России. 7. Смена идеологической составляющей политики, ее колебания и постепенный отход от идей «Просвещения». 8. Тенденция к постепенному развитию в российском обществе сферы образования и культуры (несмотря на периодические всплески цензурных и др. запретов). 9. Все это объективно знаменовало собой процесс постепенного превращения из «феодальной» монархии в монархию «буржуазную», не завершившегося в данный период. Тем не менее, в этом процессе совершенно очевидным становится рубеж реального начала так называемых «великих реформ», исходным для которых стало поражение в Крымской войне (ускоривших их) и правления Александра II, которому волею судеб выпала участь их проведения.

В целом же, термин «легитимизм» может быть использован в отношении реалий западноевропейской политической жизни особенно для 1820-х гг. (до краха «Священного союза»), но, по сути, и до европейских революций 1848–1849 гг., соответствуя тенденциям развития этих государств, сохранявших монархии и господствующее влияние дворянства при одновременном учете новых обстоятельств в жизни общества, развития капитализма и возрастании роли буржуазии, не допущенной пока к политической власти. С нашей точки зрения, термин «легитимизм» вполне можно применить к российской истории первой половины XIX в., но только не до 1848-1849 гг., а до конца правления Николая I и «крымского поражения», естественно, при учете специфики исторического развития России, слабости буржуазии и капиталистических элементов вообще, при опоре государства на жесткий политический режим и «просвещенную бюрократию». Сама по себе подобная идея требует дополнительного обоснования, но без этого, видимо, не обойтись. Обратим внимание, кстати, и на то обстоятельство, что общественная мысль (дворянская по преимуществу для этого периода!) развивалась примерно в русле правительственных идей и реформ, где-то и в чем-то опережая (например, в Остзейских губерниях), а где-то запаздывая (здесь можно вспомнить постоянное торможение преобразований (особенно аграрных) бюрократией и определенными кругами правящего сословия в это полустолетие), а значит, термин «легитимизм» в определенной степени может отразить и общее направление развития дворянской общественной мысли первой половины XIX в.

Стоит вполне распространить эти положения и на николаевское время, и итог будет, в принципе, тем же. Очевидны общие черты деятельности тогдашней власти и дворянского «общества», их движение в одном направлении, отсутствие между ними (в конечном счете) антагонистических противоречий, примером чему являлось, скажем, «исповедальное», доверительное в отношении монарха поведение многих декабристов на следствии. Иное дело – частности, отношение к тому или иному монарху и отдельным его действиям типа введения военных поселений, воссоздания Польского государства, цензурных уставов и др. Рассматривая данный вопрос, отметим, пусть пока и в постановочном плане, отметим, что указанный выше термин может быть вполне применим к российским политическим и общественным реалиям первой половины

XIX в. вплоть до «крымского» поражения и «великих реформ» 1860 – 1870-х гг., правда, начальную дату здесь определить трудно, поэтому формально будем вести его отсчет, начиная с Венского конгресса, с 1815 г. Иное дело, что его использование применительно к России можно охарактеризовать как абсолютно бесспорное доминирование феодальных начал над капиталистическими, в то время как в Европе (особенно континентальной) они выглядят примерно паритетно. Как и многие другие термины, происходящие из Европы, в России термин «легитимизм» обрел несколько иной вид.

В определенной степени данный сюжет первоначально был рассмотрен А.Н. Шебуниным, по словам современного исследователя, сочетавшим в «в себе историка России и историка Запада, историка идей и историка реальной политики» [13, с. 228].

Список источников и литературы

1. Акульшин, П.В. П.А. Вяземский. Власть и общество в дореформенной России / П.В. Акульшин. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 238 с.

2. Акульшин, П.В. Просвещенная бюрократия и русская провинция в первой половине XIX в. (по материалам Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний): автореф. дис. … д-ра ист. наук / П.В. Акульшин. – М.: РИЦ РГПУ им. С.А. Есенина, 2004. – 47 с.

3. Долгих, А.Н. К вопросу о современных оценках советской историографии: Н.П. Ерошкин / А.Н. Долгих // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2020. – № 1 (14). – С. 31-41.

4. Долгих, А.Н. Крестьянский вопрос при Павле I глазами провинциального историка М.В. Клочкова / А.Н. Долгих // История: факты и символы. – 2015. – Вып. 3 (№ 4). – С. 17-26.

5. Долгих, А.Н. О некоторых лакунах в терминологии в отношении истории России первой половины XIX века / А.Н. Долгих // Личность, общество, власть: прошлое и современность. Материалы Двенадцатой региональной научной конференции (г. Воронеж, 2 февраля 2018 г.); под общ. ред. В.Р. Глазьева. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. – С. 77-81.

6. Долгих, А.Н. Об использовании термина «легитимизм» в отношении Российской истории первой половины XIX в. / А.Н. Долгих // IX Бартеневские чтения: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Липецк, 9 октября 2020 года. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2020. – С. 132-145.

7. Ерошкин, Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX в.) / Н.П. Ерошкин. – М.: Мысль, 1981. – 252 с.

8. Жуковская, Т.Н. Пушкинские сюжеты в творчестве А.Н. Шебунина / Т.Н. Жуковская // Археографический ежегодник за 1999 г. – М., 2000. – С. 215-229.

9. Зак, Л.А. Монархи против народов (Дипломатическая борьба на развалинах наполеоновской империи) / Л.А. Зак. – М.: Международные отношения, 1966. – 376 с.

10. История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). – М.: Международные отношения, 1999. – 448 с.

11. История дипломатии: в 3 т.; под ред. В.П. Потемкина. Т. 1. – М.: ОГИЗ, Государственное социально-экономическое издательство, 1941. – 567 с.

12. История СССР с древнейших времен до наших дней: в 12 т. Т. IV. – М.: Наука, 1967. – 743 с.

13. Каганович, Б.С. Андрей Николаевич Шебунин / Б.С. Каганович // Новая и новейшая история. – 1995. – № 1. – С. 205-229.

14. Ленин, В.И. Анкета об организациях крупного капитала / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений: в 55 т. Изд. 5-е. Т. 21. – М.: Издательство политической литературы, 1968. – С. 288-305.

15. Ленин, В.И. «Крестьянская реформа» и пролетарски крестьянская революция / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений: в 55 т. Изд. 5-е. Т. 20. – М.: Издательство политической литературы, 1973. – С. 171-180.

16. Ленин, В.И. Наши упразднители (о г. Потресове и В. Базарове) / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений: в 55 т. Изд. 5-е. Т. 20. – М., 1973. – С. 114-133.

17. Манфред, А.З. Общественно-политические идеи в 1815 г. / А.З. Манфред// Вопросы истории. – 1966. – № 5. – С. 54-64.

18. Минаева, Н.В. Европейский легитимизм и эволюция политических представлений Н.М. Карамзина / Н.В. Минаева // История СССР. – 1982. – № 5. – С. 150-160.

19. Мироненко, С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. / С.В. Мироненко. – М.: Наука, 1989. – 240 с.

20. Предтеченский, А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века / А.В. Предтеченский. – М. - Л.: АН СССР, 1957. – 456 с.

21. Сироткин, В.Г. А.Н. Шебунин – историк общественной мысли и внешней политики России первой четверти XIX в. / В.Г. Сироткин // История и историки. Историографический ежегодник за 1973 г. – М., 1975. – С. 119-129.

22. Словарь русского языка: в 4 т.; под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Т. II. – М.: «Издательство «Русский язык», 1983. – 936 с.

23. Советская историческая энциклопедия: в 16 т. Т. 8. – М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1965. – 990 стб.

24. Тарановский, Т.К. Особенности российской самодержавной монархии в XIX в. / Т.К. Тарановский // Российская монархия: вопросы истории и теории. Межвузовский сборник статей, посвященный 450-летию учреждения царства в России (1547-1997 гг.). – Воронеж, 1998. – С. 157-171.

25. Тарле, Е.В. Талейран / Е.В. Тарле. – М.: Издательство АН СССР, 1962. – 271 с.

26. Чернов, С.Л. Государственная Уставная Грамота Российской Империи – источник для изучения правительственного конституционализма первой четверти XIX века: учебно-методическое пособие / С.Л. Чернов, К.С. Чернов. – М.: Издательство «Пульс», 2014. – 179 с.

27. Шебунин, А.Н. Европейская контрреволюция в первой половине XIX века; с предисл. Я. Захера / А.Н. Шебунин. – Л.: Книгоиздательство «Сеятель» Е.В. Высоцкого, 1925. – VII, 232 с.

28. Шебунин, А.Н. К истории борьбы по вопросу о продаже крестьян без земли / А.Н. Шебунин // Архив истории труда в России; под ред. Ю. Гессена. – Пг.: Издание Культурно-просветительного Отдела Петроградского губернского Совета профессиональных союзов, 1923. – Кн. 6-7. С. 110-129; Кн. 8. С. 104-120.

29. Шебунин, А.Н. Н.И. Тургенев / А.Н. Шебунин. – М.: Государственное издательство, 1925. – 132 с.

30. Шебунин, А.Н. Пушкин и «Общество Елизаветы» / А.Н. Шебунин // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии /АН СССР. Институт литературы. Вып. 1. – М. - Л.: Издательство АН СССР, 1936. – С. 53-90.

31. Энгельс, Ф. Внешняя политика русского царизма // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 39 т. Изд. 2. Т. 22. – М.: Издательство политической литературы, 1962. – С. 11-52.

Зубкевич Лада Альбертовна
кандидат философских наук
Нижегородская академия МВД РФ
Россия, г. Нижний Новгород
E-mail: lada-zubk@yandex.ru

СОВЕТСКОЕ И ПОСТСОВЕТСКОЕ В МИРОВОЗЗРЕНИИ РОССИЙСКИХ БЕДНЫХ

Аннотация: *В статье на основе социально-философского анализа социологических концепций и исследований выявлены особенности мировоззрения современных российских бедных. Сделан вывод о том, что в мировоззрении российских бедных присутствуют как минимум три противоречащих друг другу оснований: дореволюционные патриархальные представления, мировоззренческие установки советских людей и современные представления, основанные на западной протестантской идеологии.*

Ключевые слова: *бедность, мировоззрение, депривация, микроуровневая идентичность.*

SOVIET AND POST-SOVIET IN THE WORLDVIEW OF THE RUSSIAN POOR

Abstract: *Based on the socio-philosophical analysis of sociological concepts and research, the article reveals the peculiarities of the worldview of the modern*

Russian poor. It is concluded that there are at least three contradictory grounds in the worldview of the Russian poor: pre-revolutionary patriarchal ideas, the worldview of Soviet people and modern ideas based on Western Protestant ideology.
Keywords: *Poverty, worldview, deprivation, micro-level identity.*

При анализе социологических концепций выявлено, что одни социологи выделяют универсальность отношения бедных к миру (например «культура бедности»), другие подчеркивают его индивидуальную специфичность, зависящую от обстоятельств, при которых человек попал в ситуацию бедности. Сторонники универсализма представляют отношение бедных к миру как агрессивное, основанное на зависти, грубости, ненависти к культуре, для бедных характерно склонность к пьянству, безделью, правовой нигилизм, ничем не мотивированная самоуверенность, следствием которой становятся разного рода ксенофобии, в том числе расизм, антисемитизм, вандализм и пр. Бедные не берут на себя никаких обязательств, в основном рассчитывают на безвозмездную помощь других членов общества [1, с. 149]. Основным атрибутом бедности являются «зависимые установки» в мировоззрении (стремление пользоваться посторонней помощью, как моральной, так и материальной) [3, с. 59-62; 3, с. 2]. Бедность – это субкультура в рамках доминирующей культуры, ценности, нормы и правила которой отличаются от доминирующей, это хроническое состояние, передающееся через поколения, продукт ситуации отчаяния и безнадежности [11]. Бедные составляют «андеркласс», противопоставленный классу работающих [8, с. 46]. В состоянии бедности у людей снижаются социальные потребности, претензии и активность. При снижении уровня жизни из мировоззрения «вымываются сложные социокультурные потребности», работает установка на ежедневное выживание, а не на преодоление бедности, что изменяет хозяйственную практику, делая ее неэффективной [4, с. 73-74].

Другие авторы рассматривают индивидуальные качества бедняков как самостоятельный (и главный) фактор их пребывания на социальном дне [4, с. 71], считают, что субъективный социально-экономический статус лежит в основе индивидуальных психологических характеристик, акцентируют внимание на субъективном восприятии человеком себя как бедного (на уровне мировоззрения), а также на сочетании этого восприятия с материальными условиями бедности, которые объективно влияют на социально-психологические характеристики индивидов. В результате постоянного сопоставления себя с другими у людей на уровне мировоззрения формируется образ своей отличительности в бедности (или идентичность бедности) [8, с. 43-52.].

В результате ряда социологических исследований российской бедности было выявлено, что среди современных российских бедных в положение исключения из общества (депривацию) попадают, в основном, вынужденные мигранты (71%), их бедственное положение характеризуется такими «объективными» факторами как отсутствие здоровья и связей в социуме, низким доходом и плохой имущественной обеспеченностью. Люди в подобном положении не в состоянии выгодно «подать себя», творчески подойти к решению проблем. Они

обречены на пассивные формы совладания с материальными трудностями. Через депривацию «неэффективные формы поведения» запрограммированы в самой бедности [3, с. 70-72]. Другую часть российских бедных составляют не мигрировавшее бывшие советские граждане, они плохо адаптированы к современной действительности, так как ориентированы на константы прошлой жизни в Советском Союзе: стабильность жизни, материальное обеспечение, личную защищенность, коллектив, условия труда, труд по специальности. Поэтому сейчас они больше заботятся о своем здоровье, приспосабливаются к обстоятельствам и людям, экономят, более рационально ведут бюджет, стараются не обращать внимание на трудности, уделяют больше времени и сил своей семье [3, с. 73-74]. Однако, среди бедных есть адаптированные группы. В условной группе «независимых» люди чувствуют себя способными повлиять на происходящие с ними события и полагаются на собственные силы [3, с. 77].

Также было установлено, что малоимущее население (сельские жители, пенсионеры, лица со среднем образованием) имеют пассивную, негативную позицию в своих оценках окружающей действительности, отмечают нарастание негативных тенденций в экономике, разочарованы в действиях всех уровней власти [9, с. 16]. Ощущают потребность в государственной опеке вследствие низкого уровня оценки собственных возможностей и невысокой активности в трудовой сфере, плохого состояния здоровья, боязни любых серьезных преобразований, поскольку «все они могут поставить под угрозу физическое выживание данного слоя» [9, с. 16].

При осуществлении социально-философской рефлексии над результатами социологических исследований и текстами социологов было установлено следующее. Объективно в социологических исследованиях существуют противоречия между социологическими, историческими фактами и их интерпретациями исследователями, что отражает противоречивость самого процесса развития на современном этапе, а также противоречия в мировоззренческих основаниях исследователей и их респондентов, это создает нежелательные когнитивные последствия в изучении процессов общественного развития. Причиной расхождения социологических данных в отечественных исследованиях может быть неоформленность интересов респондентов, характерная для молодого класса российских бедных, их разрозненность, противоречивость отношения «проигравших» к происходящему в общественной жизни. Классовый интерес у неимущих не осознан, они озабочены своим физическим выживанием, но имеют мировоззренческие установки, схемы деятельности советского человека, и в этом обнаруживается противоречие, влияющее на интерпретации и оценки. Например, если мы понимаем государство как противопоставленное человеку, возвышенное над ним и антагонистичное ему образование, то описанные выше мировоззренческие установки бедных могут быть расценены именно как иждивенчество (это свойственно современному капиталистическому мировоззрению). Если государство понимать как совокупность делегированных для осуществления управленческих функций членов общества, равных всем остальным, обладающих не властью над обществом, а обязанностями по отношению к нему, то кри-

тичное отношение ныне «проигравших», бывших советских людей, является принципиальной, деятельной позицией участия в управлении обществом (что свойственно мировоззрению прошлых, советских лет).

Социалистическое прошлое обусловило специфику отношения к окружающему миру людей, оказавшихся бедными. Это бедность населения сплошной грамотности, трудоспособных и социабельных слоев, людей, живущих до начала девяностых годов в условиях относительного достатка. Общество, ранее не знающее социального неравенства, разделилось на «победивших» и «проигравших» в ходе реформ. Для «проигравших» характерны ценности безопасности, равенства, справедливости, стабильности и защищенности, а также ожидание помощи. У таких людей развивается зависимость как мировоззренческая установка. Это проявляется в восприятии себя как пассивного объекта действия других людей, в «представлении о том, что государство обязано гарантировать гражданам приемлемый уровень жизни, заботиться о них», в «установке на традиционализм, недостижительские ценности» [3, с. 61-62]. «Победившие» успешно адаптируются, принимают капиталистическую культуру, идеи индивидуальной свободы, прагматизма, эффективности, успешной карьеры и подъема уровня жизни. В деятельности они используют инновационные экономические стратегии [3, с. 61-62; 4, с. 74].

Социологи констатируют, что в нашей стране происходит ухудшение отношения к бедным, в то же время бедность растет и распространяется среди работающих; реальный уровень жизни снизился, но бедные стали иметь больше домашнего имущества; увеличивается число бедных более 5 лет (консервация бедности) и массово появляются новые бедные [5]. В данных фактах проявилась специфика современной бедности в России. В обыденное сознание бывших советских граждан насаждается протестантская аксиологическая норма – бедным быть грешно, что противоречит нашим традиционным установкам. Однако, в современных условиях переходных процессов в обществе наличие занятости и доходов сегодня не является гарантией стабильности завтра. Наличие работы не спасает от бедности. Данные изменения в оценочной части мировоззрения наряду с отсутствием уверенности в завтрашнем дне вносят диссонанс и ощущение катастрофизма в самооценку любых людей (от сумы и от тюрьмы не зарекайся, так говорят у нас). Поэтому срабатывает наша испокон веков существовавшая поведенческая установка – накапливать на черный день, и самый популярный способ инвестирования в будущее – покупать и хранить домашнее имущество.

Современные бедные неадекватно оценивают свое объективное положение в общественной иерархии в силу чрезвычайно резкой динамики социальных изменений российского общества, быстротечности жизненных реалий, следствием этого становится потеря статусной идентичности бедного человека [6, с. 60]. В чем причина? Возможно, в науке и обществе существует разное понимание среднего слоя, в обыденном понимании это ориентация на образ жизни большинства (как все, не хуже всех), в социологических измерениях подразумевается среднее значение дохода всего населения. В таких условиях ориен-

тация на оценки ближайшего окружения и другие субъективные составляющие стратификации становятся «одним из немногих опознавательных знаков, служащих ориентиром индивида в социальном пространстве» [10, с. 3-12].

Такая ориентация на уровне личности создает впечатление стабильности, но при этом усиливается отчуждение личности от государственных институтов, происходит «уход в себя», сопровождающийся нежеланием «принимать решения и нести за них ответственность» [7, с. 15,16]. «Феномен ухода в себя» среди бедных, сопровождающейся социальной изоляцией, был отмечен в Англии в 1930 году. Это послужило поводом для начала исследований и создания теории социального исключения. В России «уход в себя» не приводит к изоляции, но приходится говорить о спаде социального участия. Через создание внутреннего мира личности и возможности «уйти» туда при тяжелых личностно-эмоциональных моментах, микроуровневая идентичность создает «форпост» для «возможности обратного воздействия на общество в целом». Так при переходных общественных состояниях происходит формирование новых ценностных и мировоззренческих установок, норм и правил, а также корректировка или отрицание старых, что влияет на понимание человеком своего места в социальной структуре.

Указанная выше особенность мировоззрения бывших советских людей приводит к следующему противоречию самооценки современных российских бедных. Социологические исследования показывают, что бедное население в своем низком уровне жизни винит социальную защиту, углубление социального неравенства, социальную дезадаптацию и отсутствие восходящей социальной мобильности. В тоже время, источниками улучшения своего положения считают государство и субъектов, обладающих материальными ресурсами, в социально-экономической зависимости от которых они состоят [9, с. 9]. Данное противоречие возможно объяснить возникшими в переходных процессах особенностями мировоззрения российского общества.

В современной России, в отличие от СССР, люди не ощущают себя хозяевами жизни, но эта советская мировоззренческая установка еще не забыта, существование этих двух установок в одном мировоззренческом поле (у одного субъекта) способствует социальной напряженности. Дело не в том, что еще живы и дееспособны «рожденные в СССР», а в представлениях о жизни, которые передаются из поколения в поколение. Они хранят еще патриархальные установки Российской империи о «царе-батюшке» и добром барине, заступниках и радетелях. Именно это советская идеология и коммунистическая мораль пыталась изжить, именуя мелко-собственническими настроениями. События разрушения Советского Союза добавили новые черты в самовосприятие бедными своего положения: «раздраженно-оценочное восприятие» богатого сословия, поиск виноватых, требования создания эффективной системы перераспределения материальных благ. «Негативная социализация подрастающего поколения» (неблагополучие), «негативная ресоциализация взрослых» считаются следствием искусственно созданной в процессе реформ бедности. Свойственно ощущение фрустрации, вызванное высокими ценами, низкими доходами, ежедневной

заботой о завтрашнем дне. Нет адекватного восприятия собственной бедности. Настроения варьируются от обреченности до ярости, особое раздражение вызывает не бедность сама по себе, а осознание представителями бедных слоев вопиющего социального неравенства. Знание о природе происхождения крупных состояний приводит к оценке всех людей богатого сословия как «людей без чести и совести», происходит отторжение и дискредитация идеи материального успеха. Одновременно присутствует самокритика и попытки поиска внутренних причин социальных неудач. Признается личная ответственность человека за результаты жизни [9, с. 9-15].

Восприятие бедным человеком своего положения как нормы приводит к обременительному для общества социальному иждивенчеству. Когда бедность воспринимается как бедствие, возникает потребность от него избавиться, но отсутствие в обществе объективных для этого возможностей приводит к ощущению личной катастрофы, к разным вариантам адаптации и даже к приспособлению к самым невыносимым условиям жизни. Наличие противоречия между самооценкой человека в состоянии бедности и окружающей его реальностью могут привести к социальному протесту. Но в любом случае бедные, оставленные один на один со своей нищетой, никогда не вырвутся из этого положения, так как наталкиваются на множество не столько внешних, сколько внутренних преград. В сочетании с неблагоприятной социально-экономической и политической ситуацией бедность «консервируется», на уровне мировоззрения приобретает характер субъективной жизненной нормы.

Список источников и литературы

1. Агеева, Е.Ю. Город как социокультурное образование: монография / Е.Ю. Агеева. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2004. – 219 с. – С. 143-144.

2. Балабанова, Е.С. Социально-экономическая зависимость как феномен сознания и стратегий поведения населения современной России: автореф. дис. … д-ра социол. наук: 22.00.04 / Е.С. Балабанова; ННГУ. – Нижний Новгород, 2006. – 24 с.

3. Балабанова, Е.С. Стратегии совладания с жизненными трудностями: самостоятельность или зависимость? / Е.С. Балабанова // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3. – С. 59-78.

4. Балабанова, Е.С. Процессы накапливания преимуществ и углубление депривации: к постановке исследовательской проблемы / Е.С. Балабанова, А.С. Балабанов // Экономическая социология. – 2003. – Т. 4. – № 4. – С. 62-78.

5. Бедность и неравенство в современной России. 10 лет спустя. Аналитический доклад. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 2013. – 168 с.

6. Беляева, Л.А. Социальная стратификация и бедность в регионах России (к составлению социокультурного портрета регионов) / Л.А. Беляева // Социологические исследования. – 2006. – № 9. – С. 52-63.

7. Вотинцева, Н.Н. Специфика ценностей и ценностного сознания в трансформирующемся обществе: автореф. дис. … канд. филос. каук: 09.00.11 / Н.Н. Вотинцева; Пермский государственный педагогический университет. – Пермь, 2008. – 19 с.

8. Ишмуратова, В.Г. Структурно-логическая причинно-следственная модель механизмов и инструментов борьбы с бедностью в условиях трансформационной экономики / В.Г. Ишмуратова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 10 (264). – Экономика. – Вып. 38. – С. 43-52.

9. Сорокина, А.В. Бедные в России: структура, ориентации, установки: автореф. дис. … канд. социол. наук: 22.00.04 / А.В. Сорокина; ННГУ. – Нижний Новгород, 2003. – 18 с.

10. Худякова, О.А. Владение техническим артефактом как феномен стратификации современного Российского общества: автореф. дис. … канд. социол. наук: 22.00.04 / О.А. Худякова; ННГУ. – Нижний Новгород, 2009. – 21 с.

11. Lewis Oscar. The culture of poverty. Scientific American Issue Number, 1966. Vol. 215, pp. 19-25

Канищев Валерий Владимирович
доктор исторических наук, профессор
кафедры всеобщей и российской истории,
Россия, г. Тамбов E-mail: valcan@mail.ru
Кунавин Константин Сергеевич,
кандидат исторических наук, старший преподаватель
кафедры всеобщей и российской истории
Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина,
Россия, г. Тамбов E-mail: kunavinks@gmail.com
Жиров Николай Анатольевич
кандидат исторических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет
имени И.А. Бунина»
Россия, г. Елец
E-mail: zhirov-nikolai@mail.ru

ИЗМЕНЕНИЯ ДОЛИ МУЖЧИН В СЕЛЬСКОМ НАСЕЛЕНИИ РУССКИХ ОБЛАСТЕЙ ЦЕНТРА И ЮГА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР В 1930 – 1980-е ГГ.[1]

***Аннотация**: В статье рассматривается процесс изменения доли мужского населения в сельской местности РСФСР с предвоенного периода до конца 1980-х годов. Основной источниковой базой исследования стали первичные*

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00187 «Стратегии демографического поведения сельского населения юга Центральной России в XX – начале XXI в.»

материалы Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1989 гг. В исследовании были использованы современные методы исследования, в том числе метематической статистики и компьютерного моделирования. Одним из важных выводов является тезис, что в сельской местности Центральной России в поздний советский период не имела достаточного числа мужчин для роста численности населения. В этот период решающую роль играли не только последствия Великой Отечественной войны, но и результаты миграционных процессов.

Ключевые слова: *историческая демография, сельское население, сельские поселения, Центральное Черноземье, демографические факторы.*

CHANGES IN THE PROPORTION OF MEN IN THE RURAL POPULATION OF THE RUSSIAN REGIONS OF THE CENTER AND SOUTH OF THE EUROPEAN PART OF THE USSR IN THE 1930-1980 years.

Abstract: *The article examines the process of changing the proportion of the male population in rural areas of the RSFSR from the pre-war period to the end of the 1980s. The main source base of the study was the primary materials of the All-Union Population Censuses of 1939, 1959, 1989. The study used modern research methods, including metematic statistics and computer modeling. One of the important conclusions is the thesis that in rural areas of Central Russia in the late Soviet period there was not enough men to increase the population. During this period, not only the consequences of the Great Patriotic War, but also the results of migration processes played a decisive role.*

Keywords: *historical demography, rural population, rural settlements, Central Chernozem region, demographic factors.*

В свое время тамбовские историки в ходе изучения последствий гражданской войны, особенно крестьянского восстания в Тамбовской губернии 1920-1921 гг. высказали предположение о том, что понижение доли мужчин в населении ниже 47% сказалось на воспроизводственных демографических процессах [3].

Общий показатель для всего сельского населения, проживавшего на территории современной России, который можно посчитать по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., равнялся 47,2% [6, с. 44-45]. Эти цифры относились к начальному этапу истории СССР. Последующая история Советского Союза и Российской Федерации показала, что такой показатель характерен был для довоенной РСФСР в целом (в 1937 г. доля мужчин – 47,3%), а дальше в советский период только понижался.

Наименьшая доля мужского населения России, посчитанная В.Б. Жиромской, была в 1950 г. – 43,3%. По мнению этого автора, сказались не только военные потери, но и «последние жертвы» (смерти в послевоенные годы бывших воинов от ранений, контузий, нервно-психологического напряжения) [1, с. 47]. По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., доля мужчин среди жителей РСФСР составляла 44,7% [2, с. 7-8].

Только к самому концу советского период был восстановлен довоенный показатель удельного веса мужчин в населении – 47,1% для СССР в целом и для сельского населения Российской Федерации, в частности [5, с. 56; 7, с. 30]. Полагаем, что это один из показателей той цены, какою СССР добился статуса сверхдержавы.

В данной статье мы поставили перед собой задачу определить изменения показателя удельного веса мужчин в сельской населении на уровнях отдельных поселений, сельских районов и группы областей.

Основной источниковой базой исследования стали первичные материалы Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1989 гг., которые размещены на сайте Демоскоп Weekly (demoscope.ru). Данные переписи 1959 г. учитывались как первые послевоенные сведения, собранные в ходе Всесоюзной переписи по единой методике. Материалы Всесоюзной переписи 1989 г. были привлечены для определения демографического состояния изучаемых сёл на конец советского периода.

Полученные результаты обработки источников мы представляем в виде ряда графиков и таблиц. Сразу оговариваемся о том, что практически невозможно было составить сопоставимые таблицы для областей и районов периода 1920 – 1950-х гг., т.к. на отрезках времени между переписями 1926 и 1939, 1939 и 1959 гг. происходили очень существенные изменения в административно-территориальном делении российских областей и районов. Поэтому сравнения на этих уровнях были возможны только для 1959-1989 гг. Для всего периода 1939-1989 гг. мы смогли использовать данные о населении крупных сельских населенных пунктов, опубликованные на сайте Демоскоп Weekly. В выборку вошли 383 поселения Белгородской, Брянской, Владимирской, Волгоградской (Сталинградской), Воронежской, Ивановской, Калужской, Костромской, Курской, Липецкой, Московской, Орловской, Ростовской, Рязанской, Смоленской, Тамбовской, Тверской (Калининской), Тульской, Ярославская областей, Краснодарского и Ставропольского (Орджоникидзевского) краев, по которым есть сопоставимые данные за весь изучаемый период. Объектами исследования также стали 265 районов и 11 областей юга Центральной России, а также примыкающих к ним Пензенской и Саратовской областей, материалы которых были привлечены из Демоскоповской статистики, а также сборников «Народное хозяйство РСФСР» за 1959 и 1990 годы [4].

Прежде всего, мы высчитали относительный прирост населения крупных сельских поселений в 1939-1959 гг. и сравнили его с долей мужчин в 1959 г. Аналогичным образом мы поступили с парами данных за 1959-1989 гг. Со строго математической точки зрения некоторый отрицательный момент этого метода в том, что диапазон 1939-1959 гг. содержит 20 лет, а следующий – 30 лет. Для решения сугубо исторической задачи эту погрешность мы считаем невеликой. Более существенной проблемой опять-таки с формальной точки зрения является то, что мы сравнивали очень разные по содержанию отрезки (первый отрезок несёт следы военно-демографической катастрофы 1940-х гг.). Но для нас как раз и было важно выяснить изменения доли мужчин в период, затронутый войной, и в сугубо мирные десятилетия.

Кроме того, нам было ясно, что прирост численности обусловлен не только динамикой удельного веса мужчин, но и другими причинами, которые в данном случае мы игнорируем. В первую очередь мы решили начать с графического отображения полученных результатов.

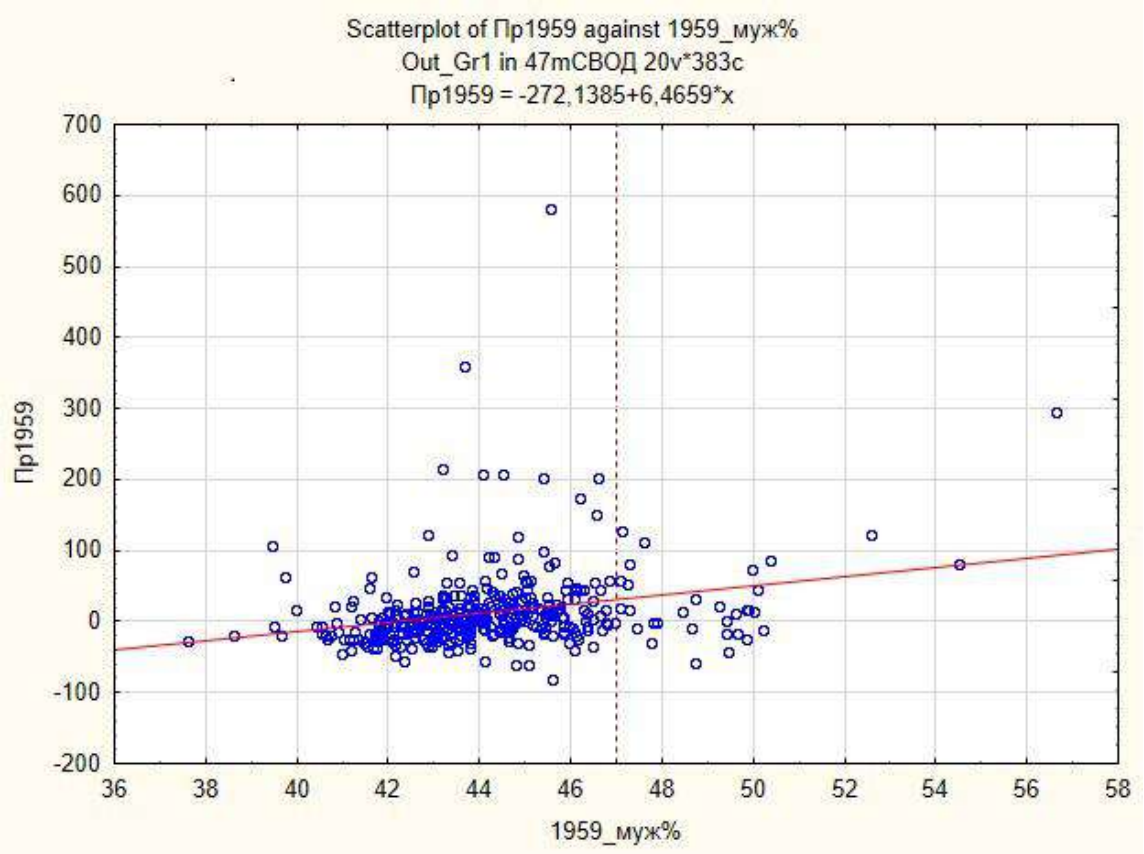


Рис. 1. Распределение сёл по приросту и доле мужчин. По X – доля мужчин в 1959 г. в %; по Y – прирост населения в 1959 по сравнению с 1939 в %. Красная пунктирная линия отмечает 47% по X

По диаграмме видно, что расчет коэффициента корреляции между этими показателями не имеет смысла. Плавное повышение численности населения сел не сопровождается не сопровождается существенным нарастанием числа селений с долей мужчин выше 47%. Наиболее интересным выглядит то, что большинство точек отдельных поселений группируется около линии роста даже при удельном весе мужского населения в 42-46%.

В цифрах эта зависимость проявляется более наглядно.

Таблица 1. Распределение сел по приросту населения к 1959 г. в зависимости от доли мужчин в 1959 г.

Доля мужчин в 1959 г.	**Количество сел в группе**	**Средний арифметический прирост в 1939-1959 гг. (в %)**	**Медианный прирост в 1939-1959 гг. (в%)**
<47%	338	11,6	1,3
≥47%	32	33,7	16,9

В таблице мы видим, что в большинстве поселений с долей мужчин менее 47% средний рост населения имел место, но выглядел невеликим. Помимо вычисления элементарного среднеарифметического значения прироста населения мы решили вычислить медианный прирост, который в этом случае более репрезентативен, так как лучше абсорбирует экстремальные значения. Пусть и при очень небольшом значении этот прирост все-таки был положительным.

Зато в селах с высокой долей мужчин большой для послевоенного времени прирост населения был очевидным.

Другими словами, в большей части изученных поселений в 1959 г. доля мужчин немногим выше 40% оказалась достаточной для того, чтобы обеспечить прирост всего населения. Видимо, при всех тягостных социально-экономических условиях конца 1940-х – начала 1950-х гг. жизненный потенциал послевоенных поколений даже при относительно невеликой доле мужчин оказался высок для восстановления довоенной численности населения и даже некоторого роста.

Понятно, что этот рост шел благодаря повышенному числу рождения мальчиков, а также увеличения удельного веса не воевавших мужчин конца 1920 – 1930-х гг. рождения.

Как показывают рисунок 2 и таблица 2, на следующем отрезке времени зависимость между ростом населения и долей мужчин на уровне крупных сельских поселений стала более заметной.

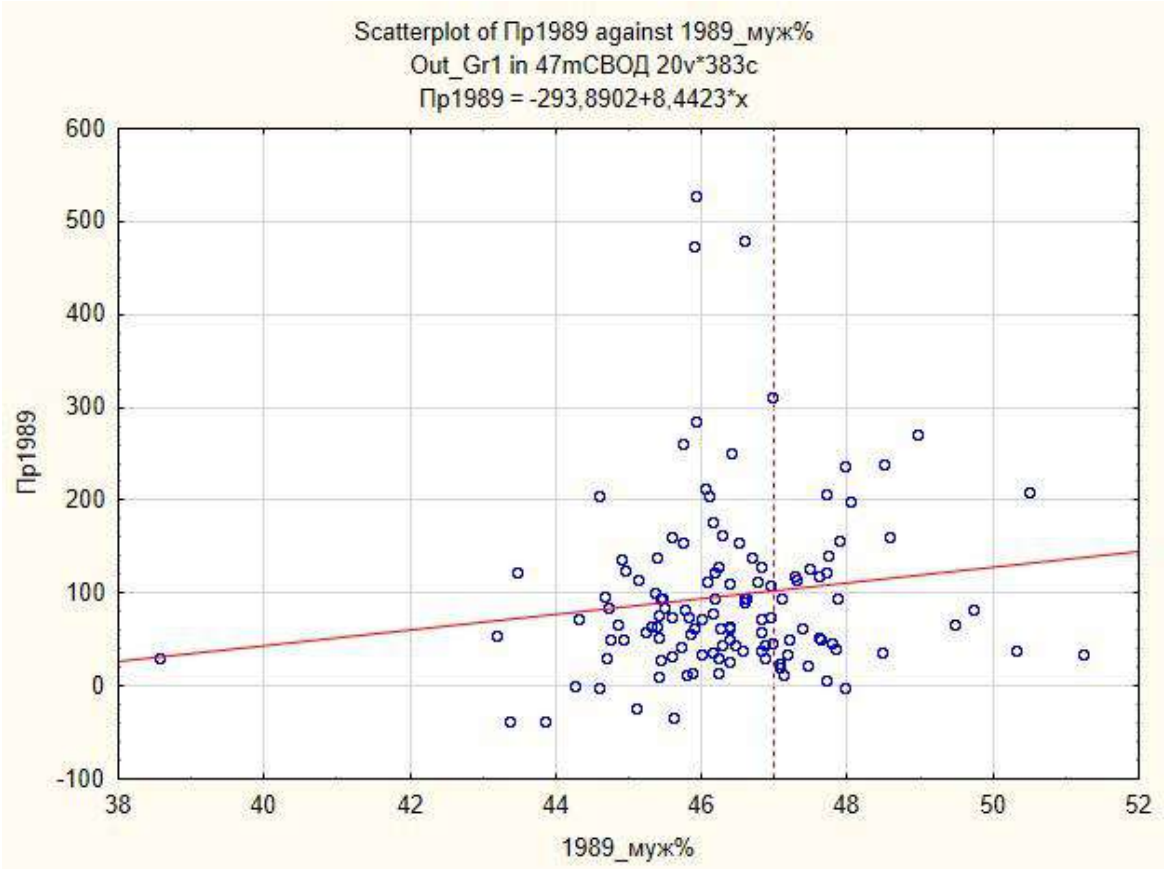


Рис. 2. Распределение сёл по приросту и доле мужчин. По X – доля мужчин в 1959 г. в %; по Y – прирост населения в 1989 по сравнению с 1959 в %. Красная пунктирная линия отмечает 47% по X

Наиболее очевидно выглядит расположение заметно большей части поселений, чем 30 назад, в зоне свыше 47%. В правой хорошо просматривается смещение многих селений в зону 45-47%. В целом самое важное видно в том, что практически все изученные населенные пункты на этом отрезке времени дали положительный рост населения, что в другом варианте наглядности демонстрирует таблица 2.

Таблица 2. Распределение сел по приросту населения к 1989 г. в зависимости от доли мужчин в 1989 г.

Доля мужчин в 1989 г.	**Количество сел в группе**	**Средний арифметический прирост в 1959-1989 гг. (в %)**	**Медианный прирост в 1959-1989 гг. (в%)**
<47%	88	97,7	73,1
≥47%	34	96,6	75,2

Несмотря на то, что в этой выборке в большинство сёл доля мужчин меньше 47%, и там сосредоточено много экстремальных положительных, почти треть сёл (где доля мужчин больше 47%) выдает чуть более высокий прирост населения.

В целом применительно к отрезку 1959-1989 гг. можно сказать, что при сохранении сравнительно большого разброса показателей отдельных прямая зависимость между долей мужчин и приростом прослеживается более очевидно, чем на предыдущем отрезке.

С исторической точки зрения такие изменения, вероятно, связаны с тем, что из детородного возраста выходило уцелевшее после войны поколение мужчин 1900-1920-х гг. рождения, а их замещало гораздо большее мужское поколение, появившееся в послевоенные годы.

Для анализа процессов на районном уровне мы привлекли данные по 265 районам юга Центральной России, а также примыкающим к ним Пензенской и Саратовской областям. Мы решили даже не строить график и таблицу ввиду очевидности результатов. В 240 районах численность сельского населения в 1959-1989 гг. сократилась при явном преобладании районов с невысокой долей мужчин – 193 с показателем менее 47%. С другой стороны, в более чем половине районов с ростом населения в указанный отрезок времени – 14 из 25 – преобладали районы с долей мужчин в 47 и более %.

Другими словами, на уровне районов в целом предположенная нами зависимость прослеживается. Она показывает, что одной из причин сокращения численности русского сельского населения Центра России была сравнительно небольшая доля мужского населения.

Анализ данных на уровне областей показал практически полностью однозначный результат. Во всех 11 областях показатели прироста сельского населе-

ния на протяжении 1959-1989 гг. оказались отрицательными, только в Саратовской областям доля мужчин среди селян была 47%, в остальных – меньше. Иначе говоря, исследованная зависимость оказалось весьма очевидной. Сельская местность даже юга Центральной России в поздний советский период не имела достаточного числа мужчин для роста численности населения. Другое дело, что в этот период решающую роль играли не только последствия Великой Отечественной войны, но и результаты миграционных процессов.

И все-таки изучение вопроса на уровне районов и крупных поселений показало, что в местах сравнительного немалого удельного веса мужчин – по нашей гипотезе более 47% – рост населения происходил. Отдельным остается на будущее вопрос о том, какую роль этот фактор играл в ряду других. Ведь по большому счету нужно учитывать и изменения численности женщин, а также и распределение населения по возрастам.

Список источников и литературы

1. Жиромская, В.Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений в России: историко-демографический аспект: 1946-1960 / В.Б. Жиромская; Российский гос. гуманитарный ун-т, Российская акад. наук, Ин-т российской истории. – Москва: РГГУ, 2009. – 310 с.

2. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР / Центр. стат. упр. при Совете Министров СССР. – Москва: Госстатиздат, 1963. – 456 с.

3. Начальный этап агрегации поселенных демографических данных (по материалам книг ЗАГС сельских советов Тамбовской губернии. 1925-1926 гг.) // Вестник ТГУ. Приложение к журналу. – Тамбов, 2009. – С. 164-185.

4. Народное хозяйство РСФСР в 1959 г. Стат. ежегодник / ЦСУ при Совете Министров РСФСР. – Москва: Госстатиздат, 1960. – 600 с.

5. Народное хозяйство Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. Стат. ежегодник / ЦСУ при Совете Министров РСФСР. – Москва: Госстатиздат, 1991. – 591 с.

6. Население России за 100 лет (1897-1997): Стат. сб. / Гос. ком. РФ по статистике (Госкомстат России); редкол.: Ю.А. Юрков-пред. и др. – Москва: Моск. изд. дом, 1998. – 222 с.

7. Население СССР: По данным Всесоюз. переписи населения 1989 г. / Гос. ком. СССР по статистике. Информ.-изд. отд. – Москва: Финансы и статистика, 1990. – 45 с.

Клевцова Оксана Владимировна
кандидат исторических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет
имени И.А. Бунина»
Россия, г. Елец
E-mail: ksenijmel@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В 1920-х ГГ.

Аннотация: *Автором анализируется законодательная система в области формирования народной системы образования в 1920-х гг. В статье затрагиваются вопросы реформирования царской системы образования и создания нового типа учебных заведений.*

Ключевые слова: *финансирование, бюджет, власть, местные бюджеты, Единая трудовая школа, образовательная политика.*

STATE FINANCIAL POLICY IN THE FIELD OF SCHOOL EDUCATION IN THE 1920 years

Abstract: *The author analyzes the legislative system in the field of formation of the national education system in the 1920s. The article touches upon the issues of reforming the tsarist education system and the creation of a new type of educational institutions.*

Keywords: *financing, budget, government, local budgets, Unified labor school, educational policy.*

В начале XX в. в отечественном образовании были предприняты попытки демократизации системы. Государственная дума стремилась найти оптимальный путь распространения всеобщего обучения среди населения страны. События 1917 г. и приход к власти большевиков способствовали пересмотру ранее существующей образовательной модели и формированию новой школьной системы, отвечающей политическим реалиям. Основа бессословности и однообразности в системе народного просвещения была заложена 20 ноября 1917 г., когда новое правительство упразднило все чины и сословия, а следовательно и систему привилегированных учебных заведений, предназначенных для высших сословий. Еще одним шагом к разрушению старой царской школьной системы станет принятие «Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви» 20 января (2 февраля) 1918 г. Этим правительство способствовало изъятию любого упоминания Бога со страниц учебников, запрету преподавания богословских дисциплин и преданию школьному образованию идеологических граней.

Уже в ноябре 1917 г. сформировался новый орган управления системой образования – Народный комиссариат просвещения РСФСР (далее: Наркомп-

прос). Он заменил собой упраздненное Министерство народного образования Российской империи и включал в себя 17 отделов с коллегиальным управлением. После вступления в силу «Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви» Наркомпрос объединил под своим управлением учебные заведения всех ведомств страны.

Юридическим оформлением реформаторских проектов станут публикации «Положения о единой трудовой школе РСФСР» (1918 г.) и «Основных принципов единой трудовой школы РСФСР» (1918 г.). Созданные новый тип «Единой трудовой школы» включал в себя двух ступенчатую систему обучения – для детей от восьми до тринадцати лет существовала первая ступень, а для детей с тринадцати до семнадцати лет – вторая ступень. Посещение нового типа школ становилось обязательным.

В соответствие с обновленной государственной программой система образование должна была стать более доступной, единой, бесплатной, ориентированной на трудовое воспитание. Самые главные принципы советского образования – бесплатность и всестороннее образование рабочих и крестьян, были закреплены в 17 статье Конституции РСФСР (1918) [1, с. 219]. Данная статья лишь поставила задачу – обеспечить беспрепятственный доступ к знаниям рабочим и беднейшим крестьянам.

Пересмотр социального ориентирования на получение образования исключительно рабочими и беднейшими крестьянами было пересмотрено статьей 8 Конституции РСФСР 1925 г. В соответствие с ней, теперь право получения полного, всестороннего и бесплатного образования закреплялось за всеми трудящимися советской республики [6, с. 54].

Преступить к скорейшей реализации поставленных целей препятствовало плачевное хозяйственно-экономическое положение страны инициированных Гражданской войной и кризисными явлениями 1920-х гг. Лишь переход к новой экономической политике и, к антикризисной модели развития страны позволили направить на распространение всеобщего обучения средства из бюджета. Но из-за скудности бюджета новой власти пришлось отступить от заложенных конституционных принципов бесплатности образования для народа и ввести временные меры – вынужденную плату за уроки.

Вопрос о финансировании образования был поставлен на X Всероссийском съезде Советов в декабрь 1922 г. именно здесь власть пошла на вынужденный компромисс: представленная смета Министерством народного просвещения оказалась не выполнимой. Члены съезда признали ее сокращение, передали полномочия местным органам власти изыскивать возможность компенсировать дефицит средств для организации всеобщего обучения граждан.

Уже в январе 1923 г. Наркомпрос был вынужден принять «Положение о плате за право учения». В данном законопроекте предусматривался классовый принцип взимания платы в зависимости от заработка родителей. Правительство, подтвердило право получать деньги за учебу в регионах, но предусматривало ранжирование объема взимания средств. Плата взималась с доходов, получаемых от торговых, промышленных и других приносящих деньги предпри-

ятий, а также со служителей церкви, граждан свободных профессий – адвокатов, художников, ремесленников и других. В случае, если родители получали суммарный заработок более 20-30 руб., то отчисления на оплату образования составляли 1-5 % от получаемых доходов на одного ребенка. Низкооплачиваемые рабочие вообще освобождались от платы за уроки [9, с. 130]. Власти также подчеркивали, что плата взимается только за учебу в школах городов и поселений городского типа. Сельская школа была освобождена от оплаты.

Есть данные о том, что Лебедянском уезде Тамбовской губернии бюджет школ первой ступени на 20% состоял из средств, внесенных родителями, а 28% денег вносил родительский комитет на содержание школ второй ступени. Школы Лебедянского уезда через внедрение платного обучения в год получали порядка 1.567 руб. на школы первой ступени и 2.342 руб. на школы второй ступени [2, Д. 9, Л. 135].

После выхода в свет постановления X Всероссийского съезда Советов наблюдается тенденция резкого сокращения числа учебных заведений. Анализируя данные по финансированию учебных заведений можно заметить следующую тенденцию. Если в 1921 г. ассигновалось 118.398 руб., то в 1922 г. – 88.588 руб. Таким образом, субсидирование приблизилось к дореволюционным показателям 1914 г. [8, с. 120]. В условиях дефицита школьного бюджета местным органам власти не удалось компенсировать недостачу, даже за счет привлечения родительских взносов.

Уменьшение бюджетных средств сказывалось на численности образовательных учреждений. Так, например, в 1918 г. на территории Задонского уезда Воронежской губернии функционировало 111 школ первой ступени и 5 школ второй ступени. К 1920 г. их число достигло 121. Но после перевода школ на региональный бюджет, их число сократилось до 114 [4, Д. 349, Л. 88], а к 1922 г. их количество уменьшилось до 82 [3, Д. 448, Л. 40]. В Лебедянском узде Тамбовской губернии, по данным за 1923 г., из 156 учреждений народного образования 122 школы содержались на местные средства [3, Д. 9, Л. 218].

Ситуация с численностью обучающихся выглядела еще более сложной. В среднем по стране к 1923 г. число детей, покинувших школу, достигло 12% и основной причиной являлось неимение возможности внести оплату [9, с. 131].

Особого внимания заслуживает вопрос оплаты учительского труда. Заработная плата учителя была самая низкая. В 1921 г. она варьировалась от 2.400 до 14.800 рублей в месяц, при этом цены на картофель достигали 300-400 руб. за пуд. Сельский учитель за свой труд получал на 5-10 руб. меньше, чем городской коллега. После проведения денежной реформы 1924 г. заработок педагога составил 50 руб., а цена на картофель достигала – 8 руб. 9 коп. [1, с. 36].

На протяжении 1920-х гг. вопрос о повышении заработной платы учителя вообще не поднимался. Повышение заработной платы учителям было проведено в два этапа в 1932 и 1936 гг. В 1932 г. повсеместно вводилась система тарификации в зависимости от разряда, что предусматривала выплаты от 69 до 115 руб. для учителя начальной школы и от 106 до 164 руб. для учителя средней школы. В 1936 г. в свет выходит постановление «О повышении заработанной

платы учителей и назначении учителей заведующими и директорами школ». В стране устанавливаются учительские ставки – от 240 до 400 руб. в зависимости от уровня образования и педагогического стажа [5, с. 20].

Правительство призывало население принять вынужденные меры по введению платного образования и оказывать посильную помощь. Воронежский губисполком 24 декабря 1922 г. принимает решение о введении оплаты уроков до «установления устойчивого местного бюджета и минования временной надобности», при этом местные власти подчеркивали, что палатная школа не приживется в сельской местности. Местные власти вводили льготы для детей красноармейцев, инвалидов, детей зарегистрированных безработных, детей уволенных членов профсоюзов, детей рабочих и служащих, получающих минимальную заработную плату [7, с. 33].

Проведенная денежная реформа 1924 г. позволила стабилизировать экономическое положение в стране и расширить бюджетные ассигнования на народное образование. В 1926 г. из государственного бюджета выделили 96,3 млн. руб., а местные органы власти смогли передать 215 млн. руб. в фонд школ. Ежегодно показатели стали расти и к 1928 г. составили соответственно 335 млн. руб. и 513 млн. руб.

Изменение бюджета напрямую влияло на состояние образования в стране. Лишь к 1934 г. удалось добиться устойчивого государственного финансирования начальной и средней школы. Позднее, в ст. 121 Конституции СССР 1936 г. власть официально провозгласила право граждан страны на получение бесплатного образования.

Стабилизация бюджетных вливаний в систему образования в конце 1920-х гг. способствовало динамичному росту школьного фонда. Если в 1925 г. в стране функционировало 64.229 общеобразовательных учебных заведений, то к 1928 г. данный показатель достиг 80.816 [7, с. 34].

Несмотря на оптимистические заявления советская власть вынуждена была в сложных финансово-экономических условиях 1920-х гг. отодвигать вопросы социально-культурной сферы на второй план. Система образования стала бюджетным «донором», средства которого перекачивались в приоритетные народно-хозяйственные отрасли.

Политика правительства в решении вопроса финансирования системы народного образования столкнулась с рядом проблем. Во-первых, процесс формирования нового типа школ, отвечающего требованиям большевистского правительства, шло в условиях Гражданской войны. Основная часть школьного фонда или была разрушена, или передана на нужды армии и военных госпиталей. Во-вторых, создать одномоментно сеть доступных школ было невозможно. Необходимы были средства на подготовку новых педагогических кадров, соответствующих коммунистической идеологии. В-третьих, юридическое оформление права на всеобщее бесплатное образование было преждевременным. Ни правительство, ни местные органы власти оказались не готовы к материальным вливаниям в развивающуюся советскую школу. Предпринятая попытка опереться на средства граждан также не увенчались успехом. Значительная часть

населения оказалась в числе льготной категории, так как их заработок был крайне низким. Решить вопрос всеобщего бесплатного образования удалось лишь после стабилизации государственного бюджета.

Список источников и литературы

1. Белова, Н.А. Заработная плата советских учителей в 1920 – 1960-е гг. / Н.А. Белова // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – № 1. – Том I (Гуманитарные науки). – С. 36-38.
2. Государственный архив Липецкой области (ГАЛО). Ф. Р-1555. Оп. 1. Д. 9. Л. 135.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1575. Оп. 1. Д. 448. Л. 40 об.
4. ГАРФ. Ф. 2306. О. 4. Д. 349. Л. 88.
5. Ерохина, Е.П. «Работа учителя трудна и почётна»: уровень нагрузки и оплаты труда советского учителя в 1930-е гг. (по материалам Мордовии) / Е.П. Ерохина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2016. – № 5. – С. 18–22.
6. Звонарев, А.В. Развитие формальных источников образовательного права в советский период (1917-1936 гг.) / А.В. Звонарев, Н.М. Ладнушкина, Д.А. Пашенцев // Юридическая наука. – 2017. – № 3. – С. 52-56.
7. Малышева, О.В. Проблема финансирования народного образования в 20-х – 30-х гг. XX в. / О.В. Малышева // Запад-Россия-Восток. Археология. История. Философия. Юриспруденция. – 2013. – № 1-2. – С. 31-34.
8. Штам, С.И. Управление народным образованием в СССР (1917-1936) / С.И. Штам. – М., 1985. – 283 с.
9. Ялозина, Е.А. Политика и практика платного образования в советской школе 1920 – 1940-х гг. / Е.А. Ялозина // Наука и школа. – 2010. – № 3. – С. 130-132.

Ковалев Артем Владимирович
кандидат исторических наук
Калужский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Россия, г. Калуга
E-mail: artem-v-kovalev@yandex.ru

«БЫВШИЕ» В ТЫЛУ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ПИСЕМ Н.Н. ФИНОГЕНОВА)

Аннотация: *В тексте рассматривается повседневная жизнь «бывших», то есть представителей прежних привилегированных и близких к ним слоев населения, в тылу СССР в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.*

В качестве основы взяты письма Н.Н. Финогенова 1940-х гг. Повседневность рассматривается в трех элементах (критериях): заботы, страхи и надежды. Делается вывод, что повседневность «бывших», сумевших встроиться в советские реалии, была похожа на повседневность большинства граждан СССР, но имелись и отличия.

Ключевые слова: *«бывшие», Великая Отечественная война 1941-1945 гг., Николай Николаевич Финогенов, повседневная жизнь (повседневность), тыл.*

"FORMER" IN THE REAR OF THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941-1945 (BASED ON THE MATERIALS OF N.N. FINOGENOV'S LETTERS)

Abstract: *The text examines the daily life of the "former", that is, representatives of the former privileged and close to them strata of the population, in the rear of the USSR during the Great Patriotic War of 1941-1945. The letters of N.N. Finogenov of the 1940s are taken as a basis. Everyday life is viewed in three elements (criteria): worries, fears and hopes. It is concluded that the everyday life of the "former", who managed to integrate into the Soviet realities, was similar to the everyday life of most citizens of the USSR, but there were differences.*

Keywords: *"former", the Great Patriotic War of 1941-1945, Nikolai Nikolaevich Finogenov, everyday life (everyday life), rear.*

Изучение Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., с одной стороны, справедливо пользуется огромной популярностью среди исследователей и читателей, а с другой стороны, этот колоссальный пласт событий по-прежнему требует нового и нового осмысления.

Помимо чисто военного ракурса рассмотрения, где и сейчас остается немало белых пятен, важной сферой изучения является тыловая жизнь населения СССР в период войны.

Тыловой жизни населения СССР посвящено в наше время немало работ. Очевидно, что и здесь присутствуют различные отрасли исследования. Помимо изучения вклада тыла в победу, например, роли экономики в успешном для СССР завершении войны, является востребованной и очень популярной в настоящее время такая сторона, как тыловая повседневность [8, 13]. Но и тут тоже намечены различные направления в рассмотрении. Так, повседневная жизнь тыла исследуется в региональном обозрении [5, 20, 23]. Другой угол зрения – изучение по гендерному признаку, есть, например, значительное число работ именно о женщинах в тыловой повседневности [2, 4]. Ряд исследователей посвятил свои работы определенным возрастным категориям, например, детям или молодежи [16, 18, 21]. Также имеются исследования, в которых рассматриваются отдельные категории населения применительно к месту проживания: так, изучаются отдельно жители города и жители деревни [3, 25]. Встречаются также исследования тыловой жизни групп людей по их роду занятий, например,

представителей социальных групп, занимающихся интеллектуальным трудом [19, 27].

По мнению автора, особый интерес представляет изучение тыловой повседневности такой разнообразной группы советского общества, которую мы условно можем обозначить как «бывшие». Это представители прежних привилегированных или близких к ним слоев населения или те люди, социальные круги, которые проявляли некогда враждебность к революции и советской власти.

Здесь в историографии наблюдается, на наш взгляд, такая интересная особенность. В работах историков «бывшие» освещены меньше, чем остальное тыловое население, что в целом закономерно, ведь «бывшие» явно составляли меньшинство. При этом следует отметить, что, по нашему наблюдению, в первую очередь в историографии уделяется внимание тем «бывшим», кто проявлял активную враждебность к советской власти в довоенные годы и в период самой Великой Отечественной войны [6, 15, 17, 22, 24]. Гораздо меньше, как нам показалось, отражены повседневные жизненные реалии тех «бывших», кто сумели вжиться в советские реалии. В историографии есть работы, отражающие жизнь, в том числе в период войны, тех «бывших», которые относительно органично вписывались в советскую действительность, но таких работ не так много [1, 14].

А ведь «бывших», которые смогли найти себя в советских реалиях сравнительно с теми, кто активно выступал против власти, вполне могло быть не меньше и даже больше; так или иначе, это сотни тысяч человек, повседневность которых тоже интересна для рассмотрения. Опыт вхождения «бывших» в советские реалии, в частности, в реалии тыловой жизни Великой Отечественной войны, также полезен.

Ведь проблема встраивания целых пластов населения в новые, чужие для них рамки – это не только проблема «бывших» в первые советские годы. Такая же проблема существовала, совершенно очевидно, у многих наших граждан в конце XX в. после гибели СССР. Уменьшение населения стран бывшего СССР к двухтысячным годам косвенным образом говорит, что процесс адаптации к новой постсоветской жизни проходил вовсе не безболезненно.

В рассмотрении темы бытования «бывших» в военные годы есть и личностная заинтересованность, так как предком автора был именно такой представитель «бывших», который пытался, насколько возможно, вжиться в советскую жизнь. И, пожалуй, особенно трудно это было сделать в период Великой Отечественной войны.

Здесь следует сказать несколько слов о нашем сегодняшнем герое Николае Николаевиче Финогенове (20.10/1.11.1869-6.04.1948). Он родился на юге тогдашней Российской империи в уважаемой купеческой семье, закончил медицинский факультет Харьковского университета и стал военным врачом. В качестве военного медика Н.Н. Финогенов принял участие в нескольких войнах, в частности, Русско-японской 1904-1905 гг. и Первой мировой 1914-1918 гг., причем ко времени Революции 1917 г. дослужился до чина статского

советника, числился дворянином и управлял медицинским делом на уровнях дивизии и корпуса [7, 9]. Задолго до революции он защитил докторскую диссертацию [26], в которой, по сути, стоял у истоков перспективного в наше время направления онкоиммунологии [12]. Пережив Гражданскую войну, начиная с 1920-х гг. Н.Н. Финогенов обосновался в г. Армавир, работал в поликлинике. В этом городе он, уже в солидном возрасте, встретил новые крупные события, такие как Великая Отечественная война, немецкая оккупация, жизнь после освобождения города. Другими словами, у Н.Н. Финогенова был интереснейший опыт существования в период войны, которым он делится в своих письмах [11].

Нужно осветить вкратце такой источник, как письма Н.Н. Финогенова 1940-х гг. Источник был опубликован в журнале «История: факты и символы» [10]. Письма адресованы старшей внучке Наталье Григорьевне Финогеновой (Равич), которая в описываемое время проживала в Харькове, затем в Сталинграде, Рубцовске и, после возвращения из эвакуации, снова в Харькове. Часть писем утрачена (в первую очередь то, что касалось жизни в период оккупации), но дошедшие до нас письма сохранились хорошо. Из 17 сохранившихся писем непосредственно во время войны созданы 6, это письма №№ 2-7, однако остальные могут нести косвенные сведения. Письма написаны довольно разборчивым почерком и в целом понятным современному читателю языком. В письмах Н.Н. Финогенов делится впечатлениями и рассказами о своей жизни, дает внучке, которая на момент первого письма недавно закончила школу, различные советы, расспрашивает ее о жизни. В письмах старый врач достаточно откровенен, но лишь настолько, насколько мог быть откровенен опытный человек (Н.Н. Финогенову сильно за 70), переживший несколько войн и государств, тем более, наверняка имеющий представление о возможной перлюстрации писем. Во всяком случае, это полезный источник информации, позволяющий посмотреть тыловую жизнь периода Великой Отечественной войны приближенно к тому, как ее воспринимал один из «бывших».

Наша цель – увидеть жизнь «бывших» в тылу в период Великой Отечественной войны (глазами Н.Н. Финогенова). Сразу оговоримся, что мы рассмотрим тыловую жизнь только при советской власти по причине наличных возможностей источника. Довольно значительное количество работ, посвященных жизни обычных людей в тылу, как кажется, позволяет нам попытаться, по возможности, заострить отдельное внимание на особенностях повседневной жизни «бывших» сравнительно с основным большинством населения.

Увидеть повседневную жизнь «бывших» мы решили через три, как кажется, важных элемента или критерия восприятия: заботы, страхи и надежды.

Среди бытовых забот на первом месте следует поставить заботы о пище. Очень большой объем информации в письмах так или иначе связан с едой: ее поиском, приготовлением, запасами, распределением. Государственные магазины разве что в самых общих чертах удовлетворяли потребности населения. Спасала базарная торговля, неофициальное производство и обмен продуктами. В нашем случае ситуация с добычей пищи облегчена тем, что действие происходит на плодородной Кубани. Ухудшалась же ситуация тем, что к началу вой-

ны Н.Н. Финогенов овдовел, затем, в условиях военного стресса усложнились отношения с родственницами – женами сыновей, наконец, по материальным причинам он лишился возможности держать домработницу. Поэтому он вынужден был со временем, путем проб и ошибок, осваивать «кулинарное искусство». Также осложнялось дело тем, что, в силу возраста и состояния здоровья Н.Н. Финогенов мог принимать в пищу не всякие продукты, например, никакого черного хлеба, только белый [10, Письмо № 4, с. 133, Письмо № 5, с. 134]. Вообще источник буквально «пропитан» темой еды, в письмах много «вкусных» фраз, посвященных продуктам питания, например: «Я научился печь оладьи, пышки, собираю у людей рецепты…» [10, Письмо № 5, с. 133], «С случайной верной оказией я ему послал деньги и 3 кил. хорошего свежего свиного сала…» [10, Письмо № 7, с. 136], «…арбуз стоит на базаре в среднем 50-60 руб…» [10, Письмо № 7, с. 137].

Хорошим подспорьем для жителей, даже горожан, стало то, что прямо в городской черте, среди руин, они разбили участки, на которых самостоятельно выращивали сельхозкультуры, например, кукурузу и арбузы [10, Письмо № 5, с. 134]. Н.Н. Финогенов не упоминает напрямую, занимался ли он сам возделыванием, зато для него был открыт еще один дополнительный источник пищи – частная медицинская практика. Пациенты, которые приходили к нему в обход поликлиники, расплачивались обычно не деньгами, а едой [10, Письмо № 7, с. 137].

Информация, связанная с одеждой, не находит широкого упоминания в письмах Н.Н. Финогенова. Из этого можно сделать вывод, что больших проблем в данной сфере бытовых забот у него не было. С другой стороны, практически не встречаются и сведения о пошиве или покупке новой одежды или обуви, из чего можно заключить, что у Н.Н. Финогенова, в силу его относительного довоенного благополучия, имелся запас одежды и обуви, который прослужил, не обновляясь, в течение всего времени войны. «Чиню все себе сам…» – вскользь бросает врач в одном из писем [10, Письмо № 5, с. 134].

Жилище являлось важной стороной бытовых забот в тылу. По мере оставления территорий (и также по мере изгнания врагов) в городах увеличивалось количество беженцев, которых надо было расселять. Также многие дома в городе оказались разрушены воздушными бомбардировками, военными действиями, отступавшими немцами. Поэтому домовладельцы опасались уплотнения, заселения незнакомых людей. Это тем более было актуально для «бывших», которым не всегда было удобно контактировать с обычными людьми. Выход для Н.Н. Финогенова находился в том, чтобы самостоятельно съехаться с родственниками: пожертвовав частью помещений, которые все равно будут «отбирать», можно было добиться такой плотности «своих», при которой уплотнение будет маловероятным. Правда, такая скученность была чревата бытовыми конфликтами среди родственников, которые до войны казались друг другу вполне воспитанными людьми [10, Письмо № 2, с. 132, Письмо № 8, 137, 138].

Естественно, одной из важнейших основ существования человека был труд, позволявший получать деньги и жить. Поэтому наличие профессии позволяло рассчитывать на получение средств к существованию. В случае с Н.Н. Финогеновым, который после научной и военно-медицинской карьеры при прежнем режиме теперь работал отоларингологом в городской поликлинике, профессия, конечно, была спасением. В первой половине дня врач трудился в поликлинике, причем условия работы в период после оккупации, после разрушений и грабежей, причиненных отступающими немцами, были суровыми. Врачей было мало, поэтому норма приема пациентов была высокой (22 за смену, в реальности – по полсотни и больше), не было тепла и электричества (а последнее обстоятельство резко увеличивало нагрузку на старые глаза), вместо украденных врагами приборов приходилось приносить собственные. Причем, как и было сказано выше, помимо того, что врач называл «казенным жалованием», и чего было очевидно недостаточно, существовала также и частная практика, от которой Н.Н. Финогенов никогда не отказывался. Он принимал пациентов дома и утром, перед уходом на работу, и днем после работы, даже в ущерб, иной раз, приготовлению еды. Н.Н. Финогенов также упоминает о пайковом довольствии, однако в отношении других людей, в том числе своих знакомых и родных – военнослужащих или работающих в оборонной сфере. С одной стороны, он умело пересчитывает пайки на тогдашние деньги, с другой – часто пишет, что продукты в пайке могут быть непригодны для прямого употребления в пищу (варенье, селедка и т.д.). Поэтому частная практика, когда благодарные пациенты (нередко колхозники) несли врачу не столько деньги, сколько полезные продукты, была неоценимым подспорьем. Добавим также, что именно физический труд в данный период жизни гораздо больше обычного сопровождает бывшего статского советника: он готовит еду, убирает помещение, даже колет дрова и так далее [10, Письмо № 5, с. 134, Письмо № 11, с. 139, Письмо № 13, с. 141, Письмо № 17, с. 144].

Человеку жизненно необходимо даже в самые тяжелые периоды существования иметь хотя бы минимальный досуг для психологической разгрузки. Конечно, в военное время досуг был довольно скромным, для Н.Н. Финогенова это был обязательный дневной сон, прогулки в городском саду, раскладывание пасьянса и чтение газет, а также специальных медицинских текстов. В одном из писем он оговаривается, что, когда он в молодости жил в городе Ленинграде (так он теперь вынужден звать Санкт-Петербург), к его услугам было много ресторанов, но теперь, в провинциальном Армавире, тем более в военное время, это абсолютно немыслимо [10, Письмо № 13, с. 141].

Несмотря на наличие минимального досуга, приходится заключить, что все заботы, все мысли адресанта писем наполнены проблемами выживания. Н.Н. Финогенов постоянно пишет о том, как хлопочет или в поисках еды, или о ремонте протекающей крыши, или о накоплении топлива на зиму (это уголь и дрова) [10, Письмо № 11, с. 139] или о чем-то еще, связанном с выживанием. Именно выживание становится во время войны главной заботой. Как говорит

Н.Н. Финогенов в одном из писем сороковых годов: «В общем, все выкручиваются и приспосабливаются, кто как может» [10, Письмо № 17, с. 144].

Рассматривая повседневные заботы представителя категории «бывших» и сравнивая с тем, что известно по научной литературе о заботах большинства населения во время войны, мы делаем вывод, что ситуация здесь сходная. Пожалуй, разница в несколько лучшем материальном положении Н.Н. Финогенова. Возможно, это связано с тем, что человек в свое время нашел свое место в новом обществе, является специалистом, который может себя обеспечить.

Разнообразные страхи неизменно наполняют письма Н.Н. Финогенова. Он беспокоится о потенциальном ухудшении материального состояния (например, возможная потеря относительно стабильного жилищного положения, опасность роста цен на необходимые товары). Голод, холод и болезни, причем, особенно, голод (в том числе и после войны!) фиксируется доктором в качестве угрозы населению (а значит, хотя бы косвенным образом, лично ему) [10, Письмо № 3, с. 133, Письмо №12, 140]. Вот пример опасения за жилье: «Пока живем на той же квартире, но боимся, что дом отберут под какое-либо учреждение. Город наполняется все больше и больше, а домов целых очень мало» [10, Письмо № 7, с. 137].

Немаловажным был страх прихода захватчиков еще в 1941 г., но также – возможности их возвращения в 1943 г. Очевидно, по опыту немецкой оккупации Украины в период Гражданской войны, а также хода военных действий в 1941-1943 гг. старый врач не питает иллюзий относительно скорого и легкого изгнания врагов. Кроме того, сеяли страх и смерть периодические налеты немецкой авиации на стратегически важные Кубань и Северный Кавказ [10, Письмо № 3, с. 133, Письмо № 5, с. 134, 135, Письмо № 6, с. 135, 136]. Вот характерные слова из письма: «Про жизнь у немцев я… повторять не буду, но с ужасом жду их вторичного появления». И еще: «…мы пережили ад, отчасти переживаем и ждем повторения» [10, Письмо № 5, с. 134, 135].

Пожалуй, еще больше выражена в письмах боязнь за жизнь родственников, раскиданных по широким просторам СССР: в захваченном Харькове, в осажденной Москве, в эвакуационных Сталинграде и Рубцовске, а также рядом – в Армавире и на Кавказе. Этот постоянный страх не был беспочвенным, так как в самом деле некоторые из родных погибали от голода и холода на оккупированных территориях, умирали от болезней в нашем тылу [10, Письмо № 4, с. 133, Письмо № 5, с. 135, Письмо № 6, с. 135, 136, Письмо № 7, с. 136]. Яркая фраза из письма за июль 1943 г.: «Проклятая война, она создала тяжелые условия для жизни с одной стороны и невозможности помочь друг другу с другой стороны» [10, Письмо № 6, с. 135]. В том же письме: «Еще раз советую и прошу не рискуй собой. И даже теперь боюсь, что на моих глазах вы все погибнете» [10, Письмо № 6, с. 136].

Отдельным страхом после освобождения города Армавира было постоянное ощущение близости возмездия советской власти за нахождение на оккупированной территории и по подозрению в сотрудничестве с захватчиками. Для Н.Н. Финогенова этот страх конкретизировался тем, что один из родных, сын

Сергей, действительно состоял в некоторой должности в период оккупации, даже был насильно увезен при отступлении немцев, бежал и с трудом смог выбраться на территорию, подконтрольную советской власти [10, Письмо № 5, с. 134, Письмо № 6, с. 135, 136, Письмо № 7, с. 136].

В письмах достаточно фраз, отражающих атмосферу настороженного ожидания репрессий, например: «Я очень волнуюсь за С. [Сергея]… У него был обыск, все его вещи описаны, всех его родных и родственников даже живущих в Москве записали; что всем будет – неизвестно. Только живущие в Алтайском крае не записаны. Варя уехала от волнения и страха в станицу, Лена сбежала в Пятигорск. Мы живем вдвоем с Колей и когда возвращаемся со службы спрашиваем друг друга: “Ну, что?”» [10, Письмо № 7, с. 136]. Вот еще вполне красноречивое признание: «Как ни старался я жить честно и аккуратно, а все таки попал в преступное положение и нас таких вероятно миллионов 20-30» [10, Письмо № 6, с. 136].

Многие страхи, сопровождавшие «бывшего» в тылу, были, в целом, похожи на ощущения, преследовавшие большинство населения в то время, однако специфику составляло именно то, что страх репрессий выглядит особенно отчетливо.

Но кроме забот и страхов, были и надежды. Кстати, в одном из писем медик признается, что не является строго религиозным человеком и даже несколько сожалеет об этом. Существовала надежда на завершение войны, причем ближе к письмам 1943 г. чувствуется определенная степень уверенности, что война завершится нашей победой. Однако, нередко сквозят намеки на то, что война «затягивается», до победы надо еще дожить, сохранить себя, а кроме того, и победа еще не станет решением всех вопросов [10, Письмо № 3, с. 133, Письмо № 4, с. 134, Письмо № 7, с. 136]. «Бодрись, не падай духом, все вернется, лишь бы остаться живыми» - пишет врач своей внучке [10, Письмо № 3, с. 133].

Также определенные надежды возлагались на справедливость и милосердие советской власти. Причем следует отметить, что в добрую волю местных управленцев бывший статский советник не слишком верил, однако уповал на благоразумие высших органов власти в противовес местным. Например, относительно вопроса о репрессиях, старик был убежден, что наверху не поверят в предательство миллионов жителей на временно оккупированной территории. Вот как он пишет: «Самое ужасное, что оффициально пишется в правительственных сообщениях, что жителей из городов угоняют и увозят с собой немцы, а судебная власть и местная администрация рассматривает их как добровольно ушедших… Мы надеемся, что правительство и руководящие высшие партийные круги не так смотрят, как местная власть» [10, Письмо № 7, с. 136, 137].

Особые надежды возлагались на то, что выжившие представители семьи, в первую очередь, молодое поколение, после завершения лихолетья, благодаря талантам, учебе и неустанному труду смогут успешно построить собственную жизнь и займут достойное место в обществе. Старый доктор пишет внучке: «За тебя я даже радуюсь – время от тебя не уйдет. И для тебя гораздо лучше полу-

чить диплом врача уже во время мира» [10, Письмо № 4, с. 134, Письмо № 6, с. 136].

Надежды, выказываемые бывшим статским советником, имеют сходство с надеждами большинства советских людей. Однако, есть и отличия, в частности, отсутствие иллюзий относительно завершения войны как избавления от всех бед. И особенно – индивидуалистические мечты о лучшем будущем для родных, построение карьеры за счет их личных качеств, учебы и труда.

Перейдем к выводам. Исходя из материалов, которые были изучены и тех критериев рассмотрения, которые были предложены, мы можем сказать, что в целом тыловая повседневность «бывших», влившихся в советскую действительность, похожа на таковую у большинства жителей СССР. Их заботы, страхи и надежды были подобны таковым у основного населения страны. Были, конечно, и некоторые особенности. Так, наличие востребованной профессии позволяло чуть меньше волноваться за непосредственное выживание, хотя проблема выживания все равно стояла довольно остро. Больше, чем для многих других людей, пугал страх репрессий со стороны советского государства. Также специфика была связана с повышенным вниманием к безопасности и в целом судьбе собственной семьи, родственников, пожалуй, даже сравнительно с судьбой страны.

В то же время, во всяком случае, из изученных материалов видно, что известная часть «бывших», хоть и не идеально, встроилась в существующую советскую систему. Напрашивается ответ, почему это произошло, почему таким людям было легче прочих «бывших» пережить и общественные перемены, и войну. Это удалось, видимо, потому, что эти «бывшие» имели востребованный род занятий, то есть еще до Революции 1917 г. тот или иной человек занимал достойное место в обществе не только и не столько по происхождению, сколько по роду занятий, по профессии.

Думается, что для дальнейшего рассмотрения темы желательно расширить круг источников, сравнить взгляд Н.Н. Финогенова с точками зрения других представителей сходной социальной среды. В этом случае можно будет говорить и о более масштабных, основательных выводах.

Список источников и литературы

1. Баулина, Е.И. Врачеватель душ и тел: патриот, участник Великой Отечественной войны архиепископ Лука / Е.И. Баулина, В.А. Усков // Социально-экономические явления и процессы. – 2020. – Том 15. – № 2 (109). – С. 105-112.

2. Гетманова, Е.С. Повседневная жизнь женщин Ставрополья в годы Великой Отечественной войны (1941-1945): автореф. дис. … канд. ист. наук / Е.С. Гетманова. – Ставрополь, 2016. – 30 с.

3. Гонцова, М.В. Трансформация повседневной жизни городского населения Урала в годы Великой Отечественной войны / М.В. Гонцова // 70-летие Великой Победы: исторический опыт и проблемы современности. Девятые ураль-

ские военно-исторические чтения: сборник научных статей. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2015. – С. 80-84.

4. Гугова, М.Х. Женщина и война: проблема повседневного существования и ментальных изменений (историография, задачи и методологические подходы) / М.Х. Гугова, М.А. Текуева // Вестник Дагестанского научного центра. – 2012. – № 46. – С. 77-81.

5. Гуров, М.И. К вопросу об истории повседневной жизни на Дону в годы Великой Отечественной войны / М.И. Гуров, Э.Е. Исаева // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2017. – № 1. – С. 152-156.

6. Гусак, В.А. Деятельность милиции по изъятию оружия в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) / В.А. Гусак // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2012. – № 7. – С. 10-13.

7. Деятельность медицинского отряда в бою под Вафангоу // Иллюстрированная летопись Русско-японской войны. – СПб.: Типогр. А.С. Суворина, 1904. Вып. 6. – С. 130-131.

8. Кирповская, Н.С. Досуговые практики мирного населения во время Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): историографический обзор / Н.С. Кирповская // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2017. – № 1. – С. 156-161.

9. Ковалев, А.В. Значение медицинской службы в обеспечении боеспособности действующей русской армии в период Русско-японской войны 1904-1905 гг.: дис. … канд. ист. наук / А.В. Ковалев. – М.: МПГУ, 2002. – 330 с.

10. Ковалев, А.В. Письма Николая Николаевича Финогенова Наталье Григорьевне Финогеновой (Равич) как исторический источник / А.В. Ковалев // История: факты и символы. – 2021. – № 1. – С. 128-144.

11. Ковалев, А.В. Повседневная жизнь провинциального горожанина 1940-х гг. в письмах врача Н.Н. Финогенова / А.В. Ковалев // История: факты и символы. – 2019. – № 4. – С. 7-17.

12. Ковалев, А.В. и др. Военный врач Николай Николаевич Финогенов – провозвестник онкоиммунологии / А.В. Ковалев, А.Е. Коровин, Л.П. Чурилов, А.Е. Сысоев, В.А. Шевченко // Клиническая патофизиология. – 2017. – № 3. – С. 107-116.

13. Козлов, Н.Д. Повседневная жизнь в советском тылу в годы Великой Отечественной войны в отечественной историографии начала XXI в. / Н.Д. Козлов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2014. – № 2. – Т. 4. – С. 30-45.

14. Козодаев, С.А. Власть и общество в годы Великой Отечественной войны в воспоминаниях жителей Тамбовской области: автореф. дис. … канд. ист. наук. 07.00.02 / С.А. Козодаев. – Тамбов, 2009. – 24 с.

15. Кринко, Е.Ф. Религиозная жизнь в тылу и на фронте в годы Великой Отечественной войны / Е.Ф. Кринко // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. – 2015. – № 1 (13). – С. 98-112.

16. Куликова, Ю.В. Студенчество российской провинции: культура повседневности периода Великой Отечественной войны (на материалах высших и средних учебных заведений г. Шуи Ивановской области) / Ю.В. Куликова, С.С. Садина // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». – 2011. – Т. 2. – Вып. 1. – С. 21-26.

17. Малышева, Е.М. Органы НКВД-НКГБ в политической системе СССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. / Е.М. Малышева // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2006. – № 1. – С. 38-45.

18. Назаров, А.И. «Школьная» повседневность Тамбовской молодежи в годы Великой Отечественной войны: характер и содержание / А.И. Назаров // Вестник ТГУ. – 2009. – № 12 (80). – С. 373-378.

19. Павленко, В.Д. Библиотеки Урала в годы Великой Отечественной войны / В.Д. Павленко, Г.К. Павленко // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2005. – № 1 (7). – С. 17-21.

20. Палецких, Н.П. Семейно-бытовые аспекты тыловой повседневности: на материалах Урала периода Великой Отечественной войны / Н.П. Палецких // Социум и власть. – 2018. – № 5 (73). – С. 121-129.

21. Романов, Р.Е. Денежные стимулы труда рабочей молодежи оборонных предприятий Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941-1945) / Р.Е. Романов // Гуманитарные науки в Сибири. – 2014. – № 1. – С. 83-86.

22. Саидова, М.З. О борьбе с бандформированиями органов государственной власти Дагестана в годы Великой Отечественной войны / М.З. Саидова // Наука сегодня: глобальные вызовы и механизмы развития: материалы международной научно-практической конференции, г. Вологда, 24 апреля 2019 г. – Вологда: ООО «Маркер», 2019. – С. 82-84.

23. Сомов, В.А. Бомбежки г. Горького и массовое сознание в годы Великой Отечественной войны / В.А. Сомов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарный науки. История. – 2007. – № 1. – С. 33-39.

24. Титов, В.Ю. Делегитимный облик советской власти в общественных настроениях в годы Великой Отечественной войны в тылу / В.Ю. Титов // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2011. – № 8 (55). – С. 308-313.

25. Ушакова, Е.И. Социальная повседневность колхозного крестьянства Саратовской области в годы Великой Отечественной войны / Е.И. Ушакова // Аграрная наука в XXI веке: проблемы и перспективы: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции; под ред. Е.Б. Дудниковой. – Саратов, ФГБОУ ВО Саратовский ГАУ, ООО «Цесаин», 2017. – С. 287-296.

26. Финогенов, Н.Н. О развитии рака в связи с проявлением тканевой реакции в организме: дис. … д-ра мед. наук / Н.Н. Финогенов; Императорская Военно-медицинская академия. – СПб.: Типография И.В. Леонтьева, 1909. – 120 с.

27. Фоминых, С.Ф. Повседневность ученых г. Томска в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. / С.Ф. Фоминых, А.О. Степнов // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 412. – С. 132-142.

Ковтун Михаил Александрович
студен 3 курса института истории и культуры
ЕГУ им. И.А. Бунина
Россия, г. Елец
Email: kovtyn2018mix@gmail.com

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ВОЙНЫ В АФГАНИСТАНЕ (1979-1989 ГГ.) НА ЭКОНОМИКУ СССР

Аннотация: *В статье рассматривается влияние войны в Афганистане 1979-1989 гг. на экономику Советского Союза, а также ее возможная причастность к развалу СССР. На основе статистических данных, архивных документов и ряда других источников, анализируется становление и развитие торгово-экономических отношений СССР и Афганистана, а также непосредственное воздействие войны на экономическую составляющую Советского государства.*

Ключевые слова: *СССР, Афганистан, НДРА, война, торгово-экономические отношения, экономика СССР, распад СССР, ОКСВ.*

ON THE IMPACT OF THE WAR IN AFGHANISTAN (1979-1989) ON THE ECONOMY OF THE USSR

Abstract: *The article examines the impact of the war in Afghanistan in 1979 - 1989 on the economy of the Soviet Union, as well as its involvement in the collapse of the USSR. On the basis of statistical data, archival documents and a number of other sources, the formation and development of trade and economic relations between the USSR and Afghanistan, as well as the direct impact on the economic component of the Soviet state, are analyzed.*

Keywords: *USSR, Afghanistan, DRA, war, trade and economic relations, economy of the USSR, collapse of the USSR, OKSVA.*

26 декабря 1991 г. с политической карты мира исчезло государство под названием СССР. В перечне причин, повлекших за собой развал страны, довольно часто фигурирует война в Афганистане. Якобы затраты на ведение войны и оказание экономической помощи афганскому государству были на столько огромными, что это привело к разорению экономики СССР. Эта версия довольно сильно закрепилась в общественном сознании. Казалось, все логично, войны всегда являлись дорогим «удовольствием», тем более столь длительные. Но все ли так просто и однозначно?

В отечественной историографии не так много фундаментальных трудов, посвящённых советско-афганским отношениям конца XX века. Проблема заключается в том, что работы основываются на мемуарах и комментариях участников тех событий, а документальная база уходит на второй план [11]. Это

обуславливается тем, что многие документы до сих пор находятся под грифом «секретно».

В основном отечественные исследователи делают упор на общую историю, внешнюю и внутреннюю политику Афганистана [1; 8; 9].

Говоря о влиянии ведения войны в Афганистане на советскую экономику, стоит упомянуть об экономических связях и финансовых вложениях СССР до ввода ОКСВ, чтобы составить полную картину советско-афганских экономических отношений.

Еще до образования Советского государства предпринимаются попытки установления взаимовыгодных торговых отношений с Афганистаном. 28 февраля 1921 г. между двумя государствами, в ходе длительных, переговоров был заключён договор, состоящий из 12 статей, 2 из которых имели важное экономическое значение. Так 6 статья предполагала свободный, беспошлинный транзит товаров по всей территории России, закупленных Афганистаном, как в самой России, так и за ее пределами. А статья 10 прямо говорила о том, что для развития и укрепления дружественных отношений Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика соглашается оказать Афганистану материальную и финансовую поддержку [6, с. 522]. Согласно этому договору, РСФСР обязывалась предоставить Афганской стороне следующее: 1 млн. рублей, 12 аэропланов, радиостанцию, оборудование телеграфной линии Кушкат – Герат – Кандагар – Кабул в течение 3-х лет, зенитные орудия, специалистов и материалы для возведения завода в Кабуле по производству бездымного пороха, необходимых военных инженеров и специалистов, поставка 10 тыс. винтовок для Афганистана и 15 тыс. для пограничных племен, в случае уступки Бахрой разрушенной железной дороги Керки – Термз осуществить ее ремонт [5].

Стоит отметить, что количество поставляемого вооружения выходило за рамки договора. Поставки вооружения периодически осуществлялись вплоть до 1929 г. В ходе гражданской войны эмир Аманулла сложил свои полномочия, власть в Афганистане захватили повстанцы во главе с Бачаи Сакао, который проводил антисоветскую политику [17, с. 36]. Соответственно, наблюдался перерыв в советско-афганских дипломатических отношения, в том числе и экономического характера.

Настоящий расцвет экономических отношений между СССР и Афганистаном произошел в период с 1955-1978 гг. Поводом этому послужило отстранение от должности главы государства Шах Махмуда. Пост занял М. Дауд, который объявил курс так называемой «направляемой экономики». За основу нового экономического плана развития страны был взят опыт Советского государства. Но для осуществления намеченных целей была необходима поддержка сторонних государств. Выбор пал на СССР [7, с. 306]. В декабре 1955 г. Н.С. Хрущев посетил Кабул, а в 1956 г. между двумя государствами был подписан договор о военном сотрудничестве.

В период с 1955-1978 гг. при поддержке советского государства на территории Афганистана было построено 73 объекта и 63 были в стадии постройки. Около 3/5 от общего количества всей экономической продукции было выпуще-

но на предприятиях, построенных с помощью СССР. Также на ГЭС и ТЭС, возведенных при содействии советских инженеров, вырабатывалось 60% произведенной в стране электроэнергии. Порядка 70% (1500 км) дорог с твёрдым покрытием были проложены специалистами из СССР и молодежью Трудовой Армии. Новые афганские рабочие кадры получали образование в советских университетах, где находилось 22% от всех афганских студентов, обучающихся за границей. Непосредственно в учебных заведениях Афганистана студентов обучали советские преподаватели [16, с. 224].

Торговля являлась одним из ключевых моментов советско-афганских отношениях. На основе статистических данных, приведённых в таблице, можно проследить интенсивность развития торгового оборота между СССР и Афганистаном. Так, в период с 1970 по 1980 гг., наблюдался динамический рост показателя объема внешней торговли.

Таблица 1. Объем внешней торговли СССР и Афганистана с 1970 по 1980 гг.

Год	1955	1960	1965	1970	1975	1980
Оборот (млн. руб.)	98.1	44,0	64,6	66,9	132,2	504.7
Экспорт (млн. руб.)	54,4	28,8	46,4	36,0	67,9	247,7
Импорт (млн. руб.)	43,7	15,2	18,2	30,9	64,3	257,0

После апрельской революции 1978 г. Демократическая Республика Афганистана придерживалась «независимой и миролюбивой внешней политики». Но отношения с северным соседом, в лице СССР, были всегда приоритетными, а после образования ДРА эти отношения стали подкрепляться идеологической основой и выходили на новый уровень. В течение трех месяцев после революционных событий в Афганистане, новое правительство заключило с Советским Союзом около 30 соглашений, направленных на расширение экономического и технического сотрудничества на сумму 104 млн. долларов. (62,4 млн. руб.). В июле 1978 г. подписан договор об увеличении военной помощи на общую сумму 250 млн. долларов. (150 млн. руб.) [9, с. 409]. 5 декабря 1978 г. в Москве между представителями двух государств подписан документ под названием «Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве» сроком на 20 лет. Спустя три месяца (1 марта 1979 г.) во время визита заместителя представителя Совета Министров СССР И.В. Архипова в Кабул было подписано «Соглашение об экономическом и техническом содружестве между ДРА и СССР». Согласно этому документу, в период с 1979 – 1984 гг. Советский Союз обязывался посодействовать в постройке горно-обогатительного комбината, возведению нефтеперерабатывающего комбината производственной мощностью 500 тыс. тонн/год, реконструкции Кабульского аэропорта и возведении 6 новых местного значения [2, с. 248].

К концу правления Х. Амина, проводимая им политика порождала негодование среди населения. Это было вызвано неудавшейся аграрной реформой, ухудшением экономического положения, упадком армии. Все эти процессы

способствовали формированию антиправительственных группировок. Об этом свидетельствует мартовский мятеж 1979 г. в Герате. К протестующим начали примыкать военные (ярким примером является 17 пехотная дивизия). Тенденция подобных восстаний только возрастала. Это не могло не беспокоить первых лиц Афганистана. 20 марта 1979 г. Н. Тараки посетил Москву, где обратился за военной помощью в виде ввода советских войск на территорию ДРА. ЦК КПСС, тщательно обдумав насущную проблему, принял решение отклонить эту просьбу, посчитав, что данное решение только усугубит положение для двух государств. Но бросать в беде дружественный Афганистан советское руководство не могло. 24 мая 1979 г. в качестве компромисса было принято решение на оказание значительной военной помощи. Советская сторона обязывалась в период с 1979 по 1981 гг. поставить безвозмездную помощь в виде: денежных средств в размере 53 млн. рублей, орудий и минометов 140 тыс. единиц, 48 тыс. стрелкового вооружения, 1 тыс. гранатометов, оборудование и медикаменты на сумму 50 тыс. В течение двух недель поставка 1500 автомобилей. 1 марта Афганистану был предоставлен кредит в размере 200 млн. рублей на экономическое развитие [2, с. 250].

В этот период между двумя афганскими лидерами в лице Нур Мохаммада Тараки и Хафизуллы Амина резко обостряются отношения, что в результате приводит к убийству Н.М Тараки, а также усугублению положения внутри Афганистана и провалу политики Амина. Ряд объективных причин вынудило СССР принять решении о военном вмешательстве на территорию Афганистана. 25 декабря 1979 г. советские войска начинают пересекать государственную границу по направлению к НДРА. Первым «словом» в Афганской войне является операция под кодовым названием «Шторм 333». 27 декабря советский спецназ произвел штурм дворца Тадж-Бек (дворец Амина) с последующей ликвидацией Х. Амина. Советское руководство считало, что политика, проводимая Хафизуллой Амином, настроена против собственного народа, о чем говорят проводимые массовые репрессии, приобщение к правящему аппарату родственных лиц. Также среди членов ЦК КПСС, на основании выше указанных причин, была актуальна версия налаживания Х. Амином отношений с Америкой и вступление в контакт с правомосульманскими силами [10, с. 59-63]. Стоит отметить, что убийство Н. Тараки задело лично Л.И. Брежнева, который считал его своим другом. Новым главой государства становится Б. Крамаль [13, с. 66].

Ознакомившись с экономическими взаимоотношениями между СССР и Афганистаном с 1921 по 1978 гг., можно перейти к основной теме исследования о влиянии ведения войны на территории Афганистана (1979-1989 гг.). С момента ввода советских войск наблюдается интенсивный рост финансовых и материальных затрат со стороны СССР. Теперь помимо оказания экономической помощи и оснащения правительственной армии Народно-демократической республики Афганистан, нужно было выделять финансы на снабжение собственной армии. Возведение объектов военной инфраструктуры (жилые модули для солдат, дороги, медпункты, и т.д.). Афганистан стал получать выгодные креди-

ты под 2-3% сроком на 12-15 лет. К 1988 г. заложенность по кредитам, с учетом процентов, составляла свыше 2,1 млрд. рублей [2, с. 254].

Первые годы войны для ограниченного контингента советских войск выдались крайне тяжелыми. Генерал В. Варенников, исполнявший обязанности начальника оперативной группы управления Министерства обороны СССР в Афганистане с 1984 г., отмечал, что с 1980-1985 г. наблюдался наибольший показатель потерь советских войск 8954 человека. Причиной этому послужило отсутствие должного опыта ведения боевых действий в горной местности при тяжелых климатических условиях, небоеспособность правительственной армии, распространение инфекционных заболеваний, сама специфика ведение войны (отсутствие четкого представление о противнике и их партизанский характер военных действий) и т.д. [3, с. 50].

В 1985 г. на тайной встрече в Москве М.С. Горбачева с Б. Крамалем глава ЦК КПССС заявил: «К лету 1986 г. должны сами научиться защищать свою революцию». СССР стал задумываться о дипломатическом решении афганской проблемы. Конечно, на словах все выглядело просто, но осуществить полный вывод войск удалось лишь 1989 г. Несмотря на это, афганский вопрос начал склоняться к его разрешению в 1987 г. на заседании Центрального Комитета коммунистической партии и Совета Министров, СССР приняло постановлении об оказании афганскому государству безвозмездную помощь на сумму 950 млн. рублей [2, с. 256]. А в сентябре 1988 г. между Советским Союзом и Афганистаном была пописана «Долгосрочная программа об экономическом, техническом и торговом сотрудничестве» в период до 2000 г. и «Соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве» на общую сумму 300 млн. рублей [12, с. 33].

Примечательно, что вывод ОКСВ не поставил точку в торгово-экономических отношениях между двумя государствами. Уход советских войск резко обострил обстановку в НДРА, что вынудило СССР оказать помощь в виде поставки вооружения на сумму 2.6 млрд. рублей, а в 1990 г. 1,4 млрд. рублей. 7 марта 1990 г. ЦК КПСС приняло решение о поставке спецсредства Афганистану на сумму 2,15 млрд. рублей [2, с. 257].

Сказать о том, сколько финансовых затрат понесло Советское государство сложно. В.М. Топорков указывает цифру в 50 млрд. долларов (30 млрд. рублей) [15, с. 13]. Сумма на первый взгляд колоссальная, и многие считают, что именно эти расходы уничтожили экономику СССР. Прежде чем говорить о подомного рода влияниях, стоит изучить экономическую картину Советского Союза. Исходя из приведенных данных, мы видим, что затраты на войну в Афганистане теряются на фоне годового бюджета СССР (для наглядности, все затраты на войну от годового бюджета 1980 г. составляли примерно 9,9%) не говоря уже о 10 подобных бюджетах. Также стоить отметить, что некоторая часть затраченных средств была компенсирована торговым оборотом, о котором говорилось выше [7, с. 311].

Необходимо упомянуть и проанализировать ситуацию, связанную с реакцией мировой общественности на действия Советского Союза по вводу ОКСВ в

НДРА. США развернуло активную антисоветскую дипломатическую войну. С 1980 г. Америка вводит экономические санкции по отношению к СССР. Они представляли собой в основном запрет на экспорт зерна так называемое «зерновое эмбарго». По мимо собственных ограничений, Соединенные Штаты призывали крупных экспортеров зерна в лице: Канады, Аргентины и Австралии поддержать их инициативу. 10 января 1980 г. американские союзники высказались в поддержку экономических ограничений. Но как показала практика, мировые экспортеры зерна не то, что сократили, а наоборот увеличили торговый оборот. Так, уже в 26 июля 1980 Канада отменила зерновое эмбарго и увеличила поставки зерна на 50%. Аргентина последовала тому же принципу. Как выяснилось, вскоре в ноябре 1980 г. Сенат принял решение об отмене зерновых санкций в связи с тем, что это несло значительные убытки экономики США и ее фермерам. Кроме экономического воздействия на Советский Союз со стороны Америки был введен запрет на передачу лицензии высоких технологий и отмена предыдущих. Президент Соединённых Штатов 6 декабря 1980 г. объявил о свертывании научного сотрудничества [14, с. 46-49].

Также, если проанализировать статистические данные по объемам внешней торговли, СССР в период с 1979 по 1989 гг. мы можем сделать вывод о том, что западные экономические санкции не нанесли значительного урона. При этом показатели растут, но заметны и снижения.

Таблица 1. Объем внешней торговли СССР с 1979 по 1989 гг.

Объем внешней торговли (млрд. рублей)					
Год	1979	1981	1984	1987	1989
Оборот	80,3	109,7	139,7	128,9	140,9
Экспорт	42,4	57,1	74,4	68,2	68,2
Импорт	37,9	52,6	65,3	60,7	60,7

Правительство США активно выступало с инициативой о бойкотировании летней олимпиады 1980 в Москве. Америка призывала другие страны присоединиться к ее инициативе, тем самым дискредитировать СССР на международной арене. Но нечего не вышло, даже открытое предложение МОК перенести олимпиаду не увенчалось успехами: комитет ответил отказом [14, с. 48].

Подобные действия западных «партнеров» вполне понятны. Разгар Холодной войны, борьба за каждого потенциального союзника, господство на среднем востоке и дискредитация своего главного противника в глазах международной общественности. Но данная политика не принесла ожидаемых результатов и практически никак не отразилась на СССР, как в экономическом плане, так и политическом плане.

В заключение можно сделать следующий вывод. Советско-афганские экономические отношения за столь длительное время развития стали неотъемлемой частью экономики двух государств. Обе стороны преследовали свои взаимовыгодные интересы. Собственно, эти процессы стали одной из причин

ввода ОКСВ на территорию НДРА. Конечно, Советский Союз вкладывал большие средства в Афганистан. Но сказать, что эти вложения стали фатальными для экономики СССР, которые впоследствии привили к исчезновению огромного государства, нельзя. Скорее, этот вопрос нужно рассматривать не с точки зрения Афганского конфликта, а через призму проводимой политики того или иного руководителя страны. ЦК КПСС во главе с Л.И. Брежневым принял столь серьезное решение о вводе 40-ой Армии и полностью держал под контролем экономику страны, что можно легко проследить по статистическим данным. После смерти Л.И. Брежнева наблюдается медленный спад экономических показателей. Дальнейшие действия М.С. Горбачева приводят страну к глубокому кризису. Эта тема для отдельного исследования и стоит понимать, что идейно-политический строй в стране не изменялся, но каждый правитель проводил свою политику, реализовывал намеченные цели, тем самым возлагая на себя полную ответственность.

Список источников и литературы

1. Арунова, М.Р. Афганская политика США в 1945-1999 гг. / М.Р. Арунова. – Москва, ИИИиБВ., 2000. – 128 с.
2. Брачев, В.С. Политика СССР в отношении Афганистана в 1978-1991 годах / В.С. Брачев, М.Ф. Полынов // Научный диалог. – 2019. – № 9. – С. 246-261.
3. Вареников, В.И. Неповторимое. Т. 5 / В.И. Вареников. – Москва: Советский писатель, 2001. – 448 с.
4. Внешняя торговля СССР (1955-1989 год.) (Статистический обзор).
5. Документ № 2: Справка заведующего Восточным отделом НКИД А.Н. Вознесенского [4] 20.05.1920 г.
6. Документы внешней политики СССР Том VII. 1924 г. – Москва: Госполитиздат, 1963. – С. 522.
7. Ибрахими, М.И. Эволюция программы советской социально-экономической помощи Афганистану в середине 1950-х – конце 1980-х годов / М.И. Ибрахими // Преподаватель XXI век. – 2020. – № 2. – С. 304-312.
8. Искандаров, К. Политические партии и движения Афганистана во второй половине XX века / К. Искандаров. – Душанбе, 2004. – 499 с.
9. Коргун, В.Г. История Афганистана XX век / В.Г. Коргун. – Москва: ИВ РАН, 2004. – 525 с.
10. Мелкумян, Е. Ввод советских войск в Афганистан: причины и последствия / Е. Мелкумян // Вестник РУДН. – 2008. – № 1. – С. 55-67.
11. Пластун, В.Н. Изнанка Афганской войны 1979-1989 гг. Дневниковые записи и комментарии участника / В.Н. Пластун. – Москва: ИВ РАН, 2016. – 756 с.
12. Полынов, М.Ф. Афганистан во внешней политике СССР. 1978-1991 гг. / М.Ф. Полынов, И. А. Рудь // Общество. Среда. Развитие. – 2019. – № 3. – С. 26-36.

13. Полынов, М.Ф. Все было не так просто. Причины и мотивы ввода советских войск в Афганистан в 1979 году / М.Ф. Полынов // Общество. Среда. Развитие. –2010. – № 4. – С. 65-69.

14. Рабуш, Т.В. Санкции США против СССР, их итоги и последствия (на примере антисоветских санкций 1980 года) / Т.В. Рабуш // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. – 2016. – № 6. – С. 45-52.

15. Топорков, В.М. «Нет никаких шансов, что гонка вооружений может истощить советские материальные и интеллектуальные резервы...». Влияние афганского фактора на экономические процессы в СССР в 1980-1992 гг. / В.М. Топорков // Военно-исторический журнал. – 2014. – № 7. – С. 10-14.

16. Топорков, В.М. Советско-афганские отношения в системе международных связей СССР до апрельской (1978 г.) революции в Афганистане / В.М. Топорков // Вестник приморского университета. – 2012. – № 1(18) – С. 221-227.

17. Шаяхметов, Ф.Ф. Военно-техническое сотрудничество советской России / советского Союза и Афганистана (1919-1929 гг.) / Ф.Ф. Шаяхметов, К.Н. Кудашев // Проблемы востоковедения. – 2017. – № 4. – С. 32-37.

Котлярова Ольга Александровна
кандидат исторических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет
имени И.А. Бунина»
Россия, г. Елец
E-mail: okotlyarova_78@mail.ru

КОНЦЕПЦИЯ УЧИТЕЛЬСТВА В СОВЕТСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация: *в статье рассматривается опыт и достижения советской педагогики в контексте системно-исторического подхода, была предпринята попытка комплексного осмысления роли советского учительства в процессе формирования личности советского школьника; проведен сравнительный анализ советской и современной концепции образования, обозначены перспективы развития данной научной проблематики и внедрения результатов исследования в современную образовательную практику.*

Ключевые слова: *советское государство, образовательная система, концепция, учительство, педагогическое мастерство, формирование личности.*

THE CONCEPT OF TEACHING IN THE SOVIET AND MODERN EDUCATION SYSTEM

Abstract: *the article examines the experience and achievements of Soviet pedagogy in the context of a system-historical approach, an attempt was made to com-*

prehensively comprehend the role of Soviet teaching in the process of forming the personality of a Soviet schoolboy; a comparative analysis of the Soviet and modern concepts of education was carried out, prospects for the development of this scientific problem and the introduction of research results into modern educational practice were outlined.

Keywords: *Soviet state, educational system, concept, teaching, pedagogical skills, personality formation.*

В современном научно-историческом и психолого-педагогическом дискурсе ведется активный поиск эффективной воспитательной модели, которую предстоит органично встроить в образовательную деятельность образовательных учреждений разного уровня. В связи с этим возникает необходимость переосмысления теоретико-методологических принципов, положенных в основу советской системы образования, которая по признанию ведущих мировых исследователей и по сей день считается одной из показательных и фундаментальных моделей, реализуемой советским государством.

Становление советской системы образования проходило в сложнейший период. А.А. Кальсина в своих работах отмечает, что первоначально концепция реформирования системы образования имела весьма размытые формы, но в то же время осознавалась необходимость единства образовательной и политической системы, что определяло приоритет государства в организации народного образования [8, с. 275]. С одной стороны, раскол общества в период гражданской войны, «военный коммунизм», голод и разруха, обнищание народного хозяйства, - все это не могло способствовать выработке единой концепции образования и консолидации методологических принципов. Это привело к созданию двух групп реформаторов – петроградской и московской. Первая группа предлагала взять за основу либеральные технологии, вторая – коренным образом изменить представление о школе как о социальном институте, которая была бы способна изменить само сознание человека. С другой стороны, трансформация российской государственности привела к созданию новых механизмов управления, политической диктатуре, идеологизации всего научно-культурного и образовательного пространства, в котором важной задачей воспитания являлась подготовка «всесторонне развитых членов коммунистического общества, вооружение молодежи подлинного научными знаниями о природе и обществе, выработка у нее материалистического мировоззрения, воспитание ее в духе коммунистической нравственности» [1, с. 31]. По мнению исследователей, это по своей сути была культурная революция, действенными «средствами которой были ликвидация неграмотности, организация всеобщего обучения, а главное – воспитание беспрецедентно нового человека и гражданина, обладающего глубокой идейной коммунистической убежденностью и, к тому же, этической и эстетической культурой» [7, с. 109]. Достижение таких глобальных целей было невозможно без осмысления критерий личности учителя в учебно-воспитательном процессе. Среди необходимых профессиональных качеств обновленная концепция учительства стоит подчеркнуть богатый духовный мир,

образованность, применение своих знаний и способностей в интересах общественного прогресса, для блага народа, в целях построение социалистического общества. 1920-е годы стали временем активного поиска теоретических и методологических разработок с целью выработки единых педагогических принципов. Так, в октябре 1918 года была опубликована «Декларация о единой трудовой школе», которая разрушила традиционные представление об организации учебного процесса, отказалась от классно-урочной системы и коренным образом изменила положение учителя [9, с. 135]. Ключевым принципом новой концепции стало трудовое обучение, именно оно выступало единственным педагогическим средством в «школьной коммуне», и нужно понимать, что она строилась практически «с нуля», но в этом процессе участвовали талантливые педагоги и организаторы [9, с. 136]. Вместе с этим организация единой трудовой школы со всей остротой поставила вопрос о подготовке нового учителя, который мог бы решать поставленные перед новой системой образования задачи. Массовое распространение в РСФСР школ нового типа потребовало обеспечения их необходимым количеством учительских кадров, а эту задачу могла выполнить только специальная система высшего педагогического образования. Одной из главных функций учителя в новой школе считалось воспитание человека социалистического типа. Поэтому, совершенно закономерно, что подготовка учителей к выполнению этой функций в школе рассматривалась советской властью в качестве первоочередной в общей системе подготовки учителя школы.

В 1923-1925 годах Государственный ученый совет выпускает комплексные программы, в которых отсутствует системное обучение определенному предмету, а главным принципом организации такого обучения является многопрофильность с учетом потребностей народного хозяйства. Радикально настроенные школьные реформаторы, сторонники так называемой теории «отмирания школы» полагали, что педагогическая подготовка учителя должна осуществляться, главным образом, в процессе практической работы в школе. Подчинение теоретической подготовки практической работе в школе, в ходе которой самостоятельно приобретаются знания по общепедагогическим дисциплинам, толкало на путь подготовки учителя-ремесленника. Поэтому такой подход в практике подготовки будущих учителей в советской России не получил единогласного одобрения. Наиболее здравомыслящие деятели народного образования и педагогической науки, выступая против ремесленнической подготовки к будущей профессиональной деятельности учителя, требовали для него глубокого и серьезного теоретического образования. В общем, вместе с постепенным признанием ведущей роли учителя в учебно-воспитательном процессе школы в педагогических институтах все более и более усиливалось внимание к его психолого-педагогической подготовке и стало признаваться, что профессионально-педагогическая подготовка должна стать фундаментом подготовки учителя в целом.

К началу 1930-х годов экспериментальная педагогика была вытеснена унификацией всех учебных программ, и началось становление государственной

политики в области образования, вводилась классно-урочное преподавание, основанное на систематизации знаний и предметном обучении. Результатом совместных усилий государства, партии и академического сообщества стало создание единой системы образования – эффективной и устойчивой, с высоким уровнем подготовки, доступностью и фундаментальностью [5, с. 30]. Именно достижения довоенной системы образования стали залогом будущей Победы в Великой Отечественной войне и последующим научно-техническим прорывом 1950 – 1960-х годов. В этот период была окончательно сформирована концепция советского учительства, основанная на понятии «педагогическое мастерство». Это понятие является ключевым предметом научно-педагогического поиска, начиная с 1990-х годов, когда были заложены основы для переосмысления наследия советской педагогики. По мнению исследователей, анализирующих феномен образа советского учительства, под педагогическим мастерством понимается морально-политический облик, культура поведения, личные педагогические и психологические черты [11, с. 103]. Важными характеристиками личности преподавателя является любовь к детям и профессии, оптимизм, знание возрастных и индивидуальных особенностей развития ребенка. Идейный и облик и политическая направленность также являлись неотъемлемой частью образа учителя. Терпения, упорство, настойчивость, последовательность действий составляли целостную систему качеств личности педагога. По мнению исследователей данного периода, профессиональная деятельность была сведена к волевой сфере как детерминанте воздействия на ученика, как объекта обучения и воспитания [3, с. 105]. Таким образом, влияние и воздействие являлись главными принципами советской модели обучения, а главное, воспитания школьников. Личность ребенка рассматривалась как цель воспитательного процесса, в связи с чем дидактический аспект был направлен на ее разностороннее формирование: овладение общественной культурой, знаниями, умениями, навыками. Так в 1970-х годах в научно-педагогической поиске стало уделяться огромное внимание проблеме формирования личности в условиях обучения и воспитания. В работах Н. К. Жерносекова рассматривается «целостный процесс формирования человека», который требует разработки «диалектической концепции становления личности как субъекта деятельности», осуществления личностного подхода к решению проблемы коммунистического воспитания [6, с. 253].

Таким образом, советская психолого-педагогическая наука развивалась в сторону развития ребенка в деятельности, направленной на формирование личности, становление, взросление и развитие которой протекает в социалистическом обществе. Так советская школа укреплялась в социалистической направленности, а интегральная характеристика развитой личности базировалась на признании ею принципов коммунистической идеологии, осознании труда на благо общества как высшего смысла жизни. В начале 1980-х годов в педагогическом сообществе появляется все больше идей, связанных с необходимостью обновления классических методов обучения, в это время появляются авторские методики изучения отдельных дисциплин. Все это соответствовало духу времени, и в конечном итоге привело к мощному социальному сдвигу в направлении

демократизации общества. По мнению В.В. Давыдова именно учителя-новаторы стали «архитекторами перестройки» [10, с. 3] . Последствия данного процесса окажутся необратимыми и приведут советскую педагогику к системному и идеологическому кризису.

Подводя итоги нашему анализу, стоит отметить, что образование в советском государстве было направлено не только на получение качественных результатов обучения, но и на формирование личности ребенка, его дальнейшее становление как гражданина социалистического государства, которое движется только вперед к передовому и справедливому обществу, и учителю в этом движении отводилась важнейшая роль. Учебно-воспитательный процесс имел четкую регламентацию и представлял собой выверенную и апробированную дидактическую модель, направленную на развитие всесторонне развитой личности. Поэтому школа создавала все условия, как для урочной, так и для внеурочной деятельности и выполняла колоссальную социализирующую функцию. Не только знания, но и духовно-нравственное и идейное становление являлись необходимыми результатами обучения и воспитания, прежде всего, личности-творца, личности-созидателя, личности-строителя, которая четко осознает цели и ценности социалистического общества и идентифицирует себя с ним. Именно учителю отводилась в этом процессе ключевая роль, и сущность советской концепции учительства состояла в служении своему делу с опорой на идейно-политические и духовно-нравственные основы социалистического общества. Это принципиальное отличие советской парадигмы образования, на наш взгляд, должно стать объектом серьезного научного переосмысления и внедрения в современную образовательную практику. Стоит отметить, что на сегодняшний день в обществе, главным атрибутом которого является идея потребления, где функции учителя сводятся к предоставлению лишь качественной услуги, а личностные результаты обучения содержат требования к характеристике лишь отдельных сторон выпускника, трудно говорить о формировании личности-созидателя. В современной образовательной парадигме доминирует компонент «знание», единая государственная система оценивания результатов обучения не содержит индикаторов, которые были бы направлены на установление степени развития выпускника, как личности, ее готовности к постановке жизненных целей, осознания ценностей человека в широком смысле этого слова. Эта колоссальная проблема, которая стоит сегодня перед современной педагогикой, и решена она может быть только при условии учета достижений советской школы, историко-культурных и духовно-нравственных ценностей советского народа.

Список источников и литературы

1. Ашенова, Т.М. Доктрина советского образования и современная реформа образования [Электронный ресурс] / Т.М. Ашенова // Национальные приоритеты России. – 2012. – № 1 (6). – С. 30-34. – Режим доступа: URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/doktrina-sovetskogo-obrazovaniya-i-sovremennaya-reforma-obrazovaniya (дата обращения: 04.11.2021).

2. Белова, Н.А. Повседневная жизнь учителей / Н.А. Белова. – М., 2015. – 228 с.

3. Гоноболин, Ф.Н. О некоторых психических качествах личности учителя / Ф.Н. Гоноболин // Вопросы психологии. – 1975. – № 1. – С. 100-112.

4. Дворниченко, Н.Ю. Разработка проблемы становления социальной активности личности будущего учителя в советской педагогике 60 – 80-е гг. XX в. [Электронный ресурс] / Н.Ю. Дворниченко // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Сер. Педагогические науки. – 2011. – № 5. – С. 40-44. – Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-problemy-stanovleniya-sotsialnoy-aktivnosti-l (дата обращения: 12.11.2021).

5. Елеференко, И.О. Теоретико-методологическое осмысление образа учителя в научно-педагогических трудах послевоенного периода / И.О. Елеференко // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2010. – Вып. № 6(85). – С. 27-36.

6. Жерносеков, Н.К. Процесс формирования личности в условиях обучения и воспитания / Н.К. Жерносеков. – Воронеж, 1973. – 309 с.

7. Ивашевский, С.Л. Диалектика идеалов и правовых норм в системе советского образования / С.Л. Ивашевский // Право и образование. – 2010. – № 3. – С. 108-124.

8. Кальсина, А.А. Позиция Наркомата РСФСР и Министерства народного просвещения А.В. Колчака в области школьной политики в период гражданской войны / А.А. Кальсина // Вестник образования. – 2009. – № 2. – С. 273-278.

9. Котельников, А.В. На тернистых путях к новой школе: к вопросу об организации единой трудовой школы [Электронный ресурс] / А.В. Котельников, Н.П. Сенченков // Человек и образование. – 2019. – № 3 (60). – С. 133-137. – Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/na-ternistyh-putyah-k-novoy-shkole-k-voprosu-ob-organizatsii-edinoy-trudovoy-shkoly (дата обращения: 15.11.2021).

10. Помелов, В.Б. Движение педагогов-новаторов 1980-х годов: к 30-летию педагогики сотрудничества [Электронный ресурс] / В.Б. Помелов // Вестник Самарского государственного университета. Сер. Психолого-педагогические науки. – 2016. – № 4 (32). – С. 1-11. – Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dvizhenie-pedagogov-novatorov-1980-h-godov-k-30-letiyu-pedagogiki-sotrudnichestva (дата обращения 18.11.2021)

11. Самуйленков, Д.Ф. Мастерство, педагогический такт и авторитет учителя / Д.Ф. Самуйленков. – Смоленск, 1961. – 214 с.

12. Ткаченко, Е.В. Теоретико-методологические подходы к анализу личности учителя: история и современность [Электронный ресурс] / Е.В. Ткаченко, Н.А. Коноплева // Вестник Байкальского государственного университета. – 2012. – № 1-1. – Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-podhody-k-analizu-lichnosti-uchitelya-istoriya-i-sovremennost (дата обращения: 04.11.2021).

Кравчевский Илья Викторович
студент гр. ИО-51
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет
имени И.А. Бунина»
Россия, г. Елец
E-mail: i.kravchevsky@yandex.ru

БЕЛАЯ ЭМИГРАЦИЯ В МАНЬЧЖУРИИ: ЕЕ ВЗГЛЯДЫ И ОТНОШЕНИЕ К СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ДОВОЕННЫЙ И ВОЕННЫЙ ПЕРИОДЫ

Аннотация: *Статья содержит материал о деятельности эмигрантов Белого движения на территории Маньчжурии накануне и во время Второй мировой войны. Рассматриваются их основные действия и планы для реализации реванша после итогов Гражданской войны в России. Особо подчеркивается различное отношение белых к Советскому Союзу и к странам «оси» в предвоенные и военные годы.*

Ключевые слова: *Маньчжурия, Вторая мировая война, белая эмиграция, русский фашизм.*

WHITE EMIGRATION IN MANCHURIA: ITS VIEWS AND ATTITUDE TO SOVIET RUSSIA IN THE PRE-WAR AND WAR PERIODS

Abstract: *The article contains material about the activities of emigrants of the White Movement in the territory of Manchuria on the eve and during the Second World War. Their main actions and plans for the implementation of revenge after the results of the Civil War in Russia are considered. The different attitude of whites towards the Soviet Union and the Axis countries in the pre-war and war years is particularly emphasized.*

Keywords: *Manchuria, World War II, white emigration, Russian fascism.*

По итогам Гражданской войны в России огромный поток белых эмигрантов оказался в каждом уголке земного шара. Одним из самых густонаселенных мест, наполненных русскими беженцами, оказалась Маньчжурия, ныне также известная как китайская провинция Хэйлунцзян.

Данная территория, хотя и принадлежит в наши дни КНР, до сих пор имеет среди своих достопримечательностей черты русской культуры. В административном центре Маньчжурии Харбине располагается немалое количество православных храмов, некогда здесь находились и русские школы, университеты, больницы, рестораны и другие виды строений, которые напоминали дореволюционную Россию.

Появление на этих землях русскоязычного населения имеет довольно глубокие корни, идущие еще от покорения Сибири казачьими отрядами. Однако наиболее масштабное заселение Маньчжурии выходцами из России началось

только в конце XIX века, при строительстве Китайско-Восточной железной дороги. С этого времени Харбин стал понемногу напоминать типичный русский город. Именно поэтому после разгрома белой армии на Дальнем Востоке в 1919 г. эмигранты предпочли это место [8].

Еще одним преимуществом Маньчжурии было недалекое расположение от России, пограничной зоной здесь являлась река Амур, что придавало уже стратегическую важность. Белая армия рассчитывала вновь начать наступление, чтобы свергнуть большевистскую власть в стране. Тем не менее, такие грандиозные идеи ограничивались лишь не всегда удачными партизанскими вылазками на советскую территорию. В свою очередь, советские агенты также стремились всячески агитировать и поддерживать коммунистические идеи в этом регионе, что в итоге породило продолжавшуюся борьбу между двумя идеологическими блоками. В поддержке какой-либо из сторон не были заинтересованы ни западные антибольшевистские страны, ни сам Китай, к тому времени уже не представлявший собой единое государство.

Что касается Маньчжурии, то здесь власть находилась в руках бывшего разбойника-хунхуза Чжан Цзолиня, который, по сути, являлся суверенным правителем. Он запрещал открыто действовать белым против Советского Союза, не желая портить своих политических отношений с этим государством. Имели место быть и аресты белых партизан со стороны китайского правительства, которые рассматривались как преступники. Однако после неудачной военной кампании в битве за Пекин с чжилийским генералом У Пэйфу, Чжан Цзолинь стал брать в свою армию белых эмигрантов. Весной 1924 г. им было образовано воинское подразделение, состоящее из русских, командующим которого был назначен генерал-лейтенант К.В. Нечаев. Это было четырехтысячное войско, вскоре включившее в себя, кроме пехоты и кавалерии, военную авиацию, бронепоезда и технические подразделения. Сам состав этого войска представлял в основном молодых юношей, которые не успели принять участия в Гражданской войне, но желали проявить героизм в борьбе с коммунистами. Другую часть этой армии составляли люди, которых не толкали политические идеи, они лишь желали подработать на жизнь. Некоторые офицеры стремились впоследствии объединиться с европейскими белоэмигрантами и начать новую войну с большевиками, где данная армия должна была составлять основную часть. Большинство же эмигрантов, особенно в Европе, смотрело негативно на русскую армию на службе у китайца [6].

Военные действия русского отряда начались под командованием маньчжурского маршала Чжан Цзучана против гоминдановского генерала У Пэйфу. Русским удалось взять провинцию Шаньдун, и выдвинуться дальше вглубь Китая, наступая на Нанкин и Шанхай. Успех белых серьезно напугал советское правительство, которое всячески стремились поддержать гоминдановцев и китайских коммунистов. В 1925 г. советской властью был подкуплен Го Сунлин, поднявшие восстание в Маньчжурии, однако путем переброски белой армии на север, восстание было подавлено. В ходе героических боев другой части маленького отряда русским удалось дойти в 1926 г. до Пекина и, второй раз в ис-

тории XX века, взять город. В феврале 1927 г. им удалось разбить армию У Пэйфу, который перешел на сторону Чжан Цзолиня, обещая воевать против расположенных на юге войск Чан Кайши, так же поддерживаемых большевиками.

Боевые сражения велись с переменным успехом, летом 1927 г. белым войскам удалось взять города Линчен, Цинтао, Киансу и Сучжоу. Однако, серьезное ранение Нечаева и его отставка, произвела коренной перелом в пользу гоминдановцев. Среди русских выросло массовое дезертирство, а после того, как Чан Кайши подавил коммунистическое восстание в Кантоне, белые эмигранты сочли бессмысленным воевать против его армии. Многие из них отправились назад в Маньчжурию, где воевали с большевиками, другие же встали на сторону гоминдановских войск. После смерти Чжан Цзолиня конфронтация между его сыном и Чан Кайши, в конце концов, закончилась перемирием [4].

Несмотря на то, что влияние коммунистов в Китае было приостановлено на несколько лет, для русской армии эта война оказалась тяжелой, всего она потеряла почти половину своего состава. Планы по уничтожению большевистской власти в СССР были довольно пассивными. Довольно смутные надежды проявил советско-китайский конфликт в 1929 г. на севере Маньчжурии. Заручившись поддержкой западных стран, новый лидер Чан Кайши разорвал мирные отношения с советской власти. В этом конфликте принимало и небольшое количество белогвардейцев, создав Маньчжурский отдел Корпуса Императорской Армии и Флота, где лидером-императором должен был стать Великий князь Кирилл Владимирович. Этот план так же не увенчался успехом, китайские войска потерпели поражение, а белая армия была распущена, часть ее участников была арестована и изгнана из Маньчжурии. Отныне белые эмигранты перестали доверять китайцам как надежным союзникам, их место заняли японцы, вторгшиеся на северо-восток Китая.

Богатая природными ресурсами Маньчжурия имела для Японской империи и важное стратегическое значение. Ее активное влияние началось после победы в русско-японской войне, с приобретением КВЖД. В дальнейшие годы японцы не утратили здесь своего влияния, которое осуществлялось с помощью разведки, коммерческих фирм и небольшого количества культурных заведений. Однако усиленное влияние советских войск, мировой экономический кризис и ряд других причин заставили Страну Восходящего Солнца принять более радикальные меры. В 1931 г. Квантунская армия вступила на территорию Маньчжурии, полностью подчинив себе почти весь северо-восточный Китай. В 1932 г. регион превратился в марионеточное государство Маньчжоу-го, правителем которого был назначен последний император империи Цин Пу И. [6].

Белых эмигрантов, способных носить оружие, Япония активно принимала к себе, видя в них надежную опору в борьбе с коммунизмом. Японцы тщательно агитировали свою идеологию для привлечения русских эмигрантов на свою сторону. Было сформировано и специальное Бюро по делам русской эмиграции, с помощью которого японцы стремились проводить надзор за русским населением Маньчжурии. Русские стали признаваться полноправными гражданами

Маньчжоу-го (позже Маньчжоу-диго), наравне с японцами, маньчжурами, монголами и корейцами. Так же Япония стремилась сохранить оставшуюся самобытность дореволюционной русской культуры на территории своего марионеточного государства [7].

Одной из важнейших белоэмигрантских опор для японских милитаристов были русские фашистские партии. Русский фашизм здесь возник еще до образования Третьего Рейха и не был столь радикален, имея больше сходства с антикоммунистическими идеями Бенито Муссолини. Первая фашистская группировка возникла в 1925 г. известная как Российская фашистская организация, состоящая из Харбинских студентов. В 1931 г. от нее отделилась уже более радикальная Российская фашистская партия, ей был присущ антисемитизм и более глубоко был выражен антисоветский настрой, лидером этой партии был К.В. Родзаевский. Это была довольно многочисленная и сплоченная партия, однако не имела материальных средств и никакой поддержки со стороны местного правительства.

Ситуация изменилась лишь с вмешательством Японии, активно поддерживая антисоветскую идеологию. Возникло тиражирование русско-фашистских газет, таких, как «Нация» и «Наш путь». Участники РФП делились на три категории: кандидатов, действующих членов и членов актива. Партия стремилась включить в свое участие все слои русской эмиграции. Само нахождение в партии давало большой престиж, положение беспартийного эмигранта искусственно ухудшалось. Такой мотив, несомненно, повышал количественный состав фашистской партии, хотя некоторые ее участники не желали разделять партийные взгляды. Имело место быть и Российское женское фашистское движение, образованное в 1932 г, а в 1934 г. образовался ряд детских и подростковых фашистских организаций. В 1941 г. РФП была переименована в Российский фашистский союз, женская партия в Союз русских женщин.

В ходе советско-германского конфликта в составе РФС произошел раскол. Родзаевский видел в Гитлере сильную поддержку для борьбы с большевиками, однако его точку зрения не разделяли Н.Н. Петлин и Ф.С. Сиваченков, не желая союза с анти-славянской Германией. В женской партии так же произошли разногласия по поводу союза с немцами. Япония же, временно заключившая мир с СССР, не желала ухудшать свое положение, и в 1943 г. была проведена ликвидация всех русских фашистских партий [2].

Довольно значимым для японской армии было использование белогвардейских солдат в своих войсках. В 1932 г. для русских были созданы специальные учебные заведения, где их обучали навыкам японской разведки, а так же таким специальностям, как шофер, механик или радист. Впервые японский военный отряд из русских был образован в 1938 г., руководил им японский полковник Асано Макото, в честь которого и был назван этот вид войск в последующее время. Помощником же Асано был русский эмигрант Г.Х. Наголян. Асановский отряд состоял из пехоты, артиллерии, саперов и телеграфистов, в 1939 г. получил статус кавалеристов. Функция отряда должна была использоваться исключительно в разведывательных целях против советских войск. Во-

енной формой асановцев была та же, что и у всех солдат Маньчжоу-диго, однако при выполнении своей миссии солдаты часто одевались в простую советскую гражданскую одежду.

Свои боевые действия Асанская бригада проводила против корейских партизан, советско-монгольских войск на озере Хасан и реке Халхин-Гол, а так же ряда нескольких диверсионных вылазок во время Второй Мировой войны. Отряд Асано проводил на территории СССР антикоммунистическую пропаганду и подрывные акты. Часть выполненных военных миссий было выполнено первоклассно, что вызывало пример для подражания даже японским самураям. Однако это чередовалось и с рядом неудач, в чем некоторые исследователи считают заслугой советских агентов, которые выдавали себя за асановцев [1].

Стоит учесть и то, что несмотря добровольный призыв в отряд Асано, не все русские желали признавать японский тоталитарный режим. Многие бежали из Маньчжурии на территорию Шанхая, где преобладали французы, или другие места, подальше от диктаторских режимов. Япония стремилась ужесточить меры. С апреля 1940 г. был введен закон о всеобщей воинской повинности. Каждый гражданин с 19 лет был обязан служить в японской армии с трехлетним годом службы [7]. С 1942 г. в армию Асано должен был быть зачислен каждый русский эмигрант призывного возраста.

Зимой 1943 г. полковник Асано был смещен с должности, и кадровый состав его бывшей армии стали замещать русские офицеры, с целью расширения эмиграционных подразделений. Теперь этот тип войска был переименован Русские воинские отряды. После поражения немцев в Курской битве и изменения планов по захвату советской территории, Япония все же не стремилась отказаться от услуг русской армии. Хотя многие и догадывались о победе СССР, РВО не были распущены, предполагались еще некоторые изменения на театре военных действий. Вместе с тем русский отряд использовался так же на подавление восстаний в Маньчжурии. В ходе же завершения Второй Мировой войны и прямым вмешательством в нее Советского Союза в РФО началось дезертирство и переход на сторону советских войск. Сам Асано по самурайскому обычаю покончил жизнь самоубийством, не желая сдаваться в плен. Его русский заместитель Наголян оказался вовсе агентом НКВД, однако, через несколько лет он подвергся репрессиям [1].

Что касается, других видных деятелей эмиграции, то их судьба была далеко не завидной, многие из них были осуждены на смертную казнь. Так, бывший лидер фашистской партии Родзаевский, бежал из Маньчжурии в Тяньцзинь, позже он просил прощения в личном письме Сталину, но был арестован советскими агентами. В августе 1946 г. лидер был расстрелян [5].

Приход же красной армии под командованием маршала Р.Я. Малиновского в Харбин в 1945 г. был встречен с восторгом не только среди местного населения, но и среди белых эмигрантов, что объясняется не только победой советских войск. Многие русские не были довольны тоталитарным фашистским режимом, не устраивала их и сама жизнь в «языческой» Азии, где обожествлялся император. Духовные лица жаловались на запрет православной службы со сто-

роны японцев и маньчжуров. На Харбинском параде в честь победы над фашистской Японией присутствовал Харбинский архиепископ Нестор Анисимов, пожелали принять участие в параде и белые солдаты, к чему весьма благосклонно отнесся советский маршал. В этом событии после долгих противоречий и конфликтов помирились обе стороны России, здесь приняли участие как бойцы с красными звездами, так и георгиевскими крестами. Данное событие для белых эмигрантов означало возвращение обратно на Родину. Тем не менее, многих из них с прибытием в Советский Союз ждал суд и наказание. Еще более худшая судьба досталась тем, кто остался жить в Маньчжурии, их постигли ужасы Гражданской войны в Китае и диктатуры Мао Цзэдуна [3].

В результате можно констатировать, что со стороны белой эмиграции в Маньчжурии были довольно противоречивые мнения и позиции. Безусловно, в изначальном своем варианте все они имели антисоветский и антикоммунистический настрой. В последующие годы мнения Белого движения несколько изменились, что было связано с противоречивым отношением к фашизму. Имея такие разобщения, большинство эмигрантов вовсе отказались от фашистских идей, и с окончанием войны им пришлось признать СССР.

Список источников и литературы

1. Бригада «Асано»: русские эмигранты на стороне Японии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://diletant.media/articles/35922350/ (30.10.2021)

2. Каргапольцева, Д.С. Русские фашисты в Маньчжурии в 1930-х – начале 1940-х гг. [Электронный ресурс] / Д.С. Каргапольцева. – Режим доступа: URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/28512/1/ruschi_2008_19.pdf (01.11.2021)

3. Последний парад Белой Армии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://mikhael-mark.livejournal.com/352755.html (02.11.2021)

4. Русские в борьбе с большевизмом в Китае [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://topwar.ru/19373-russkie-v-borbe-s-bolshevizmom-v-kitae.html (29.10.2021)

5. Русские фашисты в Маньчжурии. Как эмигранты мечтали уничтожить СССР с помощью Японии Китае [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://topwar.ru/81481-russkie-fashisty-v-manchzhurii-kak-emigranty-mechtali-unichtozhit-sssr-s-pomoschyu-yaponii.html (01.11.2021)

6. Русские эмигранты в Манчжурии. Отряд Асано [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://iamruss.ru/russkie-emigranty-v-manchzhurii-otryad-asano/ (29.10.2021)

7. Усов В. Н. Русские эмигранты в Маньчжурии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://biography.wikireading.ru/221757 (дата обращения: 30.10.2021)

8. Харбинские истории о судьбе русской дальневосточной эмиграции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.bbc.com/russian/features-44148425 (дата обращения: 28.10.2021).

Кривцов Александр Александрович
аспирант, кафедра истории России
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
педагогический университет»
Россия, г. Воронеж
E-mail: glokave@yandex.ru
Лихачёв Станислав Валерьевич
управление Советским округом администрации г. Липецка
Россия, Липецк
E-mail: isv1205@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СССР В КОНЦЕ ЭПОХИ «ПЕРЕСТРОЙКИ» В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕФОРМ И ВЫБОРОВ В МЕСТНЫЕ ОРГАНЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация: *В статье в рамках рассмотрения особенностей политических преобразований и специфики выборов в местные органы самоуправления в СССР в период «перестройки» (1985-1991 гг.) обращается внимание на отражение специфики регионального политического пространства Липецкой области в общем пространстве политической истории СССР данного периода.*

Ключевые слова: *история, Россия, СССР, «перестройка», Советы, местное самоуправление, власть, выборы.*

FEATURES OF THE REGIONAL POLITICAL SPACE OF THE USSR AT THE END OF THE ERA OF "PERESTROIKA" IN THE CONTEXT OF POLITICAL REFORMS AND LOCAL GOVERNMENT ELECTIONS (ON THE EXAMPLE OF THE LIPETSK REGION)

Abstract: *In the article, in the framework of the consideration of the features of political transformations and the specifics of local government elections in the USSR during the period of "perestroika" (1985-1991), attention is drawn to the reflection of the specifics of the regional political space of the Lipetsk region in the general space of the political history of the USSR of this period.*

Keywords: *history, Russia, USSR, "perestroika", Soviets, local self-government, government, elections.*

Рассматривая историю СССР в целом и историю местного самоуправления в России в частности, следует обратить внимание на три объективных факта. Первый заключается в том, что возможность реально участвовать в выборах на местном уровне всем гражданам была дана, только после 10 ноября 1917 года, с появлением «Обращения Народного Комиссариата Внутренних Дел к Советам рабочих, солдатских и батрацких депутатов «Об организации местного

самоуправления». При этом большая часть ограничений для граждан на участие в выборах была снята. Избирательный ценз был ликвидирован. Утверждения симпатизирующих устройству местного самоуправления времен царизма не выдерживают объективной критики. В том же городе Липецке, Городовое положение 1892 года строго ограничивало избирательное право, вводя имущественный ценз на участие в выборах [37, с. 55]. Тем самым отодвигались от избирательного процесса широкие слои населения, которые были малообразованны и бедны (самым массовым из которых являлось крестьянство, составляющее по разным оценкам от 70 до 85% населения Российской империи).

Второй факт состоит в том, что позже в СССР ограничения в избирательной системе вернулись. Выборы в Советы после принятия конституции СССР 1936 года проводились с рядом ограничений. Несмотря на то, что на бумаге, конституция выглядела очень демократично, на практике все обстояло иначе. В соответствии с положениями данной конституции в СССР изменилась система выборов, она стала территориальной. Сильнейшим ударом по реальной советской власти со стороны правящей бюрократии стало создание безальтернативной системы выборов. Академик РАН Юрий Николаевич Жуков касался темы выборов в 1930-ые годы в СССР. В качестве примера, он предоставлял материалы из архивов, в виде избирательного бюллетеня в Верховный Совет СССР. В окончательном варианте от 12 декабря 1937 года, в бюллетене был только один кандидат, безальтернативный. Однако до мая 1937 предполагалось, что выборы пройдут на альтернативной основе, то есть из нескольких кандидатов. Наряду с выдвиженцем от партии, от трудовых коллективов могли выдвинуться рабочие какого-нибудь завода, местная интеллигенция или работники колхозов. Таким образом, основой сталинского правления стала в первую очередь номенклатура или как ее еще называют партийная бюрократия, состоящая из членов ВКП(б) на всех уровнях власти, от районного до Верховного Советов.

Третий факт заключается в схожести внешних и внутренних условий, при формировании местных органов власти в период 1917-1922 годов и 1990-2000 годы. Он состоял в турбулентной внешней среде и политизации населения. Тогда страна жила лозунгами, а не реальной действительностью, старый мир был уничтожен, а новый ещё не построили. В итоге имело место отсутствие правовых норм как таковых и проблемы с законодательством. Но важнейшей проблемой оставалось то, что разрушив предшествующую систему местной власти, принялись создавать новую эмпирическим путем, с рядом проблем и ошибок.

Но если советские лозунги начала XX века были направлены на консолидацию пролетариата и крестьянства (основных слоев населения), то лозунги позднего СССР и образовавшейся на его месте Российской Федерации ставили своей целью поменять или разрушить уже имеющуюся систему, не предлагая взамен ничего конкретного, выдвигая требования свободы и демократии, но, не объясняя, как и то и другое будет осуществляться на практике. Жажда перемен нашла отклик у широких народных масс. Старт изменений был дан лозунгом «обновление социализма», запуском перестройки и демократизации. Любопытно, что согласно советской идеологии социализм в СССР уже был построен, но оказалось, что это был не правильный социализм, и его следовало «обновить».

Следующим шагом стало введение в СССР в 1987 году альтернативных выборов ответственных партийных работников. Цель преследовалась благая, разбавить закостеневший аппарат партии. Но именно в этот момент был нанесен главный удар по системе государственной власти СССР, а именно по правящей партии. При всех минусах бюрократической системы СССР, предметом, связывающим воедино необъятную страну, была КПСС. Она пронизывала всю систему власти страны от местного уровня до всесоюзного. «Обновление» партийного аппарата вынесло на поверхность идейных наследников шестидесятников, желавших изменить существующую систему. Это касалось всех уровней власти, и такие лица имелись, в том числе и в Липецком городском Совете.

В конце 1989 года Верховный Совет СССР изменил Конституцию СССР в отношении принципов формирования Советов. По новым условиям, выборы проходили на альтернативных условиях по избирательным округам. Менялась структура советской власти, теперь народные избранники должны были выбирать председателя совета и президиум, становившиеся постоянно действующими органами законодательного собрания. Для осуществления исполнительной власти, советы избирали главу администрации. Права советов расширялись в вопросах пользования муниципального имущества.

Таким образом, на волне «перестройки» (1985-1991 гг.) обновился государственный аппарат на всех уровнях. В свете данного можно выделить три условных типа управленческих кадров позднего СССР. Первый состоял из приверженцев перестройки, выступающих за повсеместную демократизацию всех сфер общественной жизни и поддержку перехода к рыночной экономике. Многие из этих граждан представляли новое поколение в рядах КПСС. В процессе торможения перестройки и ее дальнейшего провала, на рубеже 1990 года, а в национальных республиках еще раньше, во власть пробивается вторая волна политиков, проповедующих национально-сепаратистские (по отношению к СССР) и демократические суждения. Обе условные группировки преследовали одну цель, слом существующей политической модели и системы государственного устройства. Третьим типом управленцев следует считать партийную номенклатуру на всех уровнях. Это были профессионалы в сфере хозяйственной деятельности, и знатоки управления народным хозяйством, которые по большей части находились в тени. Все они состояли в КПСС, но при этом, как показали дальнейшие события, коммунистами они являлись лишь по партбилету. Это были люди готовые подстраиваться под любые команды из центра. Отсутствие инициативы и чрезмерная осторожность предопределила долгий срок существования этой когорты управленцев. В дальнейшем, именно они переживут всех своих оппонентов, и составят основу управленческой элиты новой России.

В рамках заявленной темы статьи отмети, что местное самоуправление в России имеет довольно длинную историю, на протяжении которой оно неоднократно перестраивалось. В связи с тем, что на разных территориях нашей страны органы самоуправления сильно отличаются, особое значение имеет изучение деятельности городских органов на местном, региональном уровне [4,

с. 162]. При этом из-за больших социальных, экономических, конфессиональных различий между регионами России, историю развития городского самоуправления нельзя изучать, основываясь лишь на общей статистике по стране, так как расхождения могут быть очень серьезными как между областными и районными городами, так и между однотипной группой городов (например, районными).

Отметим, что для политического пространства РСФСР 1990 год ознаменовался радикальными переменами [5]. Доверие к кадрам, поддерживающим М.С. Горбачева, у населения пропало, и население стало поддерживать новых политиков противопоставляющих себя КПСС. М.С. Горбачев понимая, свое шаткое положение отменяет шестую статью конституции о руководящей роли КПСС. Тем самым он переориентировал партию с работы хозяйственной на политическую. Это решение имело принципиальное значение. На всех уровнях по стране развернулась борьба новых политиков и старых партийных хозяйственников. Хотя, как в дальнейшем показали выборы, даже при условии, что местные Советы состояли на половину из представителей КПСС, маленькой ложки дегтя, в бочке меда было достаточно для того чтобы система вошла в ступор. В тоже время на уровне республик, новое руководство РСФСР приняло Декларацию «О государственном суверенитете РСФСР» поставив законы республиканские выше, чем всесоюзные. При всей этой деструктивной деятельности, важным шагом стало создание института профессионального парламентаризма, базировавшегося на плюрализме мнений. Становление местного или самого низового уровня представительной власти в этот период можно проследить на примере Липецкого городского Совета народных депутатов.

С главной политической силой в городе Липецке в начале 1990-х годов все относительно ясно, это была КПСС. Позже были разрешены другие партии, но лидирующие позиции КПСС сохранялись. С новыми политическими движениями дела обстояли иначе. В интересах данной работы отметим следующее.

Предысторией политических сдвигов в регионе и городе можно считать образование Липецкого демократического движения, зародившееся в начале 1988 года с дискуссий по экологическим проблемам города под руководством А.М. Фёдорова и Г.В. Коршикова. Действительно, экологическая обстановка в городе была тяжелая. Это вызывало опасения горожан. После катастрофы на Чернобыльской АЭС часть Липецкой области ощутила на себе последствия этой ужасной техногенной катастрофы. Скачок количества онкологических заболеваний подтолкнул липецкую общественность и власть к обсуждению экологических вопросов.

В ходе перестройки впервые были предприняты попытки забастовок, как например транспортники из ПАТП-1, в дальнейшем отдельные предприятия старались внедрить бригадный подряд. Но первым реальным политическим шагом, в ходе которого было образовано Липецкое демократическое движение, было собрание в июне 1988 года в помещении ЦМР инициативной группы. В собрании участвовали И.М. Ивлев, А.И. Казаков, Л.А. Стена, В.И. Цветков, Ю.В. Шеременко, М.А. Бабурин, В.С. Лосев и многие другие. Часть из участ-

ников станет в 1990 году депутатами городского Совета Липецка. Цель собрания была в организации единого движения, стоящего на демократических позициях. Демократические движения в городе набирали силу. Важным этапом на пути их создания явились встречи круглого стола в кафе «Фонограф», где собирались представители любительских объединений.

Осенью 1988 года была учреждена Липецкая организация «Мемориал». Включаются в дискуссию сотрудники авиацентра Е.В. Проскуряков, Н.И. Лошкарев, Р.А. Касымов. Осуществляется попытка выдвинуть кандидатом в депутаты съезда СССР профессора ЛГТУ Г.В. Коршикова. Создаётся «Единый народный фронт Липецка» в составе которого входят В.И. Цветков, Л.А. Стена, И.М. Ивлев, А.И. Казаков, М.С., Гольдман и многие другие. 26 октября 1989 года регистрируется областной профсоюз работников кооперативных предприятий «Солидарность» при участии Ю.А. Фабричных. К выборам 1990 года создается клуб избирателей. Первым успехом этих демократических движений в городе Липецке, да и в нашем регионе следует считать установку камня в память жертв политических репрессий в апреле 1989 г. Уже 7 ноября 1990 года происходит массовое траурное шествие, с закладкой еще одного камня в память жертв политических репрессий.

Отметим, что фундаментальной и материальной базой для появления на местах данных групп стали кружки региональных ВУЗов и комсомольские первички. Кружки в вузах начали образовываться по всей стране еще при Андропове. Одним из таких центров подготовки деятелей города Липецка стал политический клуб «Сомнение» в котором состояли В.Н. Томилин, А.Н. Попов, Л.И. Земцов, А.Н. Бессуднов, С.И. Степанов. Интерес здесь в том, что после 1991 года С.И. Степанов станет председателем горсовета Липецка [3, с. 3]. Сформирован данный клуб был на базе исторического факультета Липецкого педагогического института по инициативе липецких сторонников «Демократической платформы в КПСС» С.И. Степанова и Д.М. Питерцева. Подобные «центры» возникали по всей стране чаще всего при истфаках институтов. Например, в Тамбове декан истфака пединститута В.Н. Коваль организовал знаменитое сообщество «Мемориал», связанное с выявлением жертв репрессий, для чего он создал собственную газету «Содействие». В дальнейшем под руководством В.Н. Коваля и его сподвижников была создана партия «Демократическая Россия», сыгравшая ключевую роль в перехвате управления городом в 1991 году [2, с. 144].

Отметим и то, что у истоков зарождения демократического движения не только в городе Липецке, но и в области стояла и старший преподаватель кафедры философии Липецкого политехнического института В.П. Кисенко. В статье Липецких известий «Демократия – не меч карающий» за 13 сентября 1990 года, В.П. Кисенко заявила следующее: «Апелляция демократов к населению не оправдана по двум причинам. Люди разные, и нужно учитывать всю совокупность противоположных мнений, ориентируясь на наиболее развитые

слои населения. Второе апелляция к народу может обернуться безответственностью перед ним» [1, с. 56].

Таким образом, большая часть демократов города Липецка в начальный период 1990-х гг., сначала вошла в демократическую платформу КПСС, а потом перешла в партию ДПР (Демократическая партия России). Формирование большого количества политических партий и движений не слишком изменили политический ландшафт города. В конечном итоге в рассматриваемый период в г. Липецке существовало две действительно крупные политические силы. Первой были члены КПСС, приверженцы перестройки, занимавшие ряд административных должностей и ориентировавшиеся на всесоюзную власть в лице президента СССР и правительства. Другой силой являлись демократы, ориентировавшиеся на власть республиканскую (РСФСР). Между двумя этими политическими силами и развернётся в дальнейшем борьба в городском Совете народных депутатов г. Липецка, которая как покажет история выйдет за его границы и распространится на улицу, областной Совет и местную администрацию.

Список источников и литературы

1. Кривцов, А.А. Политизация органов местной власти в период позднего СССР на примере Липецкого городского Совета народных депутатов / А.А. Кривцов // Студенческое сообщество и современная наука: сборник научно-исследовательских работ обучающихся; под ред. Д.В. Щукина. – Вып. 3. – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2017. – С. 56-62.

2. Семенов, А.К. и др. Липецкий городской Совет: 1954-1993 гг. / А.К. Семенов, О.В. Корнева, В.И. Иванов, И.А. Кукуев. – М. - Липецк, 2008. – 352 с.

3. Степанов, С.И. Первый день городского головы / С.И. Степанов // Липецкие известия. – 1991. – 13 сентября.

4. Щукин, Д.В. Городской Совет народных депутатов города Ельца в пространстве региональной истории Липецкого края начала 1990-х гг. / Д.В. Щукин // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2021. – № 2 (291). – С. 162-166.

5. Щукин, Д.В. Новейшая История России: 1991-2012 гг.: в 2-х частях. Часть 1. История России 1991-1999 гг.: учебное пособие для подготовки магистров по направлению 030600.68 «История» / Д.В. Щукин. – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2014. – 259 с.

Кузнецов Михаил Евгеньевич
студент 5-го курса, группы ИО-51
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет
имени И.А. Бунина»
Россия, г. Елец
E-mail: ku3netzow@gmail.com

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОНАЦИСТСКИХ И АНТИКОММУНИСТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СССР

***Аннотация**: Почти каждый военный конфликт не обходится без двух вещей: пленных и людей, которые перешли на сторону врага. Великая Отечественная война, в этом отношении, не стала исключением. Перед началом нового мирового конфликта в СССР было несколько категорий людей, недовольных советской властью. Кто-то был репрессирован и сослан в лагеря, кто-то был раскулачен, некоторым пришлось иммигрировать из страны. Этой ситуаций воспользовались нацисты. С целью освобождения русской земли от ненавистного большевизма они вербовали в свои ряды всех неравнодушных граждан. В данной статье рассматриваются основные направления деятельности политических и военных коллаборационистских объединений.*

***Ключевые слова**: коллаборационизм, Советский Союз, Великая Отечественная войны, оккупация, национализм.*

ACTIVITIES OF THE PRO-NAZI AND ANTI-COMMUNIST MOVEMENTS IN THE OCCUPIED TERRITORY OF THE USSR

***Abstract**: Almost every military conflict is not complete without two things: prisoners and people who went over to the side of the enemy. The Great Patriotic War, in this respect, was no exception. Before the start of a new world conflict, there were several categories of people in the USSR who were dissatisfied with the Soviet regime. Someone was repressed and exiled to the camps, someone was dispossessed, some had to immigrate from the country. The Nazis took advantage of this situation. With the aim of liberating the Russian land from the hated Bolshevism, they recruited all concerned citizens into their ranks. This article examines the main areas of activity of political and military collaborationist associations.*

***Keywords:** collaborationism, the Soviet Union, the Great Patriotic War, occupation, nationalism.*

В период Второй мировой войны коллаборационизм проявился в трех основных вариантах действий: первое – сотрудничество местных политических и государственных деятелей с оккупационной властью; второе – служба представителей местного населения в разных гражданских и военных учреждениях при оккупационной власти; третье – добровольное вступление в ряды Вермахта и

войск СС. Первый вариант коллаборационизма, весьма распространенный в оккупированных странах Европы, для СССР был исключительным случаем.

После прихода к власти в Германии национал-социалистов отношение к русской государственности и русскому национальному движению стало отрицательным. Главный идеолог нацистов А. Гитлер в своих выступлениях часто говорил о славянах, как о нации недочеловеков и считал, что оружие в борьбе с коммунизмом имеет право нести только немец [3, с. 37]. Наряду с ним, такую же позицию излагали почти все руководители Третьего Рейха. Так, рейхсканцлер Германии и министр пропаганды Й. Геббельс в своем дневнике упоминал следующее: «Одна из основных задач германского государственного управления заключается в том, чтобы навсегда прекратить всеми возможными средствами любое развитие славянских рас» [1, с. 17].

В период разработки планов нападения на СССР фашистскому руководству пришлось частично отказаться от своих догм и всячески использовать все антикоммунистические силы. Это было сделано с целью развития национальной вражды между народами СССР.

Провал плана «блицкрига», поражение под Москвой зимой 1941 года вынудило нацистов пересмотреть свои планы в отношении советских коллаборационистских объединений. Начиная с весны 1942 года на оккупированных территориях Советского Союза начинают появляться различные «вспомогательные подразделения». В зависимости от места дислокации они имели соответствующие наименования. Так, в районе группы армий «Север» они назывались «местные боевые соединения» (Einwohnerkampfverbande), в группе армий «Центр» – «служба порядка» (Ordnungsdienst), а в группе армий «Юг» – «вспомогательные охранные части» (Hilfswachman-nschaften) [2, с. 173].

Стоит сказать о том, что политические формирования, образовывавшиеся на территории СССР, если не появлялись при прямом участии немецких разведывательных органов, вызывали большое недоверие со стороны фашистского руководства, например, Народная социалистическая партия Витязь (НСПР), находившаяся на территории Локотского самоуправления (Брянская область). Стараясь походить на НСДАП пособники Третьего Рейха издали свой собственный манифест, в котором говорилось: «спасение Родины возможно только при объединении всех честных людей России в единую мощную организацию – партию» [4, с. 69]. Также обещали выдать амнистии всем тем, кто согласится сотрудничать с «новой администраций» (кроме евреев и политруков), а также прославляли честь и славу немецкого солдата. Во главе данной партии был бывший участник зеленого движения К.П. Воскобойников, которого на этом посту позже сменил обер-бургомистр Б. Каминский. Однако, почти все жители, Локотской волости отнеслось к этим призывам и вольностям весьма равнодушно. Значительного роста НСПР по количеству участников, в годы войны не произошло [2, с. 175].

Одной из ключевых задач, которую выполняли действовавшие на оккупированной территории СССР коллаборационистские организации была пропаганда против большевизма. Еще в начале 30-х годов, в Германии был создан

специальный орган пропаганды, так называемый «Анти-комминтерн». Его главой был немецкий юрист Эберхартом Таубертом. Данное ведомство выпускало журнал с одноименным названием, в котором вместе с профашистскими статьями публиковались записки, дневники и интервью «новых эмигрантов» из советских республик, повествующих о тирании и произволе, господствующих в СССР [1, с. 58]. В процессе подготовки войны с Советским Союзом данный орган помогал выделять группы населения, которые могли оказать поддержку в борьбе с большевизмом. Под эту категорию подходили люди, подвергшиеся репрессиям при советской власти, население областей, присоединенных в конце 1930-х – начале 1940-х годов (Прибалтика, Бессарабия, Западная Украина и Западная Белоруссия), а также лица, которым не нашлось места при новой власти (бывшие эмигранты, ленинцы и троцкисты). Помимо этого, большие надежды возлагались на местное население, оккупированный областей, которых удалось бы привлечь к сотрудничеству за счет частичного «восстановления» института церкви, как православной, так и мусульманской.

Стоит также отметить, что после остановки наступления немецких войск под Москвой в ноябре-декабре 1941 года руководство немецкой разведки и частей вермахта настаивало на изменении представлений о войне с СССР, как войне с идеологическим врагом. Это позволило бы привлечь большое количество местных жителей для борьбы с коммунистами, однако фюрер был непреклонен.

Другой политической организацией был, так называемый Национально-Трудовой Союз Нового Поколения (НТСНП). Ее участники планировали создать в России национально-трудовой солидаризм, где нация определялась как корпоративная общность с единой культурой, единым государством и экономическими интересами. По своей сути это был русский аналог германского национал-социализма, стремящегося вооруженным путем уничтожить советскую власть. Большое количество членов данного союза было задействовано осенью 1941 года в работе на немецкие спецслужбы. Так, примерно 200 человек несли службу в зондеркоманде «Р» под командованием известного немецкого разведчика Б. Смысловского [6, с. 58]. В специально-оборудованном лагере «Сантйехен» готовили руководителей-диверсантов повстанческого движения, с целью заброски их в советский тыл. Там изучалось партизанское дело, оружие, организация и проведение террористических актов [6, с. 59].

Необходимо учитывать тот факт, что практически все антикоммунистические и националистические движения в захваченных областях России строго контролировались нацистскими спецслужбами. Например, в Смоленске информацию о всех направлениях социальной жизни города и района собирала «Абверкоманда-303» [5, с. 71]. Также немецкие спецслужбы сами могли создавать партии из числа граждан местного населения для решения определенных задач на конкретной территории. Так, в сентябре 1941 года была создана русская трудовая народная партия (РТНП). Ее штаб располагался на территории лагеря для военнопленных офицеров Красной Армии в Хаммельбурге (Бавария). Данная организация выполняла следующий перечень задач. В первую очередь она производила заброску отдельных групп военнопленных глубоко в советский тыл.

Там они занимались различной пропагандистской деятельностью, проводили диверсионную работу: разграбление продовольственных и военных складов, подрыв линий коммуникаций и железных дорог. Другой немаловажной задачей была поддержка регулярных частей вермахта при зачистке деревень, сел и других населенных пунктов. Некоторые подразделения РТНП отправляли в Бельгию, Голландию, Францию в качестве полицейских отрядов [3, с. 56]. Многие из командиров трудовой партии в дальнейшем заняли высокое положение в Комитете освобождения народов России генерала А. Власова.

Другим коллаборационистским образованием, находящимся под контролем немецкой администрации был Политический Центр борьбы с большевизмом (ПЦБ). Он был образован в городе Веймар в июле 1942 года. Основой этого союза были пленные советские офицеры, а непосредственное руководство осуществлял бывший командир 102 стрелковой дивизии И.Г. Бессонов. Союз готовил командиров для заброски и организации повстанческих отрядов в тылу Советского Союза. Отряды ПЦБ предполагалось использовать на территориях от Северной Двины до Енисея и от Крайнего Севера до Транссибирской магистрали [2, с. 177].

Осенью 1941 года был образован Боевой Союз Русских Националистов (БСРН). Он состоял из военнопленных советских республик и переметнувшихся офицеров РККА. У БСРН, как и многих подобных ему объединений была программа, включавшая 7 пунктов. Основными тезисами данной программы было: превращение России в мононациональное государство, упразднение всего образования (кроме начального), а также переход всего церковного, колхозного имущества в частную собственность. Опираясь на поддержку со стороны фашистской администрации, русские националисты вели подготовку специальных воинских отрядов для борьбы с партизанами, для несения службы в качестве охранных и карательных отрядов, а также для ведения разведки и подрывной деятельности и тыле врага [2, с. 181].

Немецкие пропагандисты, используя печать или радиоисточники, активно освящали моменты, связанные с переходом частей или командиров Красной армии на сторону Германии, образование различных обществ из числа местного населения оккупированных районов Советского Союза. Так, момент создания в феврале 1943 года в Смоленске Русского комитета генерал-лейтенанта А. Власова был сообщен по радио «Лахти». Позднее им было образовано Русская освободительная армия (РОА). Само воззвание А. Власова к советскому народу было отпечатано в несколько миллионов экземпляров и выброшено с самолетов над передовыми частями РККА. Программа русского комитета состояла из 13 пунктов. А. Власов обещал покончить с режимом террора и насилия. Освободить заключенных и тех, кто был репрессирован большевиками. Он обещал обеспечить трудящихся всеми цивилизованными правами и благами, восстановить торговлю и государство в целом [1, с. 130].

Наряду с этим, в начале 1943 года в Пскове был создан Русский национальный комитет (РНК). Он состоял из наиболее радикально настроенных коллаборационистов и «новых предпринимателей». Свою деятельность они попы-

тались развернуть на всей оккупированной территории Северо-Запада РСФСР. РНК помогал регулярным частям вермахта в поддержании порядка на псковской земле, занимался вербовкой молодежи в ряды резерва РОА, а также готовил кадры местной администрации для «будущего русского правительства».

После коренного перелома в Великой Отечественной войне последовало усиление боевой деятельности партизан. Для их подавления немецкое командование организовало летом-осенью 1943 года несколько карательных экспедиций, в составе которых были как коллаборационистские формирования, карательные отряды, а также полки РОА. Несмотря на наличие танков, артиллерии, авиации, эти части продемонстрировали свою низкую боеспособность, несколько десятков человек перешло к партизанам. После этих событий нацисты отказались от активного использования антикоммунистических движений[6, с. 94].Такая ситуация с организацией антибольшевистских движений оставалась до конца 1944 года, когда войска СССР и его союзников вышли к границам Германии. В этих условиях большое количество лиц, помогавших немецким оккупантам, перебрались на территории Рейха, где они продолжили призывы борьбы с большевизмом [4, с. 87].

Все военные формирования, перешедшие на сторону немецких оккупантов, политические партии, союзы, образованные, как в Германии, так и на оккупированной территории СССН никогда не были массовым движением. По большей части они использовались в качестве инструмента пропаганды и при проведении карательных миссий. Руководители этих «добровольных объединений» боролись за национальное возрождение России, что напрямую шло вразрез с идеологическими установками фюрера. Так называемая «третья сила», всегда находилась под полным контролем Третьего рейха.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что невзирая на масштабную пропагандистскую работу, нацисты и их подручные не смогли реализовать все намеченные цели. После провала плана молниеносной войны они начали проводить насильственную вербовку молодежи и формировать батальоны РОА из военнопленных. Широкая партизанская деятельность, масштабное наступление войск Красной Армии, недоверие фашистов к их «помощникам», несогласованность в действиях коллаборационистских объединений не позволили немецкому командованию реализовать далеко идущие планы оккупации.

Список источников и литературы

1. Казанцев, А.С. Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом / А.С. Казанцев. – М., 1994. – 343 с.

2. Ковалев, Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941-1944 / Б.Н. Ковалев. – М., 2004. – 544 с.

3. Млечин, Л. Русские националисты и немецкие национал-социалисты / Л. Млечин // Новое время. – 1994. – № 10. – С. 53-63.

4. Назаров, М.В. Миссия русской эмиграции. – Изд. 2 / М.В. Назаров. – М., 1994. – 414 с.

5. Окороков, А.В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны / А.В. Окороков. – М., 2000. – 130 с.

6. Юденков, А.Ф. Политическая работа партии среди населения оккупированной советской территории (1941-1944 гг.) / А.Ф. Юденков. – М., 1971. – 358 с.

Кузьминова Ольга Александровна
студентка института истории и культуры
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет
имени И.А. Бунина»
Россия, г. Елец
E-mail: cuteSwan@yandex.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВЕТСКИХ ЖЕНЩИН В 1917 – 1930-Х ГОДАХ В СИСТЕМЕ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация: *В статье рассматривается социальное положение женщин в СССР в контексте анализа советской законодательной системы в части наделения граждан обоих полов правами и свободами, их межличностных отношений в обществе, различных социальных институтах. Данное исследование направлено на выделение основных гендерных тенденций в развитии советского общества в системе изучения социального равенства и идеологического воспитания*

Ключевые слова: *гендерные исследования, советское общество, производство, семья, социальное равенство, идеология.*

SOCIAL TRANSFORMATION OF SOVIET WOMEN IN THE 1917 – 1930S IN THE SYSTEM OF GENDER STUDIES

Abstract: *The article examines the social status of women in the USSR in the context of the analysis of the Soviet legislative system in terms of granting rights and freedoms to citizens of both sexes, their interpersonal relations in society, various social institutions. This study is aimed at highlighting the main gender trends in the development of Soviet society in the system of studying social equality and ideological education*

Keywords: *gender studies, Soviet society, production, family, social equality, ideology.*

Вопрос о положении женщин в обществе в настоящее время привлекает большое внимание не только в академических кругах, но в различных сферах современного социума, для которого вопрос взаимоотношения полов звучит

крайне остро. В этой связи необходимо проанализировать историко-культурные и социально-экономические предпосылки современной эмансипации в российском обществе, корни которых лежат, на наш взгляд, в советской эпохе, с началом которой революционные преобразования поставили женщину не просто в равные условия с мужчинами, но и коренным образом изменили ее патриархальную сущность. Влияние политических, экономических и социальных изменений на правовой статус мужчин и женщин всегда было неоднозначным и проявлялось в дифференцированном подходе к обеспечению прав и свобод мужчин и женщин. На протяжении веков женщины в России были ограничены в своих правах, что породило дисбаланс гендерного равенства. Революционные преобразования советской власти привели к необходимости создания новой модели социалистического общества, а для этого необходимо было «воспитать» «новую» женщину и «нового» мужчину, это можно увидеть с первых дней советской власти, в годы «военного коммунизма» и Гражданской войны. Типаж такой женщины, убежденного революционера был ярко представлен в знаменитом вопросе профессора Преображенского в повести М.А. Булгакова «Собачье сердце»: «Простите, Вы мужчина или женщина?» [3, с. 211]. Подобный образ способствовал включению женщин в общественное производство, политическую жизнь, привлечению ее к тяжелому физическому труду, ведь вплоть до середины двадцатых годов того века основное мужское население воевало: революционные потрясения, уничтожившие империю, Первая мировая война, Гражданская война, участие в освобождении уже Советского государства от интервентов и т.п. Все это стало ключевыми предпосылками для изменения социально-политического статуса женщины. По мнению исследователей, для данного периода для нее характерны три основные функции: труженицы, гражданки и матери [4, с. 223]. Она активно принимает участие в общественном производстве, что дает ей не только экономическую независимость, но служит основой для развития у женщин социально значимых качеств: ответственности за свои действия и дела коллектива, понимания гражданского долга, солидарности с обществом, социальной ответственности. Все это формирует женщину как личность, укрепляет ее положение в семье.

Пресса стала важной силой в формировании новой советской женщины: центральные партийные газеты и журналы были призваны максимально вовлечь хозяйку, экономически несвободную женщину, зависимую от мужа, в рабочее движение. Большая часть журналистских работ в то время публиковалась в виде брошюр или приложений к существующим журналам или популярным изданиям. Важно отметить и то, что в газетах и журналах того времени печатались не все участницы Отделов по работам с женщинами, а некоторые из них – например, А.М. Коллонтай, Н.К. Крупская. В 1930-е выходит журнал «Работница», в котором очень хорошо представлен образ советской женщины, показаны трудности формирования ее как личности. В подшивке журнала «Работница» за 1930 г. есть следующее характерное признание: «Жилось мне плохо, всем я была чужая. Я даже не знала, для чего существует советская власть и как выполняется пятилетний план. Словом, жила, как скотина, не понимала, для че-

го и сама живу на свете» [1]. Такое положение объясняется комплексом отсталостей, которые препятствуют развитию и вовлечению женщины в общественно-политическую жизнь. Женщину угнетает ее безграмотность. Казалось бы, все двери открыты, предоставлена возможность заявить о себе, но она не знает, как этим всем воспользоваться. Также угнетающим фактором является ее семья: бытовое закрепощение, главенствующая роль мужчины в семье и, конечно, дети: «Пока детей не было, жили мы с мужем хорошо, интересно, ходили вместе на собрания, в театр. Но теперь у нас двое ребят, с ними уж никуда не пойдешь, поэтому я, кроме рогача и корыта, ничего не знаю» [2]. Основными вопросами, поднятыми по проблеме «женского вопроса», были равенство, участие женщин в революционной деятельности и общественных работах, новое понимание морали в контексте брака, новая концепция воспитания детей и изменение роли женщин в семье в целом. Основной целью журнала «Работница» являлась помочь всем необразованным женщинам стать активными участницами общественной жизни, стать достойными гражданами своей страны.

Эмансипация и проблемы женского движения были интересны для Н.К. Крупской. Ее работа касается вопросов труда и повседневной жизни женщин, организационных форм и методов работы государства и нижестоящих партий, развития их социальной и политической активности, заботы государства о работающей матери, о детях и т.д. [8]. Множество своих размышлений она связывает с такими проблемами, как привлечения женщин к практической работе, их участия в экономическом возрождении страны, искоренение неграмотности среди женщин, их дальнейшее обучения и получение образования.

Советское трудовое законодательство впервые стало учитывать физиологические и психологические свойства женского организма, регламентирует трудовую нагрузку. Запрещается использование труда женщин на тяжелых и подземных работах, на работах с вредными для женского организма условиями труда (на некоторых предприятиях химической, полиграфической, кожевенной промышленности и т.д.). Увольнение беременных и женщин с детьми до года не допускается. В целях создания условий, позволяющих женщинам-работницам, служащим и колхозницам совмещать производственную деятельность с материнством, женщинам предоставляется оплачиваемый отпуск по беременности и родам продолжительностью 112 календарных дней и частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до одного года, а без сохранения оплаты труда – и на следующие полгода (Декрет ВЦИК от 22.12.1917 «О страховании на случай болезни»). При этом женщина сохраняет опыт работы, что имеет определенные преимущества. Согласно заключению врачей, беременных переводят на более легкую работу, при этом их средний доход от предыдущей работы сохраняется; работающим женщинам с детьми до года предоставляются оплачиваемые перерывы для кормления ребенка и т.д. Принимаются меры к тому, чтобы для многих женщин была удобна работа на условиях неполного рабочего дня, а также работа на дому [5, с. 180]. Большая часть советских женщин пользуются всеми этими правами в широких масштабах. В дальнейшем представляется необходимым продолжить линию на усиление охраны труда и

здоровья работающих женщин с учетом особенностей женского организма. Прежде всего, необходимо полностью завершить освобождение женщин от тяжелого и другого неблагоприятного для здоровья труда, обеспечить их квалифицированной и, соответственно, не менее оплачиваемой работой, улучшить механизацию трудоемкого ручного труда, а затем полностью исключить работу женщин в ночные смены. В то же время в условиях демографического спада проблема совмещения двух ролей – матери и работницы – постепенно стала признаваться в публичном дискурсе в смысле преувеличенной «маскулинизации» женщин, для преодоления которой женщина должна вернуться в семью. Чтобы изменить ситуацию, было предложено развивать сектор услуг, индустриализировать повседневную жизнь и усилить механизацию домашнего хозяйства.

В коммунальных квартирах место женщины было «типично женским»: никто не пытался приучить мужа к приготовлению пищи, все домашние дела распределялись между соседками. Стремление к уюту в доме, нежелание делиться подробностями семейной жизни рассматривалось как проявление индивидуализма и «буржуазного» эгоизма. Совместные квартиры стали символами повседневного контроля и мониторинга частного сектора; семья как частная сфера перестала существовать. Стоит отметить, что в 1935 году производство противозачаточных средств в СССР прекратилось, культура контрацепции перестала развиваться, в художественной литературе культивировались образы сильных мужчин, которые не имели дела с переживаниями своих жен [4, с. 221]. Чтобы «воспитывать» женщин и укреплять семьи, в 1936 году был принят закон, который усложнил развод, а аборты были запрещены (за исключением так называемых абортов по медицинским показаниям). В то же время концепция материнского и супружеского долга женщины вошла в оборот идеологических и политических манипуляций. В то время в домах партийных чиновников появились домработницы не случайно. Они выполняли функции служанок и присматривали за детьми. Как правило, это были молодые и обычно не очень молодые женщины из деревень, изгнанные с родины из-за голода и бесправия.

Таким образом, формирование новых семейных отношений происходило со значительными трудностями по материальным причинам; существующие патриархальные предрассудки и широко распространенное потребительское отношение к женщинам в определенной части мужского населения. В то же время надо признать, что ориентация на «новую семью», на равноправие женщин, в том числе в контексте семейных отношений, привела к определенным результатам [10]. Форма гражданского брака становилась все более популярной. Общие интересы и взаимные чувства стали главными мотивами заключения брака, осуждались материальный расчет и стяжательство в семейных отношениях.

Несмотря на некоторые результаты в формировании женской работы, отношение к их избранию в общественные должности, участие в управлении производством, участие в советах и партийных органах оставалось в основном тра-

дицонным, основанным на идее, что женщины не подходят для этого вида деятельности. Постепенно идеи гендерного равенства проникли в частную сферу. Социально активная женщина, реально работавшая на производстве, стала восприниматься частью мужского населения как «товарищ» и «соратник». Однако это коснулось лишь небольшого круга горожан. Кроме того, «равноправие», достигнутое для женщин, часто становилось двойным бременем: на работе и дома, что впоследствии было воспринято как культурная и социальная норма.

Таким образом, советская власть законодательно сформировало новый статус и положение женщины в новом обществе, который позволил в дальнейшем женщинам сыграть значительную роль в различных сферах общественного развития. Активная социализация, стремление к равноправию повлекли за собой разрушение патриархального сознания, открыли реальные возможности для реализации полученных прав и свобод, позволили стать экономически независимыми, приобщиться к новым социокультурным нормам.

Список источников и литературы

1. Артюхина, А. Всем напоказ / А. Артюхина // Работница. – 1930. – № 9-10. – С. 26.
2. Банникова, Л. В родной семье / Л. Банникова // Работница. – 1930. – № 8. – С. 12.
3. Булгаков, М.А. Собачье сердце / М.А. Булгаков. – М.: АСТ: Хранитель, 2007. – 555 с.
4. Гусева, Ю.Е. Гендерные представления советского периода: формирование нового стереотипа фемининности / Ю.Е. Гусева // Стереотипы и национальные системы ценностей в межкультурной коммуникации: сб. статей. – Вып. 1. – СПб.: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2017. – С. 220-225.
5. Кириллова, В.А. Конструирование жизненного пространства советской женщины / В.А. Кириллова // Молодой ученый. – 2021. – № 7 (349). – С. 177-184.
6. Коллонтай, А.М. К истории движения работниц в России [Электронный ресурс] / А.М. Коллонтай. – Режим доступа: URL: https://www.prlib.ru/item/725363 (дата обращения: 30.10.2021)
7. Косетченкова, Е.А. Становление и развитие женского профессионального образования в России в конце XIX – начале XX века / Е.А. Косетченкова. – К.: изд-во КГУ, 2008. – 132 с.
8. Крупская, Н.К. Женщина-работница [Электронный ресурс] / Н.К. Крупская. – Режим доступа: URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/54132-krupskaya-n-k-zhenschina-rabotnitsa-myunhen-1901#mode/inspect/page/7/zoom/4 (дата обращения: 30.10. 2021)
9. Муслумова, Т.В. Феминизм: истоки, этапы развития и основные направления [Электронный ресурс] / Т.В. Муслумова. – Режим доступа: URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/feminizm-istoki-etapy-razvitiya-i-osnovnye-napravleniya (дата обращения: 26.10.2021)

10. Пушкарева, Н.Л. Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития [Электронный ресурс] / Н.Л. Пушкарева. – Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskaya-i-gendernaya-istoriya-itogi-i-perspektivy-razvitiya-v-rossii (дата обращения: 25.10.2021)

11. Хасбулатова, О.А. Женское движение в России: (Вторая половина XIX – начало XX в.) / О.А. Хасбулатова. – Иваново, 2003. – 255 с.

Кулёв Андрей Алексеевич
магистрант 1 курса группы ИЦм-11
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет
имени И.А. Бунина»
Россия, г. Елец
E-mail: kulev.sergio@gmail.com

РАЗВИТИЕ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВЕТСКОЙ ШКОЛЕ В ПЕРИОД ЗАСТОЯ

Аннотация: *в статье рассматривается состояние исторического образования в период 1960 – 1980-х годов. Исследуется основные этапы реформации и демократизации исторического образования. Отдельно рассматривается специфика преподавания краеведения и влияние его на историческое образование.*

Ключевые слова: *история России, историческое образование, идеологическое мышление, период застоя образовательная политика.*

DEVELOPMENT OF THE METHODOLOGY OF HISTORICAL EDUCATION IN THE SOVIET SCHOOL DURING THE PERIOD OF STAGNATION

Abstract: *the article examines the state of historical education in the period of the 1960 s – 1980 s. The main stages of the reformation and democratization of historical education are investigated. The specifics of teaching local history and its influence on historical education are considered separately.*

Keywords: *history of Russia, historical education, ideological thinking, period of stagnation, educational policy.*

В стремительно развивающуюся эпоху научных и технических достижений 60-х – 80-х гг. прошлого века советская образовательная система вошла с устоявшейся моделью школьного исторического образования.

Глобальные политические процессы противостояния двух полярных систем в «Холодной войне» и текущие перемены в социально-экономической жизни советского общества, так или иначе отразились на советской школе. Большинство современных исследователей считает, что эпоха научно-технического прогресса стимулировала модернизацию советской системы школьного исторического образования [3, с. 22-31].

Больший, по сравнению с предыдущими десятилетиями, объем необходимых знаний и повышение уровня мировых стандартов, адаптированных к освоению передовых достижений, стимулировали дальнейшее развитие исторического образования в СССР.

Отдельным направлением, следует считать, совершенствование дидактических и методических приёмов обучения, актуальных для современной школы. В фокусе разработок педагогов-историков оказывается проблемный метод обучения как уникальная система активизации когнитивных процессов учащихся, позволяющая успешно реализовать цели и задачи учебно-воспитательного процесса. В активный лексикон учителей входят понятия: «проблемный вопрос», «проблемная ситуация» и т.д. [5, с. 63-69]. Принципиальным отличием проблемного метода от приёмов предыдущих десятилетий стало не простое требование к воспроизводство фактических знаний, а мощное дидактический инструмент размышления и рассуждения [14, с.138-140].

Отсутствие идеологических противоречий позволило активно использовать новый подход на уроках истории в советской школе. Сначала педагоги-новаторы, а вслед за ними и многие простые учителя стали применять «проблемный метод» обучения [15, с. 18-30]. Данная новаторская методика позволяла учащемуся в большей степени стать субъектом образовательного процесса.

Самостоятельный анализ и интерпретация исторических фактов, постановка проблемных вопросах и взаимодействие с одноклассниками положительно отразилась на уровне подготовки советских школьников. Комплексные изменения в 1960-х – 1980-х гг. затронули и устоявшуюся линейную структуру исторического образования. Согласно постановлению «Об изменении порядка преподавания истории в школах» ЦК КПСС и Совету Министров (14 мая 1965 г.) учителя-историки должны были осуществлять более ёмкий отбор фактов и понятий, изучение Древней истории проходило в более сжатой форме, однако современный этап истории человечества рассматривался гораздо более подробно [17, с. 459].

Особое значение приобретает принцип синхронного изучения истории России и зарубежной истории.

В системе школьного исторического образования всё большее значение отводится роли факультативов, которые не только обеспечивали углублённое изучение отдельных исторических проблем, но и стимулировали интерес конкретных учащихся. В 1965 г. внимание учёных-педагогов сконцентрировалось на актуальной проблеме модернизации учебно-методической литературы.

В соответствии с повсеместным использованием проблемного подхода возникла потребность в новых учебниках [11, с. 23-35]. Они должны были наполнены востребованным информативным материалом, способствовать развитию критического мышления у учащихся, стимулировать самостоятельную исследовательскую работу учеников, показывать подходы к восприятию исторических источников.

В соответствии с заявленными требованиями Министерство просвещения проводит конкурс на создание нового учебника истории. Важно подчеркнуть, что почти половина участников конкурса (131 человек из 288) были учителями истории, а не кабинетными учеными. В результате профильное министерство рекомендует к использованию в школе тринадцать учебников, задействованных до развала СССР [18, с. 148-158]. Наиболее яркими представителями плеяды этих учебников стали: учебник Ф.П. Коровкина, Е.В. Агибаловой, Г.М. Донского. Авторы были удостоены Государственной премии СССР за 1973 г. Данные учебники включали огромное количество исторических документов, статистических схем, таблиц, ярких иллюстраций, востребованного справочного материала, вопросы для самопроверки и контроля знаний. Так, содержание учебно-методической литературы способствовало не только сообщить сухие факты, но и выполняли задачи развивающего обучения. В результате вырос общий уровень содержания исторического образования, активизировались межпредметные и внутри предметные связи с другими дисциплинами.

Внедрение новых учебных программ началось в 1966 г. К 1972-1973 учебному году они были полностью внедрены в советское образовательное пространство. Учебные программы вобрали в себя целый комплекс научно-педагогических достижений Советского союза. С одной стороны, они выступали в качестве дидактической инновации, сделавшей ставку на развитие проблемного метода в обучении; с другой, являлись продолжением традиций советской педагогической модели предыдущих десятилетий [2, с. 88-90].

Обновление учебно-методической составляющей, одобренной на высшем государственном уровне, получило положительное восприятие в учительском сообществе. Значительной части учителей-историков импонировало сохранение значительной идейно-патриотической составляющей в новой учебной программе. Педагоги отмечали немало положительных моментов, связанных с активизацией интереса учащихся, благодаря применению новаторского проблемного метода обучения. Согласно статистическим данным, успеваемость в средней общеобразовательной школе начала 1970-х гг. по предмету история значительно возросла [20, с. 125-126].

Структура исторического образования в советской школе данного периода получила следующую структуру (Таблица 1).

Таблица 1. Структура исторического образования в период застоя

Класс	Содержание образования	Кол-во часов в неделю
IV	Эпизодические рассказы-сообщения на уровне межпредметных связей по Отечественной истории	2
V	История Древнего Мира	2
VI	История средних веков	2
VII	История СССР с древних времен до конца VIII века	2
VIII	Новая История. История СССР VIII-X веков	2
IX	Новая история (часть 1); История СССР с X века до 1937 года. Новейшая история (часть 1)	3
X	История СССР с 1938 года до настоящего времени. Новейшая история (часть 2)	4

Такая структура исторического образования сохранялась в течение долгого времени: ей удалось преодолеть крах Советского Союза и использоваться в школах новой России вплоть до 1993 г. Говоря о содержании учебной программы 1967 г., следует отметить, ряд особенностей. Во-первых, на уроки истории в школе отводилось 18 часов в неделю (612 часов в год соответственно). Во-вторых, на изучении Отечественной истории приходилось 313 часов в год, а Всеобщей истории – 229. В-третьих, сохранялся основной упор на применение проблемного метода обучения. Несмотря на эффективность принятой в 1967 г. школьной программы, в 198-х гг. потребовалось провести её модернизацию. Так, в 1984 г. была проведена очередная реформа. Её содержание сводилось к обоснованию введения одиннадцатилетнего курса обучения, повышались требования к уровню научно-методических программ [16, с. 50-54].

Согласно преобразованиям 1984 г., в школе вводилось обучение работе с ЭВМ. Дальнейшее развитие получает идея о получении в рамках средней общеобразовательной школы рабочей профессии. Предпринимаются попытки приобщения учащихся к реальному сектору производства [9, с. 56-69]. Проведённая в 1984 г. реформа системы образования, в окончательном виде сформировала советскую школу завершающего этапа существования государства.

Именно в этот период была заложена прочная база для развивающего обучения. Над реформированием системы образования 1960-х – 1980-х гг. работали несколько научно-исследовательских центров СССР, которые занимались вопросами практического применения тех или иных инноваций. Так, Институт содержания и методов обучения (И.А. Лернер) разрабатывал частные проблемы обучения истории и развития у учащихся исторического мышления [8, с. 16-28]. Московский Государственный педагогический институт (Н.И. Запорожец) прорабатывал вопросы когнитивной активности учащихся; занимался структурированием учебного материала и средств обучения [4, с. 34-49]. Сле-

дует подчеркнуть, что данные исследовательские организации преуспели в вопросах развития системы исторического образования.

Тем не менее, глубокий социально-экономический кризис, поразивший СССР в конце 1970-х гг., всё больше затрагивал систему образования. Попытки генерального секретаря М.С. Горбачёва модернизировать устоявшуюся закоренелую политическую систему, направив её в сторону демократизации всех сфер общественной жизни, не смогли оказать положительного влияния на школьную систему исторического образования.

Школа всё больше отрывалась от реальной жизни. Критическое осмысление исторического пути России в XX веке общественно-политическими деятелями, до недавнего времени считавшиеся диссидентами, в средствах массовой информации; появление в печати книг запрещённых авторов; открытая критика марксистко-ленинского учения рушили прежние устои существования советской школы.

В сложившихся условиях обнаружение «слабых» сторон формационного подхода к интерпретации исторических процессов буквально выбивали почву из теоретико-методологической составляющей системы исторического обучения. Школа переставала отвечать требованиям времени. Уроки становились всё более формальными, а большинство учителей оказались неспособны найти общий язык со своими учениками [7, с. 147-149].

Система исторического образования наиболее остро прочувствовала на себе кризис крушения образовательной модели СССР. Данные об успеваемости по историческим дисциплинам конца 1980-х гг. свидетельствуют о прогрессивном снижении качества знаний учащихся.

Принятие в 1989 г. последней учебной программы уже не могло сделать советскую систему школьного исторического образования более актуальной. Фактически, программа 1989 г. стала «лебединой песней» советской педагогической системы.

Таким образом, разрушение системы школьного исторического образования Советского Союза в очередной раз показало зависимость социальных институтов от общественно-экономического положения государства. Теоретико-методологические основы образовательной модели конца 1980-х гг. остро нуждались в смене концептуальных приоритетов.

Пристальное внимание современного общества к вопросам развития исторического образования обусловлено, во-первых, некоторой неудовлетворенностью официальными интерпретациями ряда исторических событий, дискуссионностью отдельных положений, а, во-вторых, устойчивым когнитивным желанием социума узнать больше о прошлом своей страны [13, с. 5-12]. Нельзя не согласиться с мнением выдающегося писателя и общественного деятеля Д.А. Гранина о том, что каждый человек обладает чувством «включенности в историю» [6, с. 117-132]. В связи с этим, изучение истории своей семьи, родного города, края, где ты вырос, в той или иной степени является актуальным для каждого человека. Краеведение как неотъемлемый компонент системы исторического образования призвано «наладить связи между локальной и всемирной историей, объединить общество с помощью истории» [1, с. 8-12].

Изучение советского опыта организации краеведческих исследований и преподавания краеведения как исторической дисциплины, по-прежнему, является значимым для современной исторической науки. Краеведение в советской системе исторического образования, рассматриваемого периода 1918-1980 гг., не только остро реагировало на любые социальные и политические изменения в жизни страны, но вынуждено было находиться в фарватере господствующей идеологии. Так, между краеведением дореволюционным и советским краеведением наблюдается несколько принципиальных отличий. Во-первых, дореволюционное краеведение не становилось объектом законодательных и административных распоряжений. Во-вторых, краеведческие общества были общедоступными и демократическими организациями.

В-третьих, краеведческая информация находилась в открытом доступе. Несмотря на указанные особенности, по мнению большинства исследователей, десятилетний период, последовавший за революционными событиями 1917 г. считается «золотым» для отечественного краеведения [21, с. 11-27.]. В это время создаются различные краеведческие объединения, целью которых являлось сохранение памятников истории и культуры в «бушующем море гражданской войны». Буквально в первые дни существования советской власти учреждается Всероссийская коллегия по делам музеев и охране памятников старины в составе Наркомпроса РСФСР. Задачи этой организации – сохранить историческое наследие, уберечь бесценные рукописи и архивные материалы, находящиеся у частных лиц, от уничтожения. В те годы виднейшие учёные были привлечены к работе в архивах, музеях и библиотеках. По мнению современных исследователей, никогда прежде специалисты столь высокого уровня не разрабатывали проблемы архивного и музейного дела выявления, собирания, атрибутирования, описания, использования в научных и просветительских целях документальных памятников [19, с. 41-43].

Одной из наиболее характерных черт российского краеведения 1917-1927 гг. была тесная взаимосвязь с «большой наукой», с академическими учреждениями и известными учеными. О значении краеведческих трудов говорит тот факт, что статья, посвящённая развитию краеведения, вышла в сборнике достижений Академии наук, изданном к десятилетию событий 1917 г. В то же время, нельзя забывать, что в период 1917-1927 гг. закрываются многие авторитетные краеведческие издания. Важно подчеркнуть, в 1920-х годах руководство Наркомпроса не выступало с попытками определить единые задачи краеведческого движения, характерные для данного направления исторической науки.

Тем не менее, отдельные шаги, направленные на эффективное управление краеведческими обществами, были предприняты ещё в 1921 г. на I-й Всероссийской краеведческой конференции.

В «золотое десятилетие» значительно возрастает количество краеведческих организаций, отношение властей к которым становится всё более настороженным. Следует заметить, что в двадцатых годах прошлого века явно просматривались традиции и принципы организации исторических исследований, характерные для краеведения дореволюционного, а значительная часть самих ученых-краеведов сумела успешно реализоваться в качестве объективных историков ещё до 1917 г.

Однако в конце двадцатых годов прошлого века положение советского краеведения претерпевает существенные изменения. С точки зрения В.Ф. Козлова, краеведение 1930-х гг. становится бедным по содержанию историко-культурной работы, но чрезвычайно интересным в сфере организационной [12, с. 34-47]. Действительно, с одной стороны краеведение вводилось в программу высших учебных заведений, и краеведческая работа признавалась неотъемлемой частью исторического знания; с другой, государство организует репрессии в отношении тех историков, кто непосредственно занимается краеведением и достиг на этом поприще немалых успехов.

Партийное руководство стремиться к тотальному контролю над краеведческими организациями, к «закрепощению краеведения государством». В данный период краеведение развивалось в соответствии с постановлениями пленумов и съездов ЦК ВКП(б). Нередко краеведы-историки были вынуждены заниматься политико-идеологической, а не исследовательской работой [21, с. 11-27]. Следует отметить, что сообщества краеведов подвергалось постоянным кадровым чисткам, а отдельные краеведческие объединения ликвидировались. В связи с этим, уровень исследований резко снижается. В результате, краеведение как направление исторического знания утратило научный авторитет, а чрезмерное вмешательство партийных и государственный органов негативно отразилось на научной самостоятельности краеведческих организаций.

Очередной этап развития отечественного краеведения охватывает период с 1940-1980 гг. Несомненно, центральной темой исследований исторического краеведения этого времени становится Великая Отечественная война. В краеведении послевоенного периода условно можно выделить два этапа: первый этап (1945-1955 гг.) характеризуется сохранением командно-административного контроля над краеведческими исследованиями в организационной сфере; ключевыми особенностями второго этапа (1955-1980 гг.) являются демократизация принципов организации краеведческой деятельности, расширение социальной базы исследователей, в том числе за счёт учащихся школ и вузов.

Либерализация общественно-политической жизни СССР в середине 1950-х гг. положительно сказалась на возрождении интереса широких слоёв населения к краеведению. Возобновилось изучение прошлого отдельных городов, достопримечательностей, памятников истории и культуры сквозь призму локально-исторического исследования. Расширяется сеть местных краеведческих музеев.

Тем не менее, идеологический компонент в проведении краеведческих изысканий, поиск материалов, демонстрирующих успехи социалистического общества, по-прежнему, выступает лейтмотивом советского краеведения.

С точки зрения современного исследователя Н.В. Евдокимовой, с 1960-х гг. наблюдается возрождение отечественного краеведения [10, с. 82-86]. Знаковым событием этого времени явилось открытие Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в 1965 г. Краеведение утверждается в качестве неотъемлемой составляющей в программе гуманитарных и педагогических вузов страны. В 1980-е гг. возобновляется традиция созыва профильных краеведческих конференций, как местного, так и всесоюзного уровня. Наблюдается интерес к научным изысканиям краеведов 1917-1930 гг. Так, краеведе-

ние в советской системе исторического знания 1980-х гг. переживает период рассвета.

Подводя итог, можно определить, что советское краеведение рассматриваемого периода прошло сложный тернистый путь: от бурного развития краеведческого направления в исторических изысканиях 1917-1927 годов, полного идеологического контроля над исследованиями и исследователями в 1930-х, до возрождения краеведения в системе исторического знания в 1965 – 1980-х годах. В связи с этим, можно утверждать, что изучение богатого научного и организационного опыта отечественного краеведения советской эпохи позволит современным краеведческим исследованиям занять достойное место в системе гуманитарного знания XXI в.

Таким образом, разрушение системы школьного исторического образования Советского Союза в очередной раз показало зависимость социальных институтов от общественно-экономического положения государства. Теоретико-методологические основы образовательной модели конца 1980-х гг. остро нуждались в смене концептуальных приоритетов.

Список источников и литературы

1. Булыгина, Т.А. Модели исторической памяти и изучение локуса в исторической науке / Т.А. Булыгина // Гуманитарные и юридические исследования. – 2017. – № 1. – С. 8-12.

2. Бущик, Л.Б. Очерк развития школьного исторического образования в СССР / Л.Б. Бущик. – Москва: Академия педагогических наук РСФСР, 1961. – С. 88-90.

3. Водянский, А.М. Историческое и обществоведческое образование: стратегия развития / А.М. Водянский // Преподавание истории в школе. – 1995. – № 3. – С. 22-31.

4. Вяземский, Е.Е. Школьное историческое образование в России: на пути к новой парадигме / Е.Е. Вяземский // Моё Отечество. – 1997. – № 1. – С. 34-49.

5. Гора, П.В. Повышение эффективности обучения истории в средней школе / П.В. Гора. – Москва: Просвещение, 1988. – С. 63-69.

6. Гранин, Д.А. Запретная глава / Д.А. Гранин // Знамя. – 1988. – № 2. – С. 117-132.

7. Давыдов, В.В. Проблемы развивающего обучения / В.В. Давыдов. – Москва: Педагогика, 1986. – С. 147-149.

8. Днепров, Э.Д. Народное образование как предмет историко-педагогического исследования / Э.Д. Днепров // Советская педагогика. – 1986. – № 8. – С. 16-28.

9. Духан, Б.С. О некоторых вопросах перестройки преподавания истории в школе / Б.С. Духан // Преподавание истории в школе. – 1988. – № 4. – С. 56-69.

10. Евдокимова, Н.В. Особенности развития провинциального краеведения / Н.В. Евдокимова // Вестник Царского села. – 2013. – № 17. – С. 82-86.

11. Калуцкая, Е.К. О преподавании истории СССР периода 60-х начала 80-х годов: Из опыта учителей Ленинграда / Е.К. Калуцкая // Преподавание истории в школе. – 1988. – № 4. – С. 23-35.

12. Козлов, В.Ф. «Огосударствленное» краеведение. История и уроки. (По страницам журнала Советское краеведение 1930-1936) / В.Ф. Козлов // Вестник РГГУ. – 2019. – № 7. – С. 34-47.

13. Козьменко, В.М. Некоторые проблемы состояния современной исторической науки / В.М. Козьменко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: история России. – 2013. – № 4. – С. 5-12.

14. Краевский, В.В. Проблемы научно обоснованного обучения: методический анализ / В.В. Краевский. – Москва: Педагогика, 1977. – С. 138-140.

15. Кревер, Г. О концепциях исторического образования / Г. Кревер // Преподавание истории в школе. – 1990. – № 2. – С. 18-30.

16. Лобанов, В.В. От системы внешкольного воспитания к системе дополнительного образования / В.В. Лобанов // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2009. – № 2. – С. 50-54.

17. Постановление ЦК КПСС и Совет Министров СССР «Об изменении порядка преподавания истории в школах» 14.05.1965 г. // Сборник документов. 1917-1973. – 1974. – С. 459.

18. Ситаров, В.А. Проблемное обучение как одно из современных направлений технологий обучения / В.А. Ситаров // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 1. – С. 148-158.

19. Шамсутдинова, Р.Г. Роль научных обществ Казани конца XIX – 20-х годов XX века в сохранении архивного наследия / Р.Г. Шамсутдинова // Филология и культура. – 2010. – № 1. – С. 41-43.

20. Шапоринский, С.А. Обучение и научное познание / С.А. Шапоринский. – Москва: Педагогика, 1981. – С. 125-126.

21. Шмидт, С.О. «Золотое десятилетие» советского краеведения / С.О. Шмидт // Отечество. – 1990. – № 1. – С. 11-27.

Литвинов Владимир Петрович
доктор исторических наук, профессор кафедры
истории и историко-культурного наследия
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный
университет имени И.А. Бунина»
Россия, г. Елец
E-mail: vladlenli@yandex.ru

ОБРАЗОВАНИЕ СССР: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО РАЗМЕЖЕВАНИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Аннотация: *Статья посвящена проблеме национально-территориального размежевания среднеазиатских республик. Автор рассматривает наиболее спорные моменты разделения, определяет мотивы и цели деятельности со-*

ветских органов власти в этом регионе. Автор приходит к выводу, что государственно-национальное разделение в Средней Азии было делом рук самих среднеазиатских народов.

***Ключевые слова**: Средняя Азия, размежевание, государственная граница, национальные образования.*

FORMATION OF THE USSR: SOME ASPECTS OF NATIONAL-STATE DEMARCATION IN CENTRAL ASIA

***Abstract:** The article is devoted to the problem of national-territorial delimitation of the Central Asian republics. The author examines the most controversial points of separation, determines the motives and goals of the activities of the Soviet authorities in this region. The author comes to the conclusion that the state-national division in Central Asia was the work of the Central Asian peoples themselves.*

***Keywords:** Central Asia, demarcation, state border, national formations.*

Современная историческая и политическая литература, посвященная рассматриваемой проблеме, как правило, исходит из того, что национальное размежевание в Средней Азии является большим «советским экспериментом», осуществленным на принципе – «разделяй и властвуй». При этом зарубежная историография, включая и публикации современных националистически ориентированных среднеазиатских историков, в основном указывает на допущенные ошибки во время этой масштабной работы, игнорируя при этом позитивный эффект этих преобразований. Нередко и среди российских историков находятся те, кто в деятельности большевиков видят гораздо больше отрицательного, чем положительного.

До прихода в этот регион России во второй половине XIX в. на территории Средней Азии существовало три независимых государства – Бухарский эмират, Хивинское и Кокандское ханства. Власть в этих государствах находилась в руках узбекских династий. Современный российских этнограф С.Н. Абашин пишет, что «Бухарское, Хивинское и Кокандское ханства не были национальными государствами» [1, с. 30]. Он также отмечает, что узбекская власть в ханствах не навязывала свою культуру и язык, более того узбекские династии оберегали свое самосознание, которое отражало их привилегированное положение [1, с. 30].

На территориях, контролируемых полностью Россией, было создано Туркестанское генерал-губернаторство (Туркестанский край). Административное деление в крае никак не учитывало этнические особенности населения, царская администрация края не утруждала себя проблемами национального самоопределения подконтрольного населения. Во всех официальных документах в их отношении использовался термин «инородцы», население делилось лишь по характеру хозяйственной деятельности на кочевое – скотоводческое и оседлое – земледельческое. Более того, несмотря на всеобъемлющее господство ислама в регионе, конфессиональный фактор также мало брался в расчет, поскольку еще

со времен первоустроителя Туркестанского края К.П. фон Кауфмана проводилась политика «игнорирования» ислама. Исследователи этноконфессиональных проблем дореволюционной Средней Азии отмечают, что следствием непродуманной национальной политики царизма в регионе стала череда восстаний, наиболее крупные из них это Андижанское восстание 1898 г. и восстание 1916 г., которое охватило практически всю Среднюю Азию.

Действительно, этнонациональная ситуация в Средней Азии в канун территориального размежевания была крайне сложной. Советские этнографы, рассматривая эти проблемы постфактум, отмечали, что для народов Средней Азии того периода были характерны черты «незавершенной этнической консолидации, которые, согласно, стадиально-исторической классификации этносов, отличают народности от нации: изобилие диалектных различий в языках, множество локальных вариантов в культуре и быту и двойственность этнического самосознания – сознание принадлежности не только к определенному народу, но и к локальной областной, земляческой или пережиточной родоплеменной группе…» [4, с. 15]. Абашин, критикуя советскую этнографическую школу за излишний схематизм и формализм, также отмечает, что население Средней Азии в этническом плане было фрагментарным, и что «Никакая простая схема, которая могла бы без всякого насилия над фактами объединить многочисленные группы и слои с разнообразными самоназваниями и культурными чертами в один заданный заранее набор «этносов» и привязать их к этнической теории не годилась или – скажем так – не работала» [1, с. 7]. Таким образом, очевидно, что большевикам досталось тяжелое наследие царских времен.

В современной историографии данной проблемы утвердилось мнение, что национально-государственное размежевания имело не в малой степени волюнтаристский характер – Москва своим безоговорочным решением без учета местных реалий произвольно начертила границы и разделила местное население на нации и народы. Так, например, современная исследователь О.Д. Тальская пишет: «Границы в основном проводились без учета этнической принадлежности местных жителей, но по идеологическим и экономическим параметрам, благодаря чему партийным организациям была значительно облегчена работа по руководству республиками» [9, с. 47-48]. На наш взгляд, это весьма странные заявления. Во-первых, если посмотреть на национальный состав среднеазиатских республик, то видно, что титульные нации в советское время составляли в них 70-80% от общего числа населения, учитывая, что во всех республиках русские были второй по численности нацией и составляли в пределах 10-15%, то на другие среднеазиатские народы оставались мизерные проценты. Во-вторых, как могло облегчить управление неправильное этническое деление тоже не совсем понятно, Тальская этот тезис никак не поясняет. Подобный подход демонстрирует и современный таджикистанский исследователь М.У. Алимардонов, который утверждает: «Руководство образовавшегося в 1922 г. Союза ССР, на наш взгляд, не интересовал действительный этнический состав населения Средней Азии. Советам требовалось просто разделить население «Туркестана» на «киргизов», «узбеков» и «туркменов» и создать соответст-

вующие «суверенные» республики» [2, с. 29]. Данное утверждение вообще странное для человека, который живет и работает в Таджикистане. Будто бы Таджикская ССР не стала результатом большевистского размежевания, а появилась на карте мира по какой-то другой причине.

На самом деле большевики подошли к делу разделения в Средней Азии достаточно основательно. Перед началом самого процесса разделения при Российской Академии наук была создана специальная Комиссия по изучению племенного состава СССР, в которую вошел известный российский ученый И.И. Зарубин, занимавшийся изучением этносов Средней Азии. По итогам работы был издан труд «Список народностей Туркестанского края». Несмотря на то, что труд был издан уже после размежевания в 1925 г., очевидно, что результаты работы комиссии были известны раньше, а сам И.И. Зарубин пишет, что «Список был составлен и подготовлен к печати еще в 1922 г.» [5, с. 3]. Поэтому члены комиссии по размежеванию могли ознакомиться с материалами исследования в процессе своей работы. Зарубин указывает, что в качестве главного источника для списка народностей стали результаты сельскохозяйственной переписи 1917 г., назначенной еще Временным правительством и «Поселенные итоги» переписи населения в Туркестанской республике в 1920 г. [5, с. 3]. В качестве маркерного признака деления на нации и народности комиссия избрала язык, Зарубин отмечает, что «Коренное население Туркестанского края в своем большинстве образуются иранскою и турецкою группами, определяемыми лингвистически» [5, с. 5].

Рассматривая иранскую группу, Зарубин отмечает, что представителей этой группы разделяет большое количество диалектов, которые «хотя и близки исторически, но практически далеки друг от друга и от персидского языка, что говорящие на одном из них не могут понимать говорящих на другом, и обычно прибегают к помощи персидского языка» [5, с. 6]. Таким образом, комиссия констатировала, что иранская группа, которая стала основой для создания таджикской нации, отличается лингвистическим разнообразием и отсутствием достаточных сведений об особенностях материальной культуры, что является причиной сложностей для определения четких границ проживания. Видимо, поэтому с образованием Таджикской ССР было отложено, она появилась только в 1929 г.

Одной из основных проблем размежевания стала проблема «сартов» - население, которое часть современных исследователей считает отдельной этнической группой, другие рассматривает их как отуреченное оседлое иранское население отдельных районов Средней Азии или как социально-хозяйственную группу. Сегодня эта проблема часто используется в политических целях. Ряд современных исследователей полагают, что «сарты» были неправомерно отнесены к узбекам. Так, например, таджикистанский исследователь, академик Р. Масов исходит из того, что если бы сарты были отнесены к таджикам, то это бы дало возможность создать более крупную республику. Он даже ссылается на архивный документ, который ему не удалось получить, поскольку на него наложен гриф «Совершенно секретно». По мнению Масова, данный документ со-

держит проект Постановления о размежевании, составленный наркомом иностранных дел ССР Г.В. Чичериным, в котором говорится о создании «Большого Таджикистана» с включением в него Узбекистана в качестве автономной республики [6, с. 21]. Нам трудно говорить, существует ли в действительности данный документ. Но сам Р. Масов признает, что процесс ассимиляции таджиков тюркским населением начался еще задолго до прихода России в Среднюю Азию, он пишет: «Ассимиляция таджиков приняла наиболее интенсивный характер после того, как кочевые узбекские племена и жители, возглавляемые Шайбаниханом, в XVI веке вторглись в Среднюю Азию и растворились в среде коренного таджикского населения» [6, с. 35].

Что касается начала XX в., то Зарубин отмечает, что «С точки зрения культурной они (сарты – В.Л.) ничем не отличаются от турецкой (тюркской-В.Л.) части населения края, лишенной родовых переживаний, известной в литературе под именем сартов, а ныне составляющие основное ядро узбекской нации» [5, с. 6-7]. Данные, которые приводит Абашин, свидетельствует о том, что процесс ассимиляции сартов узбекским этносом в царское время шел ускоренными темпами. Что подстегнуло данный процесс – это проблема для отдельного исследования. Но, если еще в начале XX в. данные административного учета по Ферганской области Туркестанского края фиксируют от 55% до 66% сартов от общего числа населения, то перепись 1917 г., которая была назначена Временным правительством, в той же области определяет только 5% сартов от общего числа населения [1, с. 28]. Фиксируя данный процесс И.И. Зарубин отмечает, что «Там, где отуречиваемые иранцы окружены массой давно осевших и уже почти не отличающихся от них по быту узбеков – отуречиваясь, первые принимали имя последних, этим вовсе не входя в их родовую организацию» [5, с. 15]. В 20-х годах советские статистки зафиксировали, что «Сотни тысяч сартов именуют себя узбеками и свой язык узбекским. Они уже не осознают себя отдельной народностью и вопреки мнению ученых утверждают свое единство с узбеками» [7, с. 43]. Таким образом, обвинение большевиков в «уничтожении» «сартов» мы считаем надуманным, поскольку к моменту размежевания сарты как самостоятельная этническая группа, скажем так, «самоликвидировалась».

Рассматривая тюркскую группу народностей Средней Азии Зарубин разделяет ее на две подгруппы. Первую подгруппу составляют народности, сохранившие на том момент остатки родового и кочевого быта. К ним он относит кыргызов (или кара-кыргызов), ставших титульной нацией в Киргизской ССР, казаков (сов. казахов) и туркмен. Он отмечает, что несмотря на схожесть языков и общность религии, они не смешиваются, и даже в местах близкого или совместного проживания испытывают взаимную неприязнь. Внутри самих этих народов также присутствует племенная рознь, но это, по мнению И.И. Зарубина, никак «не мешает каждому народу чувствовать свое национальное единство» [5, с. 13]. Таким образом, он четко определил границы национальной идентичности этих трех народов.

Вторая тюркская подгруппа в «Списке» представлена полуоседлым и оседлым населением, в первую очередь узбеками и народностями близкими к

ним. Что касается узбеков, то Зарубин отмечал аморфность этой этнической группы, он пишет, что «…национальное единство и связь между отдельными частями узбеков получили неодинаковую прочность» [5, с. 15]. На наш взгляд, с одной стороны, это связано с тем, что в царское время этноним «узбек» использовался для обозначения всего тюркского населения, где правили узбекские династии. Например, дореволюционный историк, живший в Туркестанском крае, В.П. Наливкин относил к узбекам вообще все тюркские народности Евразии, а существовавшие культурно-бытовые отличия между ними рассматривал как результат развития в разных географических условиях [8, с. 12]. Вторая проблема, которая не способствовала этническому единству узбеков, состояла в том, что их нельзя было отнести к одному хозяйственно-культурному типу, по мнению В.П. Наливкина, в Средней Азии сложилось «три бытовых узбекских типа: кочевники, полукочевники и, наконец, оседлые узбеки – горожане и поселяне» [8, с. 23]. Таким образом, при размежевании было весьма сложно определить границы узбекского этноса, однако они были определены. Часть исследователей полагают, что сделано это было по политическим мотивам, Москва таким образом шла на компромисс с пантюркистской оппозицией в Средней Азии, в среде которой было много узбеков.

Достаточно устоявшимся мнением в среде современных российских и среднеазиатских историков является представление о том, что национально-государственное разделение стало прямым следствием нарастания пантюркистских настроений в регионе. Мы согласны с подобными представлениями, но не совсем принимаем ту точку зрения, что проект размежевания был инспирирован Москвой. На наш взгляд, нарастание пантюркистских настроений и их утверждение за счет отдельных наций, в первую очередь за счет казахских и узбекских джадидов, привело к тому, что другие этнические общности выступили в оппозиции к этим настроениям, предложив в противовес свой проект – национального размежевания. И.Б. Бочкарева отмечает, что «Взятый в середине 1918 г. Москвой курс на вовлечение коренного населения в органы советской власти вызвал явление синтеза идей регионального тюркизма и коммунизма» [3, с. 24]. Действительно, после провозглашения Туркестанской автономной республики в апреле 1918 г. тюркский фактор стал определяющим в политической жизни республики. Он еще более усилился после ликвидации в начале 1920 г. Бухарского эмирата и провозглашения на его территориях Бухарской Народной Советской республики. Далеко не все, кто вошел в правительство нового государства разделяли идею сближения с Москвой. Достаточно быстро сформировалась оппозиция, которая требовала разрыва всех отношений с РСФСР и заключения союзнических отношений с Турцией. Попытка договориться с пантюркистами в Бухаре через бывшего военного министра Турции Энвер-пашу, привела к тому, что он сам возглавил все вооруженные отряды бухарских повстанцев, а движение получило четкий протурецкий вектор.

На этом фоне в самой Туркреспублике все чаще стали раздаваться призывы о создании независимого государства на основе тюркской идентичности. Главным автором и идеологом этого проекта стал председатель Мусульманского бюро Туркестанской Коммунистической партии Турар Рыскулов, который

выступал за объединение всех тюркских народов бывшей Российской империи в единую республику. Безусловно, данная идея не могла найти поддержку в Москве, поскольку создание такой крупной республики могло дать дополнительные преимущества в разыгрывании пантюркистской карты Турцией, где также шло строительство национального государства. В противовес пантюркистским настроениям в Средней Азии начался процесс самоопределения народов. Впервые вопрос о размежевании был поднят на Транскаспийском съезде Советов в начале 1921 г., когда туркменская делегация заявила о необходимости преобразования бывшей Закаспийской области в Туркменскую область. Это требование было удовлетворено. В начале 1922 г. с инициативой создания автономного Кара-Киргизского района выступили представители киргизской интеллигенции, и их пожеланиям также пошли на встречу. А уже в процессе размежевания о выделении их в отдельные административно-политические единицы выступили таджики и каракалпаки.

Таким образом, процесс этнического размежевания начался еще до начала официального разделения республик в 1924 г. Конечно, большевики влияли на данный процесс, однако утверждение современных среднеазиатских историков о том, что всем процессом руководили русские, якобы они в угоду своим имперским интересам несправедливо разделили среднеазиатские народы, поэтому они теперь вынуждены жить во взаимной вражде друг к другу. Эти заявления, на наш взгляд, не совсем справедливы, в первую очередь, по отношению к тем, кто действительно этим занимался. Известно, что решение о размежевании принималось на заседании Оргбюро ЦК 4 июня 1924 г. В списке членов Оргбюро, из 15 человек присутствовал только один этнический русский – секретарь Киргизского (Казахского) обкома из Оренбурга Коростылев Г.А., самое большое представительство имели казахи – 5 чел., узбеки – 4 чел., по одному представителю было от киргизов и туркмен, были еще: украинец – 1, литовец – 1, латыш – 1 [6, с. 206]. Р. Масов публикует стенограмму этого заседания, из которой видно, что присутствующие на заседании имели серьезные разногласия по территориальному разделению, очевидно, что они не действовали по заранее утвержденному плану из Москвы. Наоборот, как отмечает И.Б. Бочкарева, советское руководство «вынуждено было выступать в качестве посредника в этих спорах, искало компромиссные решения на местном уровне» [3, с. 26]. Окончательно разделение было утверждено на Политбюро ЦК РКП(б) 11 октября 1924 г.

Таким образом, можно считать, что государственно-национальное разделение в Средней Азии было делом рук самих среднеазиатских народов. Мы не склонны утверждать, что все было сделано правильно и не было ошибок. Однако, сам факт существования современных среднеазиатских государств в тех же границах, которые были определены в 1924 г. позволяет предположить, что в целом процесс размежевания был справедливым и имел положительный эффект в плане национального самоопределения среднеазиатских народов.

Список источников и литературы

1. Абашин, С. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности / С. Абашин. – СПб., 2007 – 304 с.
2. Алимардонов, М.У. Средняя Азия и образование Таджикской АССР: национально-территориальное размежевание и автономия / М.У. Алимардонов // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 15. – С. 28-35.
3. Бочкарева, И.Б. Национально-территориальное размежевание в Средней Азии в1924 г.: причины и влияние на этнополитические процессы в регионе / И.Б. Бочкарева // Известия Алтайского университета. – 2019. – № 2 (106). – С. 22-26.
4. Жданко, Т.А. Национально-государственное размежевание и процессы этнического развития у народов Средней Азии / Т.А. Жданко // Советская этнография. – 1972. – № 5. – С. 13-29.
5. Зарубин, И.И. Список народностей Туркестанского края. (Труды комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран / И.И. Зарубин. – Л., 1925. – 24 с.
6. Масов, Р. Таджики: история с грифом «совершенно секретно» / Р. Масов. – Душанбе, 2014. – 212 с.
7. Материалы Всероссийских переписей 1920 года: Перепись населения в Туркестанской республике. – Ташкент, 1923-1924 гг. – 64 с.
8. Наливкин, В. Краткая история Кокандского ханства / В. Наливкин. – Казань, Тип. Императорского университета, 1886. – 215 с.
9. Тальская, О.Д. Феномен национально-территориального размежевания республик Средней Азии: политико-текстологический анализ / О.Д. Тальская // Вестник МГУ. Сер. 12 политические науки. – 2018. – № 6. – С. 42-49.

Лузгина Маргарита Игоревна
аспирант кафедры истории России,
историографии и источниковедения
Рязанского государственного
университета имени С.А. Есенина
Научный руководитель: д.и.н., профессор Попова А.Д.
Россия, г. Рязань
E-maul: ritarita.d@yandex.ru

НОВЫЕ ЗАДАЧИ И ФУНКЦИИ СУДА СССР, ВОЗНИКАЮЩИЕ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945)

Аннотация: *В статье рассматриваются проблемы и новые задачи, которые возникли у советской судебной системы в годы Великой Отечественной войны. Исследуются и анализируются примеры из судебной практики, а также принимаемые в тот период нормативно-правовые акты.*

Ключевые слова: *судебная система СССР, суд в период войны, Великая Отечественная война, народные суды, Верховный суд СССР, правосудие.*

NEW TASKS AND FUNCTIONS OF THE COURT OF THE USSR ARISING DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941-1945)

Abstract: *The article discusses the problems and new tasks that arose in the Soviet judicial system during the Great Patriotic War. Examples from judicial practice are investigated and analyzed, as well as normative legal acts adopted at that time.*

Keywords*: the judicial system of the USSR, the court during the war, the Great Patriotic War, people's courts, the Supreme Court of the USSR, justice.*

Чрезвычайные условия войны в той или иной мере отразились на всех сферах общественной жизни. Работа всех государственных органов и организаций, так или иначе, перестраивалась с учетом обстоятельств военного времени. С началом военных действий на территории СССР, судебная система страны также подверглась испытаниям, у судебных органов появились новые задачи и функции, которые необходимо было решать и исполнять в новых непростых условиях войны. Советскому суду нужно было в максимально короткие сроки, не имея подобного опыта и прецедента начать работать к обстановке военных действий.

В целом, судебная система СССР в обстановке военного времени продолжала функционировать в своем обычном режиме, но обстоятельства и условия войны поставили перед судебными органами новые дополнительные задачи. К этим задачам относились в том числе: вести активную борьбу с дезорганизаторами фронта и тыла, принимать решительные меры против нарушителей государственной дисциплины, против халатности, расточительства [2, с. 173].

В этих условиях особая роль отводилась военным трибуналам, но на суды общей юрисдикции также в разы возрастала нагрузка, с одной стороны в связи с ростом определенных видов преступлений, с другой, в связи с мобилизацией на фронт судебных работников.

Если обратится к статистическим данным, то уже с первых месяцев войны можно заметить существенный прирост по определенным видам преступлений, основная причина которых была нехватка продовольственных ресурсов и продуктов, обеспечивающих жизнедеятельность людей. Так, например, обстоятельства военного времени вызывали затруднения в добыче необходимого топлива для нужд народного хозяйства и населения. Потребовалось увеличение добычи древесного топлива. В виду этого особое значение приобретала охрана лесов от незаконных вырубок и хищений. В этих условиях возникает значительный рост преступлений, связанных с незаконной вырубкой леса. О наложении штрафов за лесонарушения в порядке особого производства, за 2-е полугодие 1941 г. в суды поступило 32614 дел, а за 1 полугодие 1942 г. – 77608 дел.

Уголовных дел о лесонарушении поступило за 2 полугодие 1941 года – 1741, за 1 полугодие 1942 года – 2060 [1, Л. 52].

В указанном примере такое кратное увеличение преступлений в сфере лесонарушения можно объяснить так же тем, что на отчетный период второго полугодия 1941 года выпадает всего один зимний месяц, а на первое полугодие 1942 года 2 зимних месяца и март, который в нашей стране сложно пережить без отопления. Но отрицать, что количество преступлений и правонарушений в этой сфере вызвано обстоятельствами военного времени невозможно. Это подтверждает и статистика роста других видов преступлений.

Архивные документы демонстрируют также, что в период ВОВ более 60% совершенных преступлений составляли кражи и спекуляции. Причины этого также предельно понятны и ясны – это голод и нехватка продовольствия.

Для функционирования судебной системы в условиях военного времени необходимо было принятие новых нормативно-правовых актов. Так, основным законодательным актом, определяющим работу судов в военное время, стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года «О военном положении». В Указе устанавливалось, что в местностях, объявленных на военном положении, все функции органов государственной власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности принадлежит военным советам фронтов, армий, военных округов. Также были приняты Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 года «Об обязательных сверхурочных работах», Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 года «О мобилизации трудоспособного населения для работы на производстве и строительстве», Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1942 года «Об ответственности за невыполнение колхозниками повышенного обязательного минимума трудодней» и др. Несмотря на то, что в условиях военного времени порядок работы народных судов не претерпел особых изменений, на судейских работников ложилась дополнительная нагрузка, связанная с необходимостью постоянного учета корректирующего законодательства [4, с. 65]. Учет и анализ изменяющегося в условиях военного времени законодательства можно выделить в отдельную задачу судов в период Великой Отечественной войны.

Разумеется, не по всем вопросам, возникающим в судебно-следственной практике, принимались новые законодательные акты. Некоторые преступления необходимо было квалифицировать по действующему законодательству. В таких случаях Верховный суд СССР разъяснял нижестоящим судам порядок применения уголовного законодательства, восполняя в результате, пробелы в праве, которые активно появлялись и развивались в период военного времени [5, с. 168].

Так, например, вопросы, касающиеся квалификации краж, совершенных в условиях военного времени, были регламентированы Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 8 января 1942 года № 1/1/у «О квалификации некоторых видов кражи личного имущества граждан в условиях военного времени» [3]. В указанном постановлении отмечено, что кражи личного имущества в ус-

ловиях военного времени, должны квалифицироваться в качестве краж, совершенных во время общественного бедствия, по части «г» статьи 162 Уголовного кодекса РСФСР. Кроме того, нужно отметить, что в военное время в судебной практике все активнее применяется аналогия закона, в том числе с целью профилактики преступлений. Это обстоятельство также вполне объяснимо в условиях военного времени. Замедленный документооборот между судебными органами не всегда позволял вовремя отследить изменения в законодательстве, изучить рекомендации Верховного суда по тому или иному вопросу. В многочисленных случаях судам необходимо было в ограниченные сроки судебного производства принимать самостоятельные решения о квалификации преступлений, о назначении наказаний и по другим вопросам, в том числе используя аналогию закона.

Большой интерес представляет статистика надзорной практики Верховного суда РСФСР по уголовным делам. В марте 1943 года количество поступающих в Верховный суд РСФСР жалоб на приговоры и определения судов, вступивших в законную силу – по сравнению с довоенным временем резко сократилось: среднемесячное поступление составило в 1 полугодии 1941 года – 17389 жалоб, в 1 полугодии 1942 года – 2581 жалоба, в январе – феврале 1943 года – 2623 жалобы [1, Л. 57].

Из факта сокращения количества жалоб на приговоры и определения судов можно сделать несколько выводов. Вероятно, сложные условия жизни в период войны не всегда позволяли заниматься судебными тяжбами. Обстоятельства жизни людей так быстро менялись, города и села подвергались обстрелам и эвакуациям. В связи с этим осужденные могли погибнуть в результате военных действий, умереть от голода, быть эвакуированными в другую местность. Но, в числе прочих причин сокращения жалоб на приговоры судов, справедливо будет указать причину и относительно удовлетворительной работы судебных органов, настолько это было возможно в сложившейся ситуации. Однако высшее руководство органов юстиции не остается довольным качеством рассмотрения жалоб, поступающих в Верховный суд СССР и с большим внимаем контролировала этот вопрос. В этом вопросе представляет интерес политика государства, направленная на снижение наказания и удовлетворение жалоб осужденных в некоторых случаях, особенно, если это касается военнослужащих и членов их семей. Так, например, колхозницы Ибрагимова, Абсалямова, Ямбулатова осуждены были народным судом по статье 162 п. «г» уголовного кодекса РСФСР к одному году шести месяцам лишения свободы за кражу колхозного зерна в количестве от 2 до 4 килограмм каждая. Из жалобы осужденных видно, что Ибрагимова на своем иждивении имеет – 12 человек, Ямбулатова – 4 человека, Абсолямова – 3 человека. Преступление ими было совершено впервые. Жалобщицы просили о снижении наказания, однако их жалоба была отклонена.

В работе суды призывались к отказу от формального рассмотрения дела, а к рассмотрению с учетом всех обстоятельств дела, и установлению причин, спровоцировавших человека на совершение этого преступления.

Кроме учета всех обстоятельств дела при судебном разбирательстве и вынесении решений по делу суд, в обстоятельствах военного времени должен был уделять особое внимание при рассмотрении дел, в отношении военнослужащих и членов их семей. В условиях военного времени, это было весьма важным обстоятельством, так как политика государства была направлена на поддержание военнослужащих и их семей, устанавливало для них льготы, пыталось облегчить условия их жизни. Таким образом, можно говорить об еще одной задаче суда – это особое отношения к разбирательствам по делу в отношении военнослужащих и членов их семей.

Таким образом, говоря о новых задачах, появившихся у советского суда в период Великой Отечественной войны можно выделить следующие. Во-первых, это мониторинг действующего законодательства, и принимаемых в военное время новых нормативно-правовых актов. Во-вторых, грамотное применение довоенного законодательства при рассмотрении преступлений, совершенных в военное время. В-третьих, разбирательство по делу с учетом всех обстоятельств дела и с особым вниманием, если судебное разбирательство происходило в отношении членов семьи военнослужащих. Важной задачей судебной системы было также соблюдение сроков судопроизводства, что было не всегда возможно из-за замедленного документа оборота и эвакуаций судов.

Список источников и литературы

1. ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп.187.
2. История судебной системы России: учебное пособие / А.С. Смыкалин. – М.: ЮНИТИ : Закон и право, 2012. – 230 с.
3. Постановление пленума верховного суда СССР от 8 января 1942 года № 1/1/у «О квалификации некоторых видов кражи личного имущества в условиях военного времени» // Законодательные и административно-правовые акты военного времени. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР , 1942. – 45 с.
4. Семено, А.В. Народные суды Кировской области в годы Великой Отечественной войны / А.В. Семено // Advanced Science. – 2017. – № 2 (б). – С. 66.
5. Яковлева, М.А. Уголовное законодательство и профилактика преступности в период Великой Отечественной войны / М.А. Яковлева, Е.М. Марченко, В.Б. Клишков // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. – 2021. – № 2. – С. 180-185.

Марков Роман Станиславович
преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
Россия, г. Липецк
E-mail: rsm-94@yandex.ru

ОБСУЖДЕНИЕ ПОРЯДКА ПРИВЕДЕНИЯ К ДОЛЖНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ РЕГИОНОВ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1990-1991 ГОДЫ)[1]

Аннотация: *В статье обсуждается подготовка, ход и промежуточные результаты реформы исполнительной власти автономных и территориальных образований РСФСР на завершающем этапе перестройки общественно-политической жизни советского государства. Доказано, что в указанный период состоялись первые в отечественной истории прямые всенародные выборы региональных руководителей. При этом переход к выборности глав субъектов федерации оказался законодательно закреплен только после путча ГКЧП, а реализован лишь после прекращения существования СССР.*

Ключевые слова: *выборы, глава администрации, исполнительная власть, субъект федерации, народовластие, перестройка.*

DISCUSSION OF THE PROCEDURE FOR BRINGING REGIONAL LEADERS TO OFFICE IN SOVIET RUSSIA (1990-1991)

Abstract: *The article discusses the preparation, progress and interim results of the reform of the executive power of the autonomous and territorial entities of the RSFSR at the final stage of the restructuring of the socio-political life of the Soviet state. It is proved that during this period, the first direct national elections of regional leaders in the national history took place. At the same time, the transition to the electability of the heads of the subjects of the federation turned out to be legislatively fixed only after the coup of the State Emergency Committee, and was implemented only after the end of the existence of the USSR.*

Keywords: *elections, head of administration, executive power, subject of the federation, democracy, perestroika.*

Институт выборности высших должностных лиц российских регионов, – губернаторов, глав республики, руководителей администраций, – является сравнительно новым для отечественно политико-правовой системы, возникшим относительно поздно, только на рубеже 1980–1990-х гг. в ходе коренной перестройки отечественной правовой системы. Но, несмотря на указанные обстоя-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-32100.

тельства, за полтора десятилетия своего существования он претерпел коренные трансформации от постепенной децентрализации к возобновлению административного диктата в наделения губернаторскими полномочиями.

Важно заметить, что до начала 1990-х гг. региональные руководители в России никогда не избирались всенародно. Советская Россия, будучи провозглашенной федеративной республикой еще в январе 1918 г., обладала сложным территориальным устройством, которое затруднительно назвать федерацией. Фактическое же сращивание государственных и партийных органов делало ее жестко централизованным государством в составе социалистической федерации. Появившееся на стыке эпох «окно возможностей» побудило законодателей как в центре, так и на местах к активным поискам новой системы формирования государственных органов.

Демократизация всех сторон жизни общества и государства, производимая в СССР во второй половине 1980-х гг., неизбежным образом повлекла перераспределение властных полномочий между уровнями власти. События общегосударственного уровня, XIX партийная конференция и первые съезды народных депутатов СССР, неизбежно выступили катализатором политических процессов в союзных республиках, а после – в регионах и на местах. Поэтому в принятой 12 июня 1990 г. I Съездом народных депутатов РСФСР Декларации о государственном суверенитете России красной нитью проводилась идея о децентрализации власти государства, наделения субъектов квазифедерации реальными управленческими полномочиями. Народные депутаты подтвердили «необходимость существенного расширения прав» [4] национально-государственных и административно-территориальных образований и заявили о необходимости подготовки новых основ законодательства о федеративных отношениях.

В ходе дискуссий вокруг проектов реформы территориально-государственного устройства вопрос о порядке формирования органов государственно власти на региональном ровне закономерно возник уже к осени 1990 г. Первой с предложением радикальных преобразований выступила Конституционная комиссия, выступившая с инициативой сделать выборными должности руководителей исполнительной власти на всех уровнях власти [6, с. 24]. Поддержку «выборной исполнительной административной власти» высказал в прессе председатель Московского городского Совета народных депутатов Г.Х. Попов [8, с. 7]. Но, как отмечает Т.И. Ширко, консенсуса в этой части реформы найти так и не удалось: к началу 1991 г. различные общественно-политические силы признали необходимость прямых выборов Президента РСФСР и глав местных администраций, вопрос же о региональных руководителях оставался открытым, Помимо непосредственного избрания населением активно обсуждался вариант назначения с последующим утверждением представительным органом [9, с. 113].

Отказ центра от окончательного разрешения проблемы побудил региональные власти взять инициативу в свои руки. Спустя росно год, 12 июня 1991 г., с санкции Верховного Совета РСФСР состоялись первые всенародные прямые

выборы руководителей городов республиканского подчинения Москвы и Ленинграда и Республики Татарстан, на которых одержали победу Г.Х. Попов (65,32%), А.А. Собчак (66,13%) и М.Ш. Шаймиев (70,58%) соответственно [1, с. 122, 130]. Примечательно, что избранные кандидаты представляли группы, в последующем сыгравшие значительную роль в политических процессах десятилетия, – представители демократическо-реформаторских движений и сторонник большей региональной автономии вплоть до суверенизации национальных территорий. Опыт регионов-пионеров стали примером для последующих избирательных кампаний, проходивших до конца года еще в 6 республиках в составе РСФСР.

Усугубление политического кризиса в стране все же побудило руководство России к решительным действиям. После провала августовского путча ГКЧП Б.Н. Ельцин подписал Указ Президент РСФСР от 22 августа 1991 г. № 75 «О некоторых вопросах деятельности органов исполнительной власти в РСФСР», учреждавший институт краевых и областных администраций, главы которых в течение переходного периода должны назначаться на должность и увольняться по решению руководителя государства [5]. Под предлогом борьбы с организаторами государственного переворота в 63 регионах глава государства вскоре назначил новых руководителей, как правило, из членов местных организаций демократической направленности. Однако действие президентского акта не распространялось на республики в составе РСФСР, чем федеральный центр пизнавал частичную утрату контроля над политическими процессами в национальных субъектах.

Лишь к моменту почти полного демонтажа прежней советской организации исполнительной власти 24 октября 1991 г. был принят Закон РСФСР № 1803-I «О выборах главы администрации», продолжавший и развивавший положения президентского указа и учитывавший самые смелые инициативы Конституционной комиссии. Так, главой администрации области избирался гражданами РСФСР на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Выборы назначались областным Советом народных депутатов не позднее, чем за 2 месяца до дня голосования, их проведение возлагалось на окружную и участковые избирательные комиссий. Право выдвижения кандидатов предоставлялось общественным объединениям и массовым движениям, коллективами предприятий, учреждений, организаций, а также посредством сбора подписей избирателей (не менее 1% от общего числа), собраниями избирателей по месту жительства. Регистрация кандидатов осуществлялась окружной избирательной комиссией. Избранному кандидату требовалось заручиться поддержкой относительного большинства избирателей, но в его поддержку должно быть отдано не менее 25% голосов [2]. Однако претворению в жизнь реформы объективно препятствовали события конца 1991 – начала 1992 гг. Во-первых, действие закона снова не удалось распространить на все части Российской Федерации, и республикам разрешалось проводить выборы глав исполнительной власти (также именуемых президентами) по самостоятельно определяемым правилам после согласования процедуры с Верховным

Советом РСФСР [3]. Во-вторых, старт рыночных реформ ухудшал условия жизни подавляющего большинства избирателей и, как следствие, мог стать причиной политической реакции, в результате которой регионы могли возглавить оппоненты демократических преобразований. Компромиссом стал годичный мораторий, отложивший обсуждение вопроса проведения выборов до декабря 1992 г. [7]. Поэтому первые прямые выборы руководителей администраций регионов были проведены лишь в апреле 1993 г. в Красноярском крае и Амурской, Брянской, Липецкой, Орловской, Пензенской, Смоленской, Челябинской областях.

Таким образом, на завершающем этапе перестройки общественно-политической жизни общественно-политические силы пришли к консенсусу по вопросу привлечения населения формирования органов исполнительной власти автономных и территориальных образований РСФСР. В указанный период впервые в отечественной истории состоялись прямые всенародные выборы региональных руководителей. Однако переход к выборности глав всех субъектов федерации оказался законодательно закреплен только после путча ГКЧП, на излете советской государственности, а реализован на практике лишь после прекращения существования СССР.

Список источников и литературы

1. Иванов, В.В. Глава субъекта Российской Федерации. Историческое, юридическое и политическое исследование (История губернаторов): в 2-х т.: Т. 1, кн. 1 / В.В. Иванов. – М.: «Издание книг ком», 2020. – 600 с.

2. О выборах главы администрации: закон РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1803-1 (утратил силу) // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 45. – Ст. 1491.

3. О главах исполнительной власти республик в составе РСФСР: постановление Верховного Совета РСФСР от 11 октября 1991 г. № 1741-1 (утратило силу) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 42. – Ст. 1328.

4. О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики: декларация Съезда народных депутатов РСФСР от 12 июня 1990 г. № 22-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1990. – № 2. – Ст. 22.

5. О некоторых вопросах деятельности органов исполнительной власти в РСФСР: указ Президента РСФСР от 22 августа 1991 г. № 75 (утратил силу) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 34. – Ст. 1146.

6. О Проекте Конституции РСФСР, подготовленном Конституционной комиссией в соответствии с Постановлением Съезда народных депутатов РСФСР от 16 июня 1990 г. // Конституционный вестник. – 1990. – № 4. – С. 24.

7. Об организации исполнительной власти в период радикальной экономической реформы: постановление Съезда народных депутатов РСФСР от 01

ноября 1991 г. № 1830-1 (утратило силу) // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 44. – Ст. 1455.

8. Попов, Г.Х. Перспективы и реалии: о стратегии и тактике демократических сил на современном этапе / Г.Х. Попов // Огонек. – 1990. – № 51. – С. 4-7.

9. Ширко, Т.И. Выборы глав исполнительной власти субъектов Российской Федерации в 1990-2012 гг.: эволюция законодательства и обеспечение избирательных прав граждан / Т.И. Ширко // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – № 1. С. 113-117.

Микулич Даниил Игоревич
магистр 1 курса ФГБОУ ВО «Елецкий государственный
университет имени И.А. Бунина»
Россия, г. Елец
E-mail: danil.mikulich@yandex.ru

РОЛЬ СОВЕТСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В 1930-Е ГОДЫ

Аннотация: *в статье рассматривается состояние исторического образования в 1930-е годы. Исследуется и анализируется специфика влияния исторического образования на формирования идеологического мышления советских школьников. Отдельно рассматривается аспекты влияния партийных организаций на методику преподавания истории в общеобразовательной школе.*

Ключевые слова: *история России, историческое образование, идеологическое мышление, революция 1917 г., образовательная политика.*

THE ROLE OF SOVIET HISTORICAL EDUCATION IN THE FORMATION OF IDEOLOGICAL THINKING IN THE 1930 YEARS

Abstract: *the article examines the state of historical education in the 1930s. The specifics of the influence of historical education on the formation of the ideological thinking of Soviet schoolchildren are investigated and analyzed. The aspects of the influence of party organizations on the methodology of teaching history in secondary schools are considered separately.*

Keywords: *history of Russia, historical education, ideological thinking, revolution of 1917, educational policy.*

Исторический путь развития школьного образования всегда четко отражал общее настроение в стране т.к. именно школа позволяла влиять на еще не сформированные личности и прививать им идеалы необходимые для власти.

Коммунистическая власть видела школьное образование одним из ключевых факторов успешного идеологического воспитания, уделяя особую роль ис-

торическому и обществоведческому образованию. В период 1930-х происходит реформирование образования, основными целями становятся не подготовка и воспитания ребенка, а «подготовка воинствующего строителя социализма, воспитание ценных граждан для общества»; происходит массовая «зачистка» преподавательского состава, которые не хотят быть «орудием коммунистического просвещения масс» [12].

Далее наблюдается процесс реформирования основных принципов обучения истории в угоду идеалогическим целям нового государства. В 1934 году выходит постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О преподавании гражданской истории в школе» от 15 мая 1934 г., в котором подвергается жесткой критике «безэмоциональная методика» преподавания истории [6, с. 11-12]. В 1935, 1936 и 1937 годах продолжается активное изменение основных принципов преподавания истории, народный комиссариат просвещение разрабатывает новые методические пособия, история как обязательный предмет вводится в начальной школе [7]. Основным принципом преподавания становится концентрация внимания обучающихся направленная на эмоционально-психологические причины того или иного исторического события. Данное изменение должно было привести к формированию эмоциональной сопричастности к государственной жизни у обучающихся. Эмоциональность исторического материала была признана основополагающим фактором успешного патриотического и идеологического воспитания будущих советских граждан в необходимом для власти направлении. В методических рекомендациях для педагогов истории особое внимание уделялось тому, что исторические события должны быть поданы в таком контексте, чтобы обучающиеся «были готовы бороться за великое дело рабочего класса» [12].

Главным критерием оценки работы учителя истории было на собственном примере показать готовность принять участие в «общественно-политической работе». Преподавание географии, истории, литературы, Конституции СССР были подчинены практике пропаганды культа Сталина/ Такая ситуация усугубилась после постановлений СНК СССР и ЦК ВКП(б), принятых в мае 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» и «О преподавании географии в начальной и средней школе» [8, с. 124-128].

Специальными постановлениями об издании и продаже школьных учебников была осуждена практика дестандартизации учебников, отменено издание «рабочих книг» и «рассыпных учебников», предписано иметь по каждому предмету единый стабильный учебник. Это правило хотя и было полезным в некотором отношении, особенно для сельских школ с их невысоким уровнем квалификации учительских кадров, но, тем не менее, заложило основы унификации учебного материала и методики, поставило процесс обучения под жесткий контроль. Унификации процесса обучения служили и другие постановления СНК и ЦК партии: «О структуре начальной и средней школы в СССР», «Об организации учебной работы и внутреннем распорядке в начальной неполной средней и средней школе» [8, с. 124].

Для учителей истории проводились учебно-партийные конференции, где партия ставила конкретные задачи для реализации. Так на конференции 14 февраля 1935 года при отделе культуры и пропаганды Горьковского краевого комитета ВКП (б) подчеркивался политический характер преподавания истории. Инструктор отдела пропаганды Заваленков указывал на то, что «история – это более, чем какая партийная наука», историческая наука должна быть наполнена партийными идеями и политическим содержанием. Особое внимание уделяется тому, что история служит средством формирования «правильного мировоззрения» для обучающихся. Основной проблемой данного периода стало отсутствие пригодной учебной литературы, которое ставило перед преподавателями задачу придерживаться единой идеологической линии опираясь только на собственные суждения, что сказалось на распространении идеологической мысли [5, Д. 2507. Л. 21].

Так для решения проблемы распространения идеологии в 1936 году СНК СССР и ЦК ВКП (б) издал постановление, в котором говорилось, что «И.В. Сталин совместно с А.В. Шестаковым заняли 2-е место в конкурсе учебников по истории». Содержание учебников должно быть основано на принципе доступности исторического материала для всех ступеней обучения. В соответствии с этим издавались партийные рекомендации для учителей, где ставилась задача постепенного «подведения обучающихся к марксистскому пониманию истории» [12].

В 1936 г. принимается новое постановление о подготовке учебников по истории. До этих историкам было поручено к июню 1935 г. подготовить новые учебники. В августе Сталин вместе со Ждановым и Кировым «…подверг суровой критике конспекты учебников» [4].

Была осуждена историческая схема М. Н. Покровского как «антинаучная», хотя он неоднократно высказывал свою приверженность марксистскому подходу в истории. В начале 1936 г. публикуется ряд партийных и правительственных документов, в которых подчеркивается, что «подъем исторического образования в СССР имеет важнейшее значение для дела нашего государства, нашей партии и для подрастающего поколения» [7].

Вторая половина 1930-х годов была тесно связана с формированием военно-патриотического настроения в стране. Курс истории был направлен на развитие патриотических чувств у обучающихся и готовности защищать свою страну, каждый урок истории должен был «прямо воздействовать на сознание обучающихся и формировать нужные этапу времени понятия и идеалы».

«Правильное» историческое образование коренным образом повлияло на общее настроение советских школьников. Именно благодаря историческому и обществоведческому образованию к началу 1940-х годов власти удалось воспитать советских школьников с правильным идеологическим мышлением [1, с. 89-95].

Данный период был продиктован подготовкой к мобилизованности к военным действиям всех школьников в целом. Уроки истории приобрели характер военной партийной пропаганды.

Данная историческая пропаганда являлась основой героизма советских школьников, которое можно охарактеризовать как исторический феномен. Эффективность исторического идеологического образования в 1940-х годах было основано на эмоциональной подаче действительности для установления сопричастности.

Перед преподавателями гражданской истории ставилась задача формирования стойкого желания защищать свою Родину. Для достижения данного эффекта использовались различные методы обучения, среди которых активно применялась художественная и историческая литература.

Широкие возможности в достижении эффекта эмоционально-чувственного восприятия событий отечественной истории школьниками предоставляет использование художественной литературы. Яркий образ и увлекательный сюжет как выразительные средства литературных произведений являются практически незаменимыми в том случае, когда задачей урока становится достижение сопереживания и сочувствия героям как носителям определенной идеологии. Учителя истории активно применяли метод изучения исторических романов, где дается полная картина исторических событий. Как указывалось, в рекомендациях партии о исторических романах: «он вызовет у них ненависть к эксплуататорам и поработителям и чувство сочувствия к угнетенным классам, чувство правильности за произошедшие революционные события в стране» [2].

В условиях преобразовании активно применялись произведения советских писателей, которые воспевали режим социализма и воспитывали коммунистические идеалы у школьников. На уроках истории формировалась доминанта поведения, которая формировала у школьников искреннюю любовь и готовность броситься защищать социалистическое государство. В результате реформ 1930-х годов в области исторического образования был введен и закреплен профиль «гражданская история», которая была направлена на воспитание идеологических взглядов советских граждан [9].

Как указывал А.А. Зиновьев, историческое образование выполняло свою главную задачу формирования системы идейного воспитания в условиях нового социалистического государства. Благодаря этой системе достаточно большое число людей было сделано такими, как требовалось обстоятельствами, и массы людей были приведены в такое состояние, какое требовалось этими обстоятельствам.

В начале 1930-х годов начали происходить массовые увольнения учителей истории в соответствии с идеологическими несоответствиями. На работу учителей истории привлекались бывшие крестьяне-бедняки, которые на основе собственного жизненного опыта могли сформировать правильные идеологические убеждения. Учителя вступали в партийные организации, которые формировали правильные убеждения у учителей и готовность нести коммунистическую идеологию в массы. Так, в 1925 г. членами и кандидатами ВКП(б) в педтехникумах были 9,7% будущих преподавателей истории, в 1930 – 21,9%. Среди самих же учителей в 1930 г. только 11,2% были членами партии и рост учительских партийных рядов был невелик вплоть до конца 1930-х гг. В намерени-

ях партии было обеспечение планомерного укрепления связей учителей с рабочими и установление единого коммунистического общества. В планах партийных организации было проведение политико-воспитательной работы среди учителей истории.

Д. Косарев отмечал: «классовая борьба за социализм была и является основой большевистского воспитания нашей молодежи. Наши молодые люди не появились на свет готовыми социалистами. Их воспитывали люди, у которых кроме положительных черт нравы изрядно испорчены и засорены мелкобуржуазными, частнособственническими традициями...» [5]. В преподавании истории внимание уделялось больше формированию психологической готовности обучающихся к участию в партийной жизни в стране. Главной заботой, как самих учителей, так и вышестоящих органов были, прежде всего, идеологические вопросы. На уроках часто речь шла не о исторических фактах, а создавались условия для активного обсуждения «классовой бдительности», «чистоте рядов», «чистоте марксистско-ленинского воспитания новых кадров», особа роль отводилась воспитательной деятельности.

Своеобразной формой общественной нагрузки для ряда учителей истории стало обучение ответственных работников партаппарата. Среди них даже во второй половине 30-х гг. XX в. оставалось много малограмотных. Зачастую все эти общественные нагрузки занимали больше времени, чем работа в школе.

Таким образом, целенаправленная идеалогизация, характеризующая развитие советского общества в 30-е годы XX в., в полной мере затронула систему образования.

Список источников и литературы

1. Андреевская, Т.П. Воспитательная работа на уроках истории / Т.П. Андреевская // Исторический журнал. – 1937. – № 12. – С. 89-95.

2. Бухарин, Н.И. Избранные произведения / Н.И. Бухарин. – Москва: Издательство: политической литературы, 1988. – 76 с.

3. ГАПО. Ф. 1937. Оп. 4. Д. 4. Л. 2.

4. Глушик Е.Ф. Беседы о Сталине / Е.Ф. Глушик А.Ф. Сергеев. – Москва: ЛитМир, 2006. – 320 с.

5. ГОПАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2507. Л. 21

6. О преподавании гражданской истории в школе: Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 15 мая 1934 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=1662467. Об организации конкурса на лучший учебник для начальной школы по элементарному курсу истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории: Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) // Борьба классов. – 1936. – № 3. – С. 11-12.

8. Панкратова, Е.В. Роль народного образования в идеологизации советского общества в 1930-е гг. / Е.В. Панкратова // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. – 2007. – № 7. – С. 124-128.

9. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург: Питер, 2002. – 720 с.

10. Сандомирская, И.И. Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик / И.И. Сандомирская. – Вена: Wiener slawistischer almanach, 2001. – 277 с.

11. Фохт, А.Г. Политическое воспитание на уроках истории / А.Г. Фохт // Исторический журнал. – 1938. – № 7. – С. 91-95.

12. Фукс, А.Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVII в. – 1930-е гг.) / А.Н. Фукс. – Москва: Изд-во МГОУ, 2010. – 488 с.

Некрылова Ольга Геннадьевна
кандидат исторических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет
имени И.А. Бунина»
Россия, г. Елец
E-mail: nekrylova_80@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНЦЕ 1920 – НАЧАЛЕ 1930-Х КАК ОТРАЖЕНИЕ УКРЕПЛЕНИЯ ТОТАЛИТАРНОГО РЕЖИМА В СССР

***Аннотация**: Эволюция подходов государственной политики в области школьного образования конца 1920-х начала 1930-х гг. явилась следствием процессов, обусловленных как общими закономерностями социально-экономического развития СССР в условиях ускоренной индустриализации, так и особенностями конкретного варианта построения социализма в отдельно взятой стране. С этих позиций в статье анализируется система школьного образования, которая на рубеже 1920 – 1930-х гг. рассматривалась как одно из важнейших направлений политической деятельности советского государства.*

***Ключевые слова**: история России, советская школа, государственная образовательная политика, тоталитарный режим, историческое образование, политехнический принцип.*

EVOLUTION OF PUBLIC POLICY APPROACHES IN THE FIELD OF SCHOOL EDUCATION IN THE LATE 1920S – EARLY 1930S AS A REFLECTION OF THE STRENGTHENING OF THE TOTALITARIAN REGIME IN THE USSR

***Abstract:** The evolution of public policy approaches in the field of school education in the late 1920s and early 1930s was the result of processes caused both by the general patterns of socio-economic development of the USSR in conditions of accelerated industrialization and by the peculiarities of a specific variant of building socialism in a particular country. From these positions, the article analyzes the*

school education system, which at the turn of the 1920s – 1930s was considered as one of the most important areas of political activity of the Soviet state.

Keywords: *history of Russia, Soviet school, state educational policy, totalitarian regime, historical education, polytechnic principle.*

В условиях складывавшейся сталинской административной системы образовательное пространство формировалось как составная часть общего курса на упрочение культа личности Сталина, его методов и приемов руководства партией и обществом. Именно на рубеже 1920 – 1930-х гг. началась длительная полоса реорганизаций культурно-идеологических и образовательных учреждений в сторону развертывания командно-бюрократической системы. В докладе на сессии ВЦИК, посвященной 10-летию Октябрьской революции, Нарком просвещения А.В. Луначарский прямо высказывался о тяжелом положении материальной базы народного образования. Он напомнил, что, хотя СССР преодолел показатели дореволюционной России, страна продолжала находиться по уровню грамотности на 19-м месте в Европе, по начальному образованию на 25-м, в области высшей школы – на 18-м [2, с. 70-77]. К началу первой пятилетки в расчете на душу населения расходы на просвещение в среднем были намного ниже, а на одного ученика вдвое меньше, чем в 1913 году. Объяснялось это, в указанный период, масштабностью культурного строительства, затратами на политическое просвещение, ликвидацию неграмотности и т.д. Именно поэтому, с началом первой пятилетки чрезвычайными мерами и в кратчайшие сроки решались задачи ликвидации неграмотности, введения всеобщего обязательного начального образования, массовой подготовки специалистов.

Символом смены ориентиров в образовательной политике страны Советов стал приход в 1929 г. на пост наркома просвещения вместо ушедшего в отставку А.В. Луначарского «солдата партии» А.С. Бубнова и ликвидация в 1930 г. Главполитпросвета, возглавляемого с момента его основания Н.К. Крупской. Необходимо отметить, что начавшаяся кадровая перестановка проходила в условиях ликвидации руководящих кадров Наркомпроса, его аппарата в центре и на местах. Все недостатки в работе, в том числе и объективного характера, принято было объяснять политикой «вредительства». Примечательно, что, позднее «вредительской» работой Наркомпроса и лично А.С. Бубнова объяснялась нехватка 19 тыс. учителей к началу нового 1937-1938 учебного года. Как «несправившегося» с работой сняли, а затем расстреляли и самого А.С. Бубнова.

В условиях форсированной индустриализации резко возросла востребованность со стороны государства, школы как основного источника пополнения рабочей силы страны. Планируемые темпы развития экономики требовали значительного количества квалифицированных рабочих рук. Между тем подавляющее большинство трудящихся в рассматриваемый период имели низкий образовательный уровень. По данным, содержащимся в материалах первого всероссийского съезда по политехническому образованию, в 1930 г. более 70% рабочих имели образование ниже 4 классов.

Естественно, что требования, предъявленные руководством страны к массовой школе, повлияли и на формирование ее структуры. Определяющую роль среди типов учебных заведений стали играть фабрично-заводские семилетки (ФЗС) и школы колхозной молодежи (ШКМ). В итоге данные типы школ фактически вытеснили даже традиционные семилетки, а движение за политехнизацию образования переросло в мощную политическую кампанию. Однако на практике осуществляемое политехническое обучение подменяло школу непосредственно производством. Такой подход был вызван упрощенным толкованием роли и места учебных заведений в решении общих задач реконструктивного периода. Фактически в реальной жизни ФЗС оказались растворены в производстве, что нашло отражение в тогдашнем популярном лозунге «школы – цех завода».

В целом же строительство школьной сети в годы первой пятилетки прошло под лозунгом развития всеобщего обязательства начального образования. При этом важным юридическим актом, регулирующим формирование советской системы просвещения в это период, явилось принятое 25 июля 1930 года ЦК ВКП (б) решение ввести с 1930 г. начальный всеобуч [1, с. 562]. Хотя курс на утверждение принципа всеобщности и обязательности начального обучения неоднократно провозглашался государственными и партийными органами еще с середины 1920-х гг., вследствие отсутствия в стране необходимых условий его реализация не представлялась возможной. К началу первой пятилетки качественный уровень образования в СССР был приблизительно таким же, как и в Российской империи 1914-1915 гг. По подсчетам академика М.П. Кима, к началу массовой индустриализация почти половина населения страны была «азбучно неграмотна» [5, с. 115, 218]. По этому показателю Россия не вышла даже на уровень развитых европейских стран последней четверти XIX века. Именно поэтому, в связи с начавшейся индустриализацией вопрос о начальном обучении был признан партией наиболее актуальным, а его решение приобрело политический характер. Данная кампания проходила в условиях дальнейшей унификации и огосударствления системы народного образования.

В начале 1930-х гг. партийно-государственные органы приняли серию законодательных актов, характеризующих изменение подходов школьного строительства. Важное значение в жизнедеятельности учебных заведений имели постановления ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г. «О начальной и средней школе» [4, с. 5-10] и от 15 февраля 1932 г. «Об упорядочении внутреннего распорядка в массовой школе» [4, с. 30-32], которые легли в основу решительных перемен в области отечественного образования и оказали решающее влияние на все его дальнейшее развитие. На наш взгляд, данные постановления положили конец распространению на официальном уровне теории «отмирания школ» и переходу в реальной действительности к «школе учебы», что означало и смену стратегической концепции содержания общего среднего образования.

Кроме того тенденция оформления административно-командной системы в государственном масштабе, нашла отражение и в организации школьной жизни. Так, на основе вышеуказанных постановлений был разработан Нарком-

просом РСФСР от 19 сентября 1933г. новый Устав советской школы [3, с. 530]. Он закрепил единоначалие в руководстве учебными заведениями и переход от выборности к назначению заведующих школ. Тот факт, что устав, действовал в основных положениях до 1980-х гг., наглядно свидетельствует, что с начала 1930-х советская школа полностью оформилась как единообразный и государственный учебный механизм.

Введение в 1930-1931 учебном году всеобуча потребовало ускорения темпов подготовки педагогических кадров. В стране была создана широкая сеть краткосрочных курсов, готовивших по сокращенным программам будущих педагогов. Необходимо отметить, что и досрочный выпуск студентов педвузов, и увеличенные выпуски слушателей краткосрочных курсов проходили под лозунгами того времени - «социалистического соревнования», «встречных планов» и т.д. 31 августа 1930 г. коллегия Наркомпроса РСФСР вынесла решение «Об организации заочного образования», в соответствии с которым в наиболее крупных педвузах создавались заочные секторы. Интересно, что дипломы выпускников заочного сектора обучения приравнивались к дипломам стационарных вузов. Именно поэтому, массовый приток вчерашних рабочих и крестьян в вузы и педтехникумы, ускорив количественный рост учительства, вызвал изменение его социального состава. В то же время обнаружилось недостаточная квалифицированность будущих педагогов, вследствие чего профессиональный уровень учеником значительно снизился.

Изменение подходов к системе образования в начале 1930-х гг. привело к пересмотру отношения и к историческому образованию. Историческое образование, по мнению руководства СССР должно было сыграть ключевую роль в решении проблем общественного воспитания, а возможности гуманитарных наук было необходимо в полной мере применять для формирования у молодого поколения правильного социального поведения, коммунистического мировоззрения, лояльности и преданности существующему политическому режиму. С этого момента советским правительством реализовывался грандиозный проект по формированию «нового человека» - патриота, готового к жертвенному служению Отечеству.

Поиск нового подхода к преподаванию истории прошел сложный путь в 1920-е гг. от полного отрицания и введения интегрированных дисциплин, до возвращения самостоятельного предмета, но уже на новых методологических позициях. К началу 1932-1933 учебного года в школы были направлены методические рекомендации с целью окончательного перехода от преподавания обществоведения к систематическому изучению курса истории. К концу 1932 г. были подготовлены примерные программы и с февраля 1933 г. школы приступили к их практической реализации. Однако, это был ещё не всеобъемлющий конкретно-исторический курс, а преподавание истории классовой борьбы. История классовой борьбы как самостоятельный предмет преподавания в средней школе удержался недолго. В 1933 г. Наркомпрос РСФСР подготовил новый выпуск программ, которые не ограничивались борьбой классов, а включали более широкий материал и полнее отражали многогранность исторического про-

цесса. Выделившись из обществоведения, а затем из истории классовой борьбы, курс отечественной истории строился сначала под названием «История России», несколько позднее – «История России и СССР», потом – «История народов СССР». Только в 1934 г. закрепилось окончательное название курса – «История СССР». Окончательное выделение истории из курса обществоведения в самостоятельный учебный предмет и переход к новой системе преподавания произошло в мае 1934 г. после принятия Совнарком и ЦК ВКП (б) постановления «О преподавании гражданской истории в школах СССР» [3, с. 166].

Одновременно перестраивалось и преподавание обществоведения. В марте-апреле 1934 г. в Наркомпросе РСФСР были выработаны рекомендации о сокращении курса обществоведения в связи с расширением курса истории. В 1932 г. обществоведение изучалось с 1 по 6 класс, а в 1935 г. – только в 5 и 6 классах по одному часу в неделю. Примечательно, что уже в 1934 г. высказывались предложения о создании учебного курса Конституции СССР, способного при наличии исторического образования выполнять функции школьного обществоведения. Именно это предложение было реализовано после принятия Конституции СССР в 1936 г.

Таким образом, именно на рубеже 1920 – 1930-х годов в системе народного образования окончательно утвердились командно-административные методы управления, что серьезным образом отразилось на учебно-воспитательном процессе. Формирование «высокоидейной личности» осуществлялось в атмосфере ужесточения тоталитарного режима в обществе, а школа выступала в роли центра, координирующего воспитательное влияние на детей, их семьи, общественных организаций и т.д. В результате совокупность новых экономических (индустриализация и массовая коллективизация) и политических (культ личности вождя) условий привела к тому, что созданная школа с ее жесткой стандартизацией и идеологизацией обучения и воспитания органически вписалась в систему социально-политической жизни страны.

Список источников и литературы

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 2. Изд. 7. – М., 1954. – 676 с.

2. Луначарский, А.В. Итоги культурного строительства за 10 лет / А.В. Луначарский // Коммунистическая революция. – 1928. – № 3. – С. 70-77.

3. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. 1917-1973: сб. документов. – М., 1974. – 559 с.

4. О труде педагогов: сб. директивных законодательных и ведомственных постановлений. – Изд. 5. – М., 1937. – 240 с.

5. Советская культура в реконструктивный период.1928-1941; отв. ред. М.П. Ким. – М., 1988. – 608 с.

Оришев Александр Борисович
доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории
ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА
имени К.А. Тимирязева»
Россия, г. Москва
E-mail: Orishev71@mail.ru

ВЫПУСКНИКИ, ПРЕПОДАВАТЕЛИ И СОТРУДНИКИ ТИМИРЯЗЕВСКОЙ АКАДЕМИИ – ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

***Аннотация**: Статья посвящена выпускникам, сотрудникам и преподавателям Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К.А. Тимирязева – Героям Советского Союза. Представлены краткие сведения из их боевой и трудовой биографии, полученные в результате поисковой работы в центральных российских архивах. Показана важность изучения их подвигов для воспитания чувства патриотизма у студенческой молодежи.*

***Ключевые слова:** Герой Советского Союза; Великая Отечественная война; Тимирязевская академия.*

GRADUATES, TEACHERS AND STAFF OF THE TIMIRYAZEV ACADEMY ARE HEROES OF THE SOVIET UNION

***Abstract:** The article is devoted to graduates, employees and teachers of the Russian State Agrarian University – the Timiryazev Moscow Agricultural Academy - Heroes of the Soviet Union. Brief information from their combat and labor biographies obtained as a result of search work in the central Russian archives is presented. The importance of studying their exploits for fostering a sense of patriotism among students is shown.*

***Keywords:** Hero of the Soviet Union; Great Patriotic War; Timiryazev Academy.*

В России предыдущий 2020-й год был объявлен годом Памяти и славы. А в настоящее время в российских вузах ведется подготовка к новому юбилею – празднованию 80-летия Победы. Одним из этапов этой подготовки стало изучение биографий сотрудников и преподавателей Тимирязевской академии – Героев Советского Союза, что стало одним из научных направлений кафедры истории ведущего аграрного вуза страны.

В результате проведенной поисковой работы, включая изучение архивных материалов (документов Центрального архива Министерства обороны и Центрального военно-морского архива), удалось собрать данные о 12 тимирязевцах, которым было присвоено это высокое звание. Результатом данного исследования стала коллективная монография «Тимирязевцы – Герои Советского Союза», авторами которой выступили преподаватели кафедры истории и сотрудники академических музеев [1]. Ее презентация состоялась в мае 2021 г. и

вызывала широкий отклик у общественности. Объем настоящей статьи не позволяет нам подробно осветить жизненный путь каждого героя, поэтому остановимся только на некоторых эпизодах из их боевой и трудовой биографии.

Баранов Николай Андреевич (1893-1945). Участник Первой мировой войны, окончил одно из привилегированных военных заведений императорской России – московское Александровское военное училище на Арбатской площади. Сражался на Западном фронте в составе 25-го Туркестанского стрелкового полка. Летом 1917 г. вернулся в Москву и поступил на агрономическое отделение Петровской академии (дореволюционное название Тимирязевской академии). Став экономистом-агрономом, он совместил знания, полученные от своего отца – бухгалтера, с интересом к агрономической науке, привитый, как ни странно, в военном училище. В 1919-1920 гг. участвовал в Гражданской войне, затем сражался против басмачей в Туркестане.

В июле 1941 г. Н.А. Баранов вновь в строю. В звании подполковника отличился Николай Андреевич при форсировании Днепра. В ночь на 27 сентября 1943 г. во главе оперативной группы штаба дивизии он переправился через реку и обеспечил руководство действиями полков по созданию, расширению и удержанию плацдарма на правом берегу в районе села Днепровокаменка. За этот подвиг Николаю Андреевичу было присвоено звание Героя Советского Союза [2, л. 53].

Гранкин Иван Иванович (1924-1994). Родился в многодетной крестьянской семье. С малых лет стал работать: учётчиком, конюхом и молотобойцем. В Красную Армию был призван в августе 1942 г., в один из самых тяжелых периодов Великой Отечественной войны, когда вермахт рвался к Сталинграду. После окончания Сызранского танкового училища стал командиром танка Т-70 отдельного танкового полка, позже - командиром легендарного танка Т-34. Звание Героя Советского Союза Ивану Ивановичу было присвоено за мужество и героизм, проявленные в ходе освобождения польского города Радзеюв в январе 1945 г.: красноармейцы под его командованием уничтожили 6 противотанковых орудий, миномётную батарею, 5 автомашин с грузом, 6 дзотов, до 50 солдат и офицеров противника [3, л. 147].

В 1976-1979 гг. И.И. Гранкин трудился старшим преподавателем военной кафедры Московского института инженеров сельскохозяйственного производства (МИИСП), ставшего в 1993 г. университетом и вошедшим в историю под названием Московский государственный агроинженерный университет (МГАУ) имени В.П. Горячкина (в настоящее время – одно из структурных подразделений Тимирязевской академии).

Жанаев Дарма Жанаевич (1907-1945). Родился шестым ребенком в многодетной семье бедного крестьянина-скотовода. В августе 1931 г. Бурят-Монгольский обком ВКП(б) командировал его в Московский институт механизации и электрификации сельского хозяйства имени Молотова» (еще одно из исторических названий МГАУ имени В.П. Горячкина). Приняли его в институт как «парттысячника» по направлению бурят-монгольского студенчества.

С начала Великой Отечественной войны Д.Ж. Жанаев несколько раз подавал рапорты в военкомат с просьбой направить его добровольцев на фронт и в декабре 1941 г. Дарму направили в действующую армию. Служил сапером, своими умелыми действиями спас сотни жизней красноармейцев. В апреле 1945 г. был смертельно во время разминирования дома в Германии. Звание Героя Советского Союза ему было присвоено посмертно [8, л. 13, 14].

Королев Василий Иванович (1918-1994). Легендарный летчик, участвовал в советско-финской войне. В годы Великой Отечественной войны, будучи командиром эскадрильи 20-го гвардейского истребительного авиаполка, повторил подвиг Алексея Маресьева. Звание Героя Советского Союза было присвоено ему в 1943 г., в день 25-летия [5, л. 36].

В 1956 г. Василий Иванович связал свою жизнь с Тимирязевской академией. До 1988 г. В.И. Королев работал в первом отделе, что было связано с изучением и использованием документов, имевших государственный интерес по сельскохозяйственным наукам. В 1988 г. Василий Иванович – начальник штаба гражданской обороны МСХА имени К.А. Тимирязева. В этот период В.И. Королев часто встречался со студентами, работал в Совете ветеранов академии.

Кретов Николай Федорович (1909-1942). Родился 15 августа 1909 г. в городе Таганроге младшим, тринадцатым по счету ребенком в семье бедняков. В начале 1930-х годов работал в МТС, а затем поступил в Московский институт механизации и электрификации сельского хозяйства имени В.М. Молотова. Преподаватели вспоминали студента Кретова как парня богатырского телосложения, высокого, красивого, и самое главное, как очень целеустремленного молодого человека. Еще накануне войны в стенах вуза прошел переподготовку, освоив новый танк Т-34.

В первый же день войны Николай отправился в военкомат. За четыре месяца войны младший лейтенант Н.Ф. Кретов прошел путь от командира танка КВ-2 до командира роты, его подвиги – лучший сюжет для остросюжетного фильма о войне, который ждет своего часа. Только за 12 дней боев под Москвой (с 18 по 27 ноября 1941 г.) Николай Федорович Кретов вместе со своими товарищами уничтожил 14 средних и тяжёлых танков, 9 минометов, 3 орудия и около сотни солдат и офицеров противника. Справку о боевой деятельности Н.Ф. Кретова для награждения званием Героя Советского Союза подписал сам Г.К. Жуков [4, л. 2].

В августе 1942 г. Н.Ф. Кретов был тяжело ранен, его доставили в госпиталь, расположенный на территории Тимирязевской академии. Врачи пытались спасти жизнь Героя, но все усилия оказались тщетны. Раны оказались смертельными.

Михайлин Владимир Васильевич (1915-2007). В сентябре 1937 г. он поступил в Московскую сельскохозяйственную академию имени К.А. Тимирязева в Москве, а в июле 1939 г. по комсомольскому призыву стал курсантом Высшего военно-морского Краснознаменного училища имени М.В. Фрунзе. В годы Великой Отечественной войны командовал БЧ-1 и БЧ-4 тральщика-65. На

этом корабле В.В. Михайлин принял участие в поиске и спасении уцелевших транспортов печально известного конвоя «PQ-17» [13, pp. 334-345].

Морскую службу Владимир Васильевич продолжил и после войны. В мае 1963 г. В.В. Васильевича назначили первым заместителем командующего Балтийским флотом, в феврале 1967 г. – командующим. В 1969 г. ему было присвоено воинское звание адмирала, а 18 ноября 1999 г. – звание Героя Советского Союза [11, ед. хр. 594, 574.].

Петерс Георгий Борисович (1897-1978). Участник гражданской войны: воевал на Южном фронте против войск А.И. Деникина, К.К. Мамонтова и А.Г. Шкуро. Нес службу при поезде Председателя Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкого. История его жизни этого периода нам практически не известна.

В 1937 г., в самом начале сталинских репрессий Г.П. Петерсу припомнили службу у Троцкого. По некоторым данным, он был объявлен врагом народа, репрессирован в Колымский лагерь. В 1939 г., уже после расстрела Ежова, Г.Б. Петерс был полностью реабилитирован, восстановлен в звании. До войны работал военным преподавателем и начальником военной кафедры Московского института механизации и электрификации социалистического сельского хозяйства и по совместительству преподавателем кафедры военных дисциплин Московского института рыбной промышленности.

В 20-х числах июня 1941 г. полковник Г.Б. Петерс ушел на фронт. Будучи командиром 5-й гвардейской стрелковой дивизии, уже в звании генерал-майора Г.Б. Петерс отличился в Восточно-Прусской стратегической наступательной операции, когда части Красной Армии штурмовали город-крепость Кёнигсберг, за что и был представлен к званию Героя Советского Союза [7, л. 181].

Рунов Борис Александрович (1925-2017). В школьные годы научился сапожному ремеслу: ремонтировал обувь не только для семьи, но и для жителей поселка, зарабатывая тем самым на хлеб. В 1943 г. Б.А. Рунова призвали в армию. Его направили в Московское военно-инженерное училище, расположенное в Болшеве.

В самом конце войны Б.А. Рунов во время непростых переговоров, когда Борису Александровичу пришлось рисковал жизнью, ему удалось убедить 700 солдат и офицеров противника сдаться в плен. За успешную операцию и взятие в плен большой группы немцев, которые, как потом выяснилось, выходили прямиком к штабу 4-й танковой армии, лейтенанту Рунову было присвоено звание Героя Советского Союза [10, л. 69]. Тогда ему было не полных 20 лет.

Севрюков Николай Михайлович (1909-1943). В 1928 г. Н.М. Севрюков поступил в МСХА имени К.А. Тимирязева на факультет агрохимии, который в том же году был преобразован в Московский институт агрохимии и почвоведения. С 1932 г. по распределению работал в совхозах Абхазии, Ростовской и Ферганской областях.

23 июня 1941 г. Н.М. Севрюков был призван Серпуховским РВК в армию, с октября того же года отправлен на фронт. В январе 1943 г. вместе с группой своих товарищей совершил подвиг – отчаянно защищал от немецких атак важную позицию на станции Красновка Ростовской области. Все защитники по-

гибли смертью храбрых, за что были посмертно представлены к званию Героя Советского Союза.

Трушечкин Василий Григорьевич (1923-2012). Когда началась Великая Отечественная война, Василий, будучи учителем начальных классов, ушел на фронт добровольцем. Воевать он начал солдатом, был связистом, адъютантом штаба батальона. Звание Героя Советского Союза В.Г. Трушечкин получил 16 октября 1943 г. за переправу через Днепр, когда с группой добровольцев в течение нескольких часов удерживал плацдарм на правом берегу, благодаря чему удалось переправиться и другим красноармейцам [9, л. 14].

После окончания Великой Отечественной войны В.Г. Трушечкин поступил на плодоовощной факультет МСХА. Учился в академии также самоотверженно, как воевал. После окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации В.Г. Трушечкин работал директором опытной станции плодоводства МСХА имени К.А. Тимирязева, а с 1960 г. по 1989 г. директором НИИ садоводства Нечерноземной полосы. Здесь же защитил докторскую диссертацию, стал профессором. Работал научным консультантом. Продолжал заниматься вопросами производства плодов, ягод, безвирусного посадочного материала. Отважный фронтовой офицер стал выдающимся отечественным ученым в области яговодства.

Усачев Филипп Александрович (1908-1976). Родился 7 октября 1908 г. в селе Тасеево Красноярского края в семье крестьянина. В 1929 г. по рекомендации наркома земледелия СССР, Василия Григорьевича Яковенко, был направлен на учебу в Московскую сельскохозяйственную академию. В 1932 г. Филипп окончил рабфак, хотел продолжить учебу дальше, но жизнь внесла свои коррективы. В мае 1932 г. его по спецнабору призвали в Красную Армию и направили в Военно-морское авиационное училище имени Сталина в г. Ейске.

Ф.А. Усачев – участник Великой Отечественной войны с самых первых ее дней. На его счету организация бомбардировок вражеских войск и танков в районах озер Самро и Долгое, обеспечение в августе 1941 г. воздушной разведкой полка Е.Н. Преображенского, нанесшего первые авиаудары по Берлину.

К концу войны на личном счету Ф.А. Усачёва было более 250 боевых вылетов на разведку и бомбардировку войск противника. 20 апреля 1945 г. за «образцовое выполнение боевых заданий командования, мужество и героизм, умелое командование полком» подполковнику Ф.А. Усачёву было присвоено звание Героя Советского Союза [12, л. 21].

Шаумян Иван Константинович (1910-1992). Родился 15 октября 1910 г. в Нагорном Карабахе. И в 15 лет Ваня был вынужден покинуть родину и уехать в Таджикистан, где учился и закончил 8 классов или как тогда говорили, «прошел восемь коридоров».

В 1941 г., Иван Шаумян, будучи студентом МСХА имени К.А. Тимирязева, прервал учебу и ушел в народное ополчение, после чего его направили в регулярные войска. Сражался он под Смоленском, Вязьмой, участвовал в Курской битве. Звание Героя Советского Союза было присвоено ему за форсирование Днепра.

После окончания Великой Отечественной войны И.К. Шаумян защитил кандидатскую диссертацию на кафедре овощеводства. Долгое время работал директором учхоза «Отрадное», который под его руководством полностью преобразился. Построил для рабочих жилые дома и переселил их из бараков. В 1961-1975 гг. возглавлял НИИ овощного хозяйства, где также восстановил работу и организовал новые перспективные научные исследования.

Представив краткий материал о 12 героях Советского Союза, нельзя не сказать еще о трех тимирязевцах: А.С. Рябчикове, А.Г. Власове и А.Г. Головко.

Студент плодоовощного факультета А.С. Рябчиков был представлен к званию Героя Советского Союза, но так как подвиг произошел в страшном 1941 г., когда Красная Армия отступала почти на всех фронтах, то Верховный главнокомандующий отложил представление до лучших времен [6, ед. хр. 256]. Мастер мебельной мастерской А.Г. Власов стал полным кавалером солдатского ордена Славы, что по льготам приравнивается к званию Героя Советского Союза, а некоторыми экспертами ставится даже выше. И еще один тимирязевец – это прославленный адмирал А.Г. Головко, вопрос о присвоении звания Героя которому актуален и в наши дни. Историческая правда такова, что в Тимирязевской академии традиционно подвиги этих трех тимирязевцев ставят в один ряд с подвигами тех, кому звание Героя Советского Союза было присвоено официально.

Список источников и литературы

1. Оришев А.Б., Величко С.Г., Рябова Н.Ю. – М.: РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева, 2021. – 114 с.
2. ЦАМО (Центральный архив Министерства обороны). – Ф. 33. – Оп. 686044. Д. 230. Н.А. Баранов. Наградные документы.
3. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 2768. И.И. Гранкин. Наградные документы.
4. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 548. Н.Ф. Кретов. Наградные документы.
5. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 561. В.И. Королев. Наградные документы.
6. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 256. А.С. Рябчиков. Наградные документы.
7. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686046. Д. 156. Г.Б. Петерс. Наградные документы.
8. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 2622. Д. Жанаев. Наградные документы.
9. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 793756. Д. 48. В.Г. Трушечкин. Наградные документы.
10. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 793756. Д. 41. Б.А. Рунов. Наградные документы.
11. ЦВМА (Центральный военно-морской архив). Ф. 3. Оп. 1. В.В. Михайлин. Наградные документы.
12. ЦВМА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 779, 858. Ф.А. Усачев. Наградные документы.

13. Bodrova E.V. Kalinov V.V. On History of Construction of Oil Refineries Supplied to the USSR under Lend-lease (1941-1945) // Nauchnyi dialog. 2020. № 8. pp. 334-345. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-334-345.

Орлов Дмитрий Сергеевич
доктор исторических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет
имени В.М. Шукшина»
Россия, г. Бийск
E-mail: orlovd2010@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ЗЕРНОПРОИЗВОДСТВА АЛТАЙСКОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х ГГ.

***Аннотация**: Производится реконструкция развития зернового хозяйства в Алтайском крае во второй половине 1980-х гг., показана его динамика, выявлены проблемы развития. Сельхозпредприятия региона нарастили продажу государству зерна твёрдых и сильных сортов, что стало признаком повышения качества производимого зерна и снижения доли кормового зерна. Большое влияние на зерновую отрасль края продолжали оказывать погодно-климатические условия.*

***Ключевые слова:** агропроизводство, аграрная политика, зерновое хозяйство, государственные закупки, Алтайский край.*

THE EVOLUTION OF GRAIN PRODUCTION IN THE ALTAI TERRITORY IN THE SECOND HALF OF THE 1980S

***Abstract:** The reconstruction of the development of grain farming in the Altai Territory in the second half of the 1980s is carried out, its dynamics is shown, development problems are identified. Agricultural enterprises in the region have increased the sale of grain of hard and strong varieties to the state, which has become a sign of improving the quality of grain produced and reducing the share of feed grain. Weather and climatic conditions continued to have a great influence on the grain industry of the region.*

***Keywords:** agricultural production, agrarian policy, grain farming, public procurement, Altai Krai.*

Цель данной статьи заключается в выявлении специфики развития зернопроизводства Алтайского края. Важное значение при этом отводится анализу динамики производства продукции и государственных закупок ценных сортов пшеницы, развитию химизации и внедрению новых агротехнологий. Алтайский край в указанный период занимал ведущее место в аграрном комплексе Западной Сибири, был крупнейшим производителем зерновых культур.

К середине 1980-х гг. ситуация в сельском хозяйстве страны стабилизировалась. Аграрный кризис 1980-1982 гг. выразился в существенном падении эффективности сельхозпроизводства, уменьшении производительности труда, росте себестоимости продукции. В 1981-1982 гг., объём аграрного производства в Сибири упал на 6,2% [7, с. 150-151]. Кризисная ситуация проявлялась в фактическом банкротстве агропредприятий, убыточности производства большинства видов сельхозпродукции, уменьшении капиталовложений в сельское хозяйство. Ускорителем аграрного кризиса выступила сильная засуха начала десятилетия, нанёсшая особо сильный удар по зерноводству.

Существенной оставалась зависимость зерноводства от погодных условий, часто приводившая к неурожаям. В поданной 28 августа 1982 г. в Политбюро ЦК КПСС от имени Л.И. Брежнева «Записке по вопросам сельского хозяйства» указывалось, что в стране «до сих пор почти половина площадей зерновых культур не получает минеральных удобрений. Плохо обеспечены хозяйства и машинами для внесения их в почву. А разве дело, что органические удобрения разбрасываются вилами или растаскиваются по полям бульдозерами? Колхозы и совхозы испытывают большую нужду в почвообрабатывающей и посевной технике для внедрения безотвальной системы обработки. Ее применение дает весомую прибавку к урожаю почти во всех зонах страны. Из года в год мы теряем много зерна из-за несовершенства уборочной техники» [3, с. 76]. Вместе с тем главным фактором кризисных явлений в зерновом хозяйстве было несовершенство хозяйственного механизма советского аграрного сектора, не создававшего необходимых экономических стимулов для увеличения объёмов продукции.

Кризис начала 1980-х гг. стимулировал правящие круги к принятию действий, направленных на замедление рецессии в сельском хозяйстве. Принятая майским (1982 г.) пленумом КПСС Продовольственная программа СССР, содержала решение реализовать ряд мероприятий по улучшению материального благосостояния колхозников, росту объёмов жилищного и культурно-бытового строительства, совершенствованию медицинского и бытового обслуживания сельского населения. Агропромышленный комплекс выделялся как самостоятельный субъект планирования и управления. Списывались долги сельхозпредприятий, повышались закупочные цены [6, с. 21-61]. Ситуация в сельском хозяйстве региона с 1983 г. в целом начала стабилизироваться.

Таблица 1. Качество реализованной государству пшеницы в Алтайском крае, в среднегодовом исчислении (тыс. т) [1, л. 8]

	Всего пшеницы	в том числе			Итого высококачественного зерна	В % к общей реализации
		сильной	твердой	ценной		
1966-1970 гг.	2244,6	32,7	73,4	636,8	742,9	33,1
1971-1975 гг.	2723,8	40,3	109,4	919,9	1069,6	39,3
1976-1980 гг.	1890,7	29,6	63,6	548,2	641,4	33,9
1981-1985 гг.	1259,9	234,1	61,8	430,3	726,2	57,6
1986-1989 гг.	1959,5	502,8	234,3	772,5	1509,6	77,0

Описанные ниже меры позволили колхозам и совхозам продавать государству зерно более высоких кондиций. Во второй половине 1980-х гг. было реализовано 77% высококачественного зерна, что значительно опережало показатели четырёх предшествующих пятилеток (33,1, 39,3, 33,9 и 57,6% соответственно) (табл.1).

Во второй половине 1980-х гг. в структуре посевов колхозов и совхозов Алтайского края произошли следующие изменения. На фоне незначительного общего роста объёма используемых сельскохозяйственных угодий и увеличения посевов кормовых культур произошло сокращение посевов зерновых с 4192,1 до 4121,4 тыс. га. К 1989 г. по сравнению с 1985 г. удельный вес посевов зерновых снизился с 65,4 до 61,7%. Доля яровой пшеницы сократилась с 43,3 до 41,2%.

Одним из факторов наращивания производства зерна во второй половине 1980-х гг. являлись более благоприятные погодные условия, чем в первой половине десятилетия. Свою роль в развитии зернового хозяйства сыграло развитие материально-технической базы сельхозпроизводства. Выросли поставки тракторов, зерноуборочных комбайнов, другой техники [4, с. 203]. Увеличились масштабы внесения в почву удобрений и обработки посевов гербицидами.

Большую роль сыграло внедрение отношений подряда и аренды, начавшееся в середине 1980-х гг. и значительно стимулировавшее развитие зернопроизводства.

Среднегодовой валовой сбор зерновых культур в колхозах, совхозах и других государственных хозяйствах в годы двенадцатой пятилетки достиг уровня 6120,3 тыс. т, существенно превышая показатели восьмой, десятой и одиннадцатой пятилеток (5204,7, 5526,6 и 4647,4 тыс. т соответственно), и лишь немного уступая результатам первой половины 1970-х гг. – 6318,1 тыс. т. [1, л. 4].

Среднегодовая урожайность алтайской зерновой нивы составила 14,5 ц/га и была выше аналогичных показателей за предыдущие четыре пятилетки. Высокими были в двенадцатом пятилетии и продажи зерна государству (2628,1 тыс. т), уступая только показателям первой половины 1970-х гг. – 3101,5 тыс. т.

Основной зернопроизводящей зоной края оставалась Кулундинская степь, дававшая в благоприятные годы львиную долю урожая зерновых культур. Максимальное производство и закупки зерновых в Алтайском крае имели место во влагодостаточные (для степной зоны) годы.

Начали внедряться так называемые интенсивные технологии выращивания зерновых культур, под которыми понималась совокупность приемов и методов ведения земледелия, обеспечивающих увеличение продуктивности пашни на основе комплексного применения средств химизации, мелиорации, комплексной механизации и внедрения передовых методов агротехники (размещение посевов по лучшим предшественникам, безотвальная вспашка и другие приемы защиты почвы от ветровой и водной эрозии). Интенсивная технология в первую очередь предполагала высокий уровень применения минеральных удобрений и ядохимикатов.

Позитивные сдвиги в зерновом хозяйстве отчасти были связаны с улучшением агротехники. Применялись почвозащитные и влагоудерживающие агротехнологии. Безотвальная обработка с оставлением стерни на поверхности поля способствовала накоплению влаги, уменьшала промерзание почвы и улучшала впитывание талых вод. В годы с малоснежной и ветреной зимой безотвальная обработка повышала влагозарядку почвы весной. Благодаря этому в первой половине вегетации пшеница меньше страдала от июньской засухи, чем при отвальной вспашке [5, с. 154].

Активизировались меры по борьбе с ветровой и водной эрозией. Расширилась высадка защитных лесонасаждений. На сильно эродированных почвах высеивались многолетние травы, на средне эродированных – осваивались севообороты с полосным размещением многолетних трав и зерновых культур, на слабо эродированных – вводились почвозащитные севообороты. Большой эффект давало введение и освоение научно обоснованных севооборотов. Это позволяло оптимизировать структуру посевов, размещать экономически значимые культуры по лучшим предшественниками.

Проводилась работа по сортообновлению зерновых культур. В 1980 г. в Западной Сибири возделывалось 25 сортов пшеницы, среди них 21 сорт мягкой и 4 сорта твердой. Основную часть пшеничного поля – 81,4% занимали среднеспелые сорта, среднепоздние – 10, среднеранние – 8,4%. Самый широкий набор сортов был в Алтайском крае. Если в 1975 г. здесь высеивали 13 сортов, то в 1980-е гг. – 17.

Продолжалась работа по улучшению агротехники возделывания хлебов. Больше внимания стало уделяться экологическим аспектам ведения земледелия. В зависимости от степени хозяйственной ценности земель, их противоэрозионной устойчивости и почвозащитной способности культур применяли разные технологии. Сильноэродированные ветроударные пески, крутые склоны, эродирующие водотоки и водоводы, солонцовые пятна засеивались многолетними травосмесями. Подвижные пески закреплялись щелеванием и облесением. Для укрепления оврагов применялись обваловывание, выполаживание и облесение. В Алтайском крае в 1984 г. зернопаровые трех-четырехпольные звенья севооборотов занимали почти 3 млн. га, звенья с многолетними травами – 1 млн., двупольные с кукурузой и зерновыми – 1,4 млн. га, зернопаровые пятипольные с полем озимых – 750 тыс. га, прифермские трехпольные с однолетними травами на сенаж – 750 тыс. га, свекловичные четырехпольные – 360 тыс. га. В 1984 г. площадь чистых паров в крае довели до 1 млн. га [2, с. 11-13].

Таким образом, в зерновом хозяйстве региона произошли следующие изменения. В структуре пашни сократились посевы зерновых культур, снизился удельный вес посевов яровой пшеницы. Совхозы и колхозы региона значительно увеличили продажу государству зерна твердых и сильных сортов, что свидетельствует о повышении качества производимого зерна и уменьшении доли кормового зерна. Стали масштабнее применяться химизация и современные агротехнологические приёмы.

Список источников и литературы

1. ГААК (Государственный архив Алтайского края). Ф.П. 1. Оп. 151. Д. 129.

2. Земля сибирская, дальневосточная. – 1984. – № 8. – С. 11-13.

3. Ильиных, В.А. Зерновая проблема в СССР в начале 1980-х гг. (Записка Л.И. Брежнева от 28 августа 1982 г. по вопросам развития зернового хозяйства) / В.А. Ильиных, Н.Ю. Пивоваров // Гуманитарные науки в Сибири. – 2017. – Т. 24. – № 1.

4. История Алтая. Том 3. Алтай в новейшую эпоху (XX – начало XXI века): в 3-х т. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. – 484 с.

5. Орлов, Д.С. Сельское хозяйство Западной Сибири во второй половине 1960-х – 1980-е гг.: динамика, организационно-производственная и отраслевая структура / Д.С. Орлов, В.А. Ильиных, С.Н. Андреенков. – Новосибирск: Сиб-принт, 2018. – 304 с.

6. Продовольственная программа СССР. Сборник нормативных документов. – М., 1985. – 283 с.

7. Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы: [кол. моногр.] / В.А. Ильиных, С.Н. Андреенков, В.М. Рынков [и др.]. – Новосибирск, 2012. – 408 с.

Платонова Мария Юрьевна
Учитель истории
МБОУ «Лицей им. С.Н. Булгакова» г. Ливны
Россия, г. Елец
E-mail: platonova.mashka@yandex.ru

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПИОНЕРИИ В СССР

Аннотация: *В статье рассматривается период возникновения пионерии в СССР. Описываются причины возникновения, указывается цель пионерии, подробно рассказывается об атрибутике пионерского движения. Подробно изучаем этапы перехода от скаутизма к пионерскому движению – опираясь на историю России.*

Ключевые слова: *скауты, пионеры, коммунизм, патриотизм, отряды, советская власть, советы, организации, дети.*

THE HISTORY OF THE EMERGENCE OF PIONEER IN THE USSR

Abstract: *The article examines the period of the emergence of pioneer in the USSR. The reasons for the emergence are described, the purpose of the pioneer is indicated, and the attributes of the pioneer movement are described in detail. We study*

in detail the stages of transition from scouting to the pioneer movement – based on the history of Russia.

Keywords: *scouts, pioneers, communism, patriotism, detachments, Soviet power, soviets, organizations, children.*

Гражданская война 1917-1920 гг. привнесла в новую республику голод, волну беспризорности и безнадзорности детей. Оставшись без должного ухода, контроля и надзора, они «выпали» из системы ценностей общества того времени. Не имея четких жизненных ориентиров и принципов морали, дети стали искать защиту в так называемых шайках, бандах, группировках, где подвергались различного рода эксплуатациям. В таких условиях молодое государство начало создавать первые детские дома, школы-коммуны. Требовалось не только вернуть детей к нормальной жизни в обществе, но и объединить их на общей идейной основе.

На помощь в розыске детей привлекалось специальное детское движение – скауты. Созданное еще императором Николаем II в 1908 году, и с самого начала скаутское движение не было связано с политикой и являлось добровольным. Цель которого было – подготовить юношей к взрослой жизни и научить их самостоятельности и ответственности. Воспитание было не только физическим, но и духовным [7, с. 65]. Император был увлечен книгой «Скаутинг для мальчиков» Баден-Пауэла и поэтому загорелся воплощением этой идеей в России. В 1908 году он повелел создать «Школу строя и гимнастики» [7, с. 70]. Мальчики были одеты в военизированную форму, учились азам военной службы, маршировали с деревянными ружьями. В ряды скаутов даже вступил цесаревич Алексей и был зачислен «урядником» в один из петроградских отрядов. Благодаря штабс-капитану лейб-гвардии Олегу Пантюхову в Павловске состоялся первый сбор отряда русских скаутов. В 1909 году книга «Юный разведчик» была издана в России тиражом 25000 экземпляров и разослана во все гимназии [8, с. 108]. Отряды скаутов были созданы во всех крупных городах российской империи. Был создан Всероссийский союз обществ скаутов, издавались журналы «Русский скаут» и «Будь готов» [8, с. 111]. Движение развивалось с огромной скоростью и к 1919-м гг. их уже стало около пятидесяти тысяч. В годы Первой мировой войны отряды скаутов помогали раненым, беженцам, работали в госпиталях, занимались благотворительностью. Они помогали разыскивать беспризорных детей, организовывали отряды детской милиции и оказывали им различную социальную помощь [1, с. 48]. Многие скаутские вожатые были военными. В гражданскую войну часть скаутских отрядов выступало на стороне белогвардейцев и вынуждено было эмигрировать, часть присоединились к комсомольским отрядам, а остальные не определились со своим выбором.

В 1918 году только что созданное Всероссийское общество «Русский скаут» было признано большевиками как буржуйским и оно было запрещено. И едва возникнув, комсомол объявил войну скаутскому движению, видя в нём своего соперника. Уже на первом съезде РКСМ в 1919 году было принято решение о роспуске и запрете скаутских отрядов [1, с. 71].

В коммунистических кругах стала ощущаться необходимость создания собственной организации для работы с детьми, надо было обеспечить отличное воспитание молодежи на основе ценностей, утверждаемых новой властью. Вначале были попытки соединить скаутские организации и основные принципы коммунизма. Создавались «юные коммунисты-скауты», которые носили галстуки красного цвета, «пролетарские скауты», отряды «юковцев» или «юкскаутов» (юных коммунистов-скаутов») и многие другие [8, с. 169].

Первым полноценным началом пионерского движения стал юкизм. Это название было образовано от аббревиатуры ЮК-юный коммунист. Основателем движения стала Вера Бонч-Бруевич. Она была супругой очень близкого соратника и друга В.И. Ленина большевика Владимира Бонч-Бруевича. Но в юкизме не было ничего нового, по форме, содержанию это был тот же скаутизм, только было изменено название организации, форма клятвы и поведение детей. Вера Бонч-Бруевич умерла от испанки в 1918 году и без ее участия, эта организация быстро прекратила свое действие [4, с. 27]. Надежда Крупская обвинила это движение в «рабском подражании бойскаутизму» и «фразеологии архибуржуазного характера». Нужна была новая организация, которая должна была отвлечь внимание детей трудящихся от классовой борьбы путем воспитания и строительства новой счастливой жизни.

Эта идея была сформулирована Н. К. Крупской – женой В.И. Ленина. В 1921 году она, как председатель Главполитпросвета, выступила с докладом «О бойскаутизме», в котором рекомендовала использовать принципы и методы скаутов. Она выступила с концепцией создать такую детскую организацию, что бы она походила на прежнюю «скаутскую по форме, и коммунистическую по содержанию» [4, с. 49]. Данное детское объединение должно было совместить в себе все самые светлые стороны прежнего скаутского движения. Но комсомольские лидеры были против, так как скаутинг был создан при царском режиме и не подходил для молодой советской республики.

В 1922 г. была выдвинута идея о применении различных скаутских методов не среди комсомольцев, а среди девочек и мальчиков и создании детского коммунистического движения – ДКД. При ЦК РКСМ было создано Центральное бюро детских групп (Главквартира юных пионеров) в которое вошли О. Тарханов, А. Луначарский, Н. Крупская и бывшие скаут-мастера (И. Жуков, А. Брюшков, А. Самцов, В. Самцов) [4, с. 73]. Советский педагог Иннокентий Жуков был идеологом скаутизма и благодаря ему пионерская организация взяла так много от скаутов: (структура организации (отряды, патрули, звенья), форма, символы, призыв «Будь готов», законы, обычаи, походы, лагеря и много другое). Он предложил назвать новую организацию пионерской, а ее участников-пионерами. Название детской организации было взято у канадского писателя Эрнеста Сетона-Томпсона, которым в 1902 году был организован «индейский лагерь» [5, с. 108]. Писатель был поклонником индейской культуры и стремился научить детей жить в гармонии с природой. А слово «пионер» в переводе с французского означало первопроходец. Под нажимом Н. Крупской была сформирована специальная комиссия, и в 1922 г. в стране возникли пер-

вые группы пионеров имени Спартака, стала даже выходить газета «Пионерская правда» [4, с. 89].

Первые пионерские отряды начали создаваться в февраля 1922 года в Москве. 13 февраля на базе 16 типографии на Красное Пресне прошел пионерский сбор первого отряда. Им руководил бывший скаутмастер, комсомолец Михаил Стремяков [5, с. 112].

19 мая 1922 года на II Всероссийской конференции РКСМ была принята резолюция «Детское движение». На этой конференции постановили распространить опыт деятельности московских пионеров на всю страну. Этот день был признан как день рождения Пионерии. До 1924 года пионерская организация носила имя Спартака [2, с. 186]. Руководители комсомола посчитали, что именно такое название будет символизировать силу, смелость и патриотизм членов организации. Целиком название звучало так: детская коммунистическая группа имени Спартака. Такое имя пионерские организации носили в течении двух лет. После смерти В.И. Ленина в 1924 году организации присвоили новое имя. В 1926 году появилось новое официальное название: Всесоюзная пионерская организация имени В.И. Ленина [2, с. 204]. Оно сохранилось до конца существования движения. Руководство деятельностью пионерской организации осуществлял ЦК ВЛКСМ. Первые пионерские отряды, которые объединяли детей рабочих и крестьян, создавались в пролетарское среде и работали при комсомольских ячейках заводов, фабрик, детских домах, сельсоветах, сельских и производственных партийных ячейках, комсомольских и профсоюзных клубах. Участники пионерских отрядов участвовали в субботниках, помогали в борьбе с детской беспризорностью и ликвидацией безграмотности. В школах стали создаваться форпосты-передовые отряды школы [9, с. 94]. Они строились по принципу: класс-отряд, школа-пионерская дружина.

Скаутов, вскоре, Советская власть объявляет «контрреволюционным», «монархическим» движением [7, с. 87]. По итогу чего – скаутов начали преследовать, срывать символику, репрессировать. Оставшиеся отдельные отряды скаутов, которые не хотели становиться пионерами, отлавливали. Большинство молодых людей попало в Соловецкие лагеря. Пионеры считали скаутов своими смертельными врагами, их называли «буржуйскими сынками» [6, с. 15]. Между ними случались драки и столкновения. Каждый пионер помнил, что скаут – такой же враг пионера, как буржуй-враг рабочего. И пионеры в свою очередь помогали большевикам в этом: было создано молодежное общественное движение «Бей скаутов!» [6, с. 19].

Несмотря на это, пионерское движение во многом было построено именно на скаутском движении. От скаутизма в пионерской организации сохранились многие элементы, как самоуправление, игровые формы воспитательного процесса участников, координация детей по отрядам, институт вожатых, походы и сборы у костра и многое другое. Например, символы – пионеры использовали несколько видоизмененную символику скаутов: красный галстук (вместо голубого), белая блуза (вместо зеленой), даже скаутский девиз и ответ на него: «Будь готов!» «Всегда готов!» [9, с. 121]. Скаутский значок с тремя лепестками

лилии заменили на пионерский с тремя языками пламени костра, что означал III Интернационал. У скаутов галстук применялся как элемент одежды, который мог использоваться в походе (перевязать рану, снять горячий котелок с костра). А у пионеров – это символ связи трех поколений – пионеры, комсомольцы и коммунисты. Вначале галстук даже не имели право завязывать, а скрепляли специальным зажимом. На нем был изображен костер «революции» из пяти поленьев (пять континентов), серп, молот и пионерский девиз «Всегда готов!» [5, с. 172]. Когда Коминтерн был распущен, зажимы убрали, и пионерский галстук стали завязывать узлом. Ношение галстука было обязательным, так как красный галстук-частичка боевого знамени [5, с. 175].

Барабан и горн также были переняты у скаутов. В первые пионерские годы барабан и горн использовались для сопровождения пионерского отряда, использовались на торжественных линейках и сборах. Барабан хранился на специальной стойке в пионерской комнате рядом со знаменем пионерского объединения [3, с. 134] .

Таким образом, хоть пионеры преследовали скаутов, но в то же время много чего перенимали от них и использовали уже от своего имени. Но существовали, конечно, и явные различия между двумя движениями: скаутские отряды были строго однополыми, а в пионерских отрядах состояли одновременно и мальчики и девочки. Скаутское движение не зависело от государственного контроля и политических партий, а пионерское движение контролировалось Коммунистической партией и включало в себя обучение и соблюдение всех коммунистических принципов.

У новой пионерской организации готового гимна не было и в мае 1922 года на одном из совещаний в Центральном комитете комсомола композитору Александру Жарову было поручено в двухнедельный срок написать патриотическую пионерскую песню. Во время посещения оперы «Фауст» в Большом театре Жаров услышал «Марш солдат» композитора Шарля Гуно. Эта композиция была взята за основу, ее обработали, придали музыке другой характер и переделали под пионерский горн. Так появился гимн пионеров «Взвейтесь кострами, синие ночи» [9, с. 154].

Принципы скаутского движения – вера в Бога, преданность данному ранее обещанию, присяге. Само обещание строится на трех принципах: долг перед Богом, долг перед Родиной и окружающим, долг перед собой. Основной принцип пионерского движения – молодой строитель коммунизма, трудится на благо Отечества, готовиться стать его защитником [9, с. 161].

Если у скаутов одним из принципов была вера в Бога, то важнейшей заповедью пионера была борьба с религией. Пионер, который отмечал церковные праздники и ходил в церковь, подвергался насмешкам и осуждению со стороны старших комсомольцев. Пионеры не только сами не должны были верить в Бога, но и агитировать в этом своих товарищей и родных. В связи с этим возникали всевозможные стычки и недопонимания в семье [6, с. 33].

В пионерскую организацию принимались школьники с третьего класса. Прием проводили в несколько дней в году. Первый устраивали 7 ноября – в

день Великой Октябрьской социалистической революции, затем 23 февраля в день празднования Красной Армии, затем 22 апреля в день рождения В.И. Ленина. Завершающим этапом был прием 19 мая [5, с. 211]. В день вступления во Всесоюзную пионерскую организацию проводилась торжественная церемония, где ребята произносили перед группой других пионеров клятву, которую должны были выучить. Главными символами пионеров были: красное знамя, флаг, красный галстук и значок. Атрибутами были: горн, барабан, форма. Среди ритуалов и традиций были салют пионеров, парад пионеров, несение караула и поднятие флага [6, с. 38].

Советская власть считала, что дети – это будущее страны. Поэтому все силы молодой республики были брошены на воспитание и обучение всех граждан. Основной целью создание пионерской организации было воспитание молодого поколения в соответствии с коммунистическими идеями. Из этого вытекали следующие задачи: качественное и всестороннее развитие детей, мотивация к успешной учебе, приобщение к спорту и гигиене, выработка командного духа товарищества и взаимовыручки, и патриотическое воспитание [6, с. 40]. Роль Всесоюзной пионерской организации была огромна. Пионерия смогла взрастить миллионы настоящих юных патриотов, которые сражались с врагом и работали в тылу.

Таким образом, несмотря на то, что большевики пытались создать новое детское движение, они опирались и брали за основу то движение, которое возникло еще во времена императора Николая II. Скаутизм охватывал только детей буржуазных слоев общества и не касался политики, тем самым отличаясь от пионерии, которая, охватывала всех детей молодой республики, сделала их равными между собой и воспитала в них чувство патриотизма. Пионерия сумела вырастить миллионы настоящих юных патриотов, они не только сражались с оружием в руках, но и работали самоотверженно в тылу. Именно этот патриотизм оказался самой «крепкой военной тайной» в истории советской страны!

Список источников и литературы

1. Акатов, Н.А. Принципы организационного строительства в скаутском движении / Н.А. Акатов. – Ялта - Гурзуф: изд. Регионального скаутского бюро Евразии, 2000. – 82 с.

2. Вайсберг, И.Р. Всесоюзная пионерская организация имени В.И. Ленина: монография / И.Р. Вайсберг. – М.: Просвещение, 1969. – 304 с.

3. Гордин, И.Г. Проблемы истории пионерской организации в советской педагогической литературе: монография / И.Г. Гордин. – М.: Просвещение, 1982. – 176 с.

4. Гордин, И.Г. Этапы пионерского пути: монография / И.Г. Гордин. – М.: Просвещение, 1982. – 184 с.

5. Гусев, А.И. Год за годом (пионерская летопись): монография / А.И. Гусев. – М.: Молодая Гвардия, 1970. – 224 с.

6. Десятерик, В.И. Революционные традиции – молодому поколению. Деятельность В.И. Ленина, большевиков по революционному воспитанию молодежи: учеб. пособие / В.И. Десятерик. – М.: Мысль, 1980. – 44 с.

7. Черных, В.Е. Скаутский лагерь. Практическое руководство по организации скаутского лагеря / В.Е. Черных. – М.: Изд-во «ИП», 2000. – 96 с.

8. Черных, В.Е. Твой скаутский путь / В.Е. Черных. – М.: компания «Вокруг света», 1996. – 206 с.

9. Щукин, Д.В. Детское (пионерское) движение как феномен, проект и часть социальной реальности советского общества / Д.В. Щукин // Историческое место советского общества: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием; под общ. ред. А.Б. Ананченко. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2016. – С. 202-208.

Ряполов Владимир Васильевич
кандидат исторических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет
имени И.А. Бунина»
Россия, г. Елец
E-mail: ryapol_77.ist@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ТУРКЕСТАНЕ (1918 – НАЧАЛО 1920-Х ГГ.): ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

***Аннотация**: В статье рассматриваются проблемы установления Советской власти в Туркестане в 1918 – начале 1920-х гг. с учетом влияния внешнеполитических факторов. Исследуется и анализируется специфика внутриполитической и международной обстановки в регионе в условиях начавшейся военной интервенции.*

***Ключевые слова:** Советская власть, Туркестан, интервенция, басмаческое движение, внешняя политика, геополитические интересы великих держав.*

PROBLEMS OF ESTABLISHING SOVIET POWER IN TURKESTAN (1918 – EARLY 1920s): FOREIGN POLICY ASPECTS

***Abstract:** The article deals with the problems of the establishment of Soviet power in Turkestan in 1918 – early 1920s, taking into account the influence of external political factors. The specifics of the internal political and international situation in the region under the conditions of the military intervention that has begun are investigated and analyzed.*

***Keywords:** Soviet power, Turkestan, intervention, Basmati movement, foreign policy, geopolitical interests of the great powers.*

После революционных событий 1917 г. в России Туркестан фактически находился в состоянии глубокого экономического кризиса и политической автономии. Голод, разруха, децентрализация, брожение в умах стали печальными символами того времени. Во многом это было вызвано последствиями восстания 1916 г. и Первой мировой войны, а также нараставшими социальными противоречиями между русским и коренным населением края. Падение самодержавия и постепенный захват власти большевиками еще более обострили «национальный вопрос» и породили надежды местной элиты на обретение автономии [1, с. 100]. В одной из телеграмм от коренного населения Вернинского уезда председателю Государственной думы и военному министру весной 1917 г. заявлялось следующее: «Вступление в управление страной новой власти преисполнило нас радостью» [3, с. 399].

Однако в дальнейшем на практике ситуация складывалась иначе и была далеко не радужной для центра. Характерный для историографии СССР тезис о «триумфальном шествии Советской власти» и ведущей роли коммунистической партии в истории Туркестана 1917 – 1920-х годов вряд ли соответствовал действительности в полной мере [6]. Большевикам не удалось быстро объединить многочисленные народы Средней Азии на борьбу за идеалы социалистической революции. Местное население в решающие дни 1917 г. предпочитало, в основном, занимать пассивную и выжидательную позицию. В некоторых современных исследованиях по данной проблеме отмечается, что туркестанская политика большевиков в первые годы после революции, с одной стороны, продолжала тенденции колониальной эпохи, а с другой стороны, определяла последующий характер модернизации региона [1, с. 100; 2, с. 206]. Таким образом, решение вопроса о власти было тесно взаимосвязано с решением «национального вопроса» и с учетом региональной специфики края перерастало в длительный ожесточенный конфликт между «европейцами» и «туземцами». Тем не менее, руководству РКП(б) в итоге удалось создать оптимальную на тот момент систему управления, а также начать формирование лояльной к новой власти местной национальной элиты.

Утверждение Советской власти в Туркестане во многом осложнялось также начавшейся военной интервенцией и сохранявшимся наследием в виде внешнеполитических происков со стороны некоторых держав. Их геополитические интересы были связаны не только с удобным стратегическим положением в качестве плацдарма для возможных военных действий, но и с богатыми сырьевыми ресурсами края. После Первой мировой войны в регионе оставались многочисленные австро-венгерские и германские военнопленные. Это обстоятельство усугубляло продовольственный кризис и поэтому 1 мая 1918 г. ташкентское правительство предоставило им вольную и объявило свободными гражданами революционного Туркестана, избавив себя от лишних хлопот. Однако не все из них прониклись идеями революции и многие впоследствии пополнили ряды местной вооруженной оппозиции, вновь взявшись за оружие.

Из числа ведущих мировых держав наибольшую активность с целью дестабилизации политической ситуации в Туркестане проявляла Великобритания,

традиционно стремившаяся к расширению сферы своего влияния. Географическое соседство этого края с Афганистаном и Британской Индией вынуждало англичан внимательно следить за развитием событий и продолжать так называемую «Большую игру» (т.е. геополитическое соперничество России и Англии в Центральной Азии и на Среднем Востоке) [8]. Газета «Голос Самарканда» от 27 августа 1918 г. сообщила о проезде в Ташкент с осведомительными целями английской военно-дипломатической миссии полковника Ф. Бейли и майора Л. Блэккера [4, с. 72]. В дальнейшем они вместе с бывшим генеральным консулом в Кашгаре Д. Маккартни установили связи с местной мусульманской организацией «Шура-и-Улема» и басмачами (т.е. участниками вооруженного националистического движения против Советской власти на территории Средней Азии), а также активно поддерживали антисоветскую деятельность «Туркестанской военной организации».

Англичане планировали создать в регионе «Туркестанскую демократическую республику» под политической опекой Британии. Для реализации своих планов они предоставили басмачам 100 млн. рублей, 20 тыс. винтовок, 40 пулеметов, 16 горных орудий и несколько миллионов патронов. Кроме того, в Мешхеде (Северный Иран) для поддержки возможного мятежа и последующей переброски в Туркестан велась тщательная подготовка отряда сипаев в составе 500 человек с пулеметами. Именно оттуда британский генерал-майор У. Маллесон осуществлял общее руководство и координацию действий всех антисоветских сил в Туркестанском крае в 1918-1920 гг., но затем резиденцией его штаба стал Асхабад, а в Красноводске разместился английский гарнизон. Под лозунгами панисламизма и пантюркизма британские эмиссары умело разжигали огонь национально-религиозных противоречий и оказывали финансовую и военно-техническую поддержку силам, выступавшим за отделение Туркестана от Советской России [4, с. 91]. Кроме того, они контролировали судоходство и торговлю на Каспийском море, вывозили хлопок, нефть, шерсть, ковры и многое другое.

Однако события 1919 г. (освобождение Оренбурга частями Красной Армии и восстановление железнодорожного сообщения с Туркестаном, разгром антисоветского подполья большевиками, рост антибританского национально-освободительного движения в Иране и Афганистане) заставили англичан вывести свои отряды из Закаспийской области. Не случайно в том же году на одном из совещаний британский премьер-министр Д. Ллойд-Джордж сказал следующее: «Положение в России очень скверное. Неизвестно, кто берет верх, но надежда на то, что большевистское правительство падет, не оправдалась… Германия, имея миллионы человек на восточном фронте, держала только край этой территории. Если послать теперь для этой цели тысячу британских солдат в Россию, они взбунтовались бы… Мысль о том, чтобы уничтожить большевизм военной силой – безумие» [7, с. 351].

Дальнейшие планы британских интервентов были связаны с Бухарским эмиратом. Там в течение нескольких месяцев велась подготовка 40-тысячной армии, которая вместе с белогвардейцами должна была начать наступление

против Советского Туркестана. Бухарская операция отрядов Красной Армии под командованием М.В. Фрунзе 29 августа – 2 сентября 1920 г. сорвала реализацию этих замыслов и привела к последующему провозглашению народной советской республики в Бухаре. А бывший эмир, спасаясь от плена, бежал за границу, в Афганистан.

В начале 1920-х годов англичане оказывали помощь басмаческому движению в Средней Азии. Банды басмачей щедро снабжались оружием и деньгами, привлекались к антисоветской диверсионной деятельности, стремясь нанести максимальный ущерб восстановлению народного хозяйства в регионе. В оперативной сводке штаба Красной Армии от 26 марта 1922 г. сообщалось, что против войск Туркестанского фронта сражалось около 28 тысяч басмачей [4, с. 406]. В английской пропаганде активно применялся также религиозный фактор, акцентировавший внимание подавляющего большинства мусульманского населения на «священной войне» против «неверных». Однако к успеху подобная стратегия, в конечном счете, не привела. Басмачество было разгромлено частями РККА, и Туркестан стал полноправной частью Советской России.

Помимо Великобритании, геополитические интересы к этой части Азии проявляли и другие державы, но конкурировать с «хозяйкой Индии», «владычицей морей и океанов» им было сложно. Германо-турецкое влияние в Туркестане в рассматриваемый период заметно снизилось. Это было связано, конечно, с поражением обеих союзных держав в Первой мировой войне и началом революционных процессов в них, приведших к свержению монархических режимов: Ноябрьская революция 1918 г. в Германии, кемалистское движение 1918-1923 гг. в Турции. В контексте этих событий и в связи со сменой власти в России, агентурная деятельность в Туркестане была приостановлена, но не прекращена. Опыт и наработки предыдущих лет, несомненно, остались, и требовалось рационально применить их с учетом изменившихся исторических условий.

Как следует из показаний члена контрреволюционной «Туркестанской военной организации» П.С. Назарова от 19 октября 1918 г., в крае было все еще заметно германо-турецкое влияние и даже имелись небольшие склады оружия, чего опасалась английская агентура [4, с. 82-83]. Кроме того, Фергана называлась очагом панисламизма. Такие известные исторические личности, лидеры младотурок, как Джемаль-паша, Энвер-паша, Талаат-паша и др., активно распространяли идеи национал-шовинизма и пантюркизма. В частности, Энвер-паша лично пытался организовать борьбу басмаческих отрядов в Средней Азии против частей РККА. Однако ни ему, ни другим туркам в дальнейшем сплотить разрозненные силы антисоветской оппозиции и воплотить свои идеи в жизнь так и не удалось. К концу 1920 г. в британской внешней политике заметна была тенденция к сближению с Турцией на антисоветской основе. Тем не менее, английская дипломатия не смогла помешать подписанию советско-турецкого договора 16 марта 1921 г., несмотря на определенные попытки противодействия. В итоге, в 1920-1922 гг. турецкое влияние в Туркестане стало ослабевать, а к 1930 г. практически все нелегальные общества прекратили свою деятельность. Впоследствии многие их активисты подверглись репрессиям [5, с. 69].

Подводя итоги, можно констатировать, что Советская власть в Туркестане постепенно преодолела множество внутриполитических проблем, в числе которых экономический кризис и «национальный вопрос» были наиболее острыми, и в условиях изнуряющей борьбы с интервентами, преследовавшими свои стратегические цели, приступила к великодержавной политике в регионе.

Список источников и литературы

1. Бочкарева, И.Б. «Национальный вопрос» и становление советской власти в Туркестане (1917-1921 гг.) / И.Б. Бочкарева, Ю.А. Лысенко // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 429. – С. 100-110.

2. Буттино, М. Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР / М. Буттино. – М.: Звенья, 2007. – 447 с.

3. Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сб. док. и материалов / МГУ им. М.В. Ломоносова, Ин-т всеобщ. истории РАН; [сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т.В. Котюкова]. – М.: Марджани, 2016. – 468 с.

4. Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Документы и материалы. (Редколл. Т.Е. Елеуов, Х.Ш. Иноятов (отв. ред.) и др.). Т. 1. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. – 685 с.

5. Оришев, А.Б. Германские миссии на Востоке: от Бисмарка до Гитлера: монография / А.Б. Оришев, В.В. Ряполов. – М. - Берлин: Директ-Медиа, 2016. – 240 с.

6. Халид, А. Туркестан в 1917-1922 годах: борьба за власть на окраине России [Электронный ресурс] / А. Халид. – Режим доступа: URL: https://shosh.uz/turkestan-v-1917-1922-godah-borba-za-vlast-na-okraine-rossii-adib-halid/ (дата обращения: 03.11.21).

7. Широкорад, А.Б. Англия. Ни войны, ни мира / А.Б. Широкорад. – М.: Вече, 2009. – 416 с.

8. Hopkirk P. The Great Game. The Struggle for Empire in Central Asia. – NY.-Tokyo-Lnd.: Kodansha International, 1992. – 564 p.

Сагателян Гарий Шагенович
доктор исторических наук, профессор
Международный юридический институт
Россия, Москва
E-mail: garsag@yandex.ru

УЧАСТИЕ МАЛЫХ ГОРОДОВ РОССИИ В ХОЛОДНОЙ ВОЙНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Аннотация. *Послевоенная конфронтация СССР и его союзников с США и Западом потребовала колоссального напряжения сил советского общества.*

В этой, навязанной стране холодной войне и гонке вооружений приняли участие не только ведущие индустриальные и научные центры, но и малые города России. Они внесли громадный вклад в оборонный потенциал Советского Союза, в срыв американских планов атомного шантажа, в предотвращении мировой термоядерной войны.

Ключевые слова: *холодная война; малые города Нижегородской области; выполнение оборонных заказов; укрепление обороны страны; космический корабль «Буран»; патриотизм и самоотверженность.*

PARTICIPATION OF SMALL RUSSIAN CITIES IN THE COLD WAR IN THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY

Annotation: *The post-war confrontation of the USSR and its allies with the United States and the West required a tremendous strain on the forces of Soviet society. Not only leading industrial and scientific centers, but also small Russian cities took part in this cold war and arms race imposed on the country. They made a huge contribution to the defense potential of the Soviet Union, to the disruption of American plans for nuclear blackmail, and to the prevention of a world thermonuclear war.*

Keywords: *cold War; small towns of the Nizhny Novgorod region; fulfillment of defense orders; strengthening the country's defense; Buran spacecraft; patriotism and dedication.*

Начавшиеся, после окончания второй мировой, холодная война, гонка вооружений требовали колоссального напряжения сил советского общества. В стране развернулось поистине титаническое строительство множества новых экспериментальных установок, институтов, заводов, появились ранее неизвестные отрасли индустрии, качественно новые системы вооружений [1; 10; 13]. При этом, наряду с крупнейшими индустриальными и научными центрами Москвы, Ленинграда, Свердловска, Горького, в холодной войне активное участие приняли малые города России. Страницы советской истории, связанные с этим феноменом, продолжают сохранять множество лакун.

Целью настоящей статьи является освещение роли малых городов России, ставших составной частью оборонно-промышленного комплекса страны, в укреплении обороноспособности СССР, срыве планов США и их союзников превратить войну холодную в войну горячую.

К регионам, в которых наряду с областным центром активную роль в производстве оборонной продукции играли малые города, следует отнести и Горьковскую (Нижегородскую) область [12, с. 110-117]. На примере малых городов этого региона мы попытаемся осветить их роль в холодной войне СССР с Западом во второй половине XX века.

В послевоенный период крупные предприятия Оборонно-промышленного комплекса (далее ОПК) ВПК были построены в таких малых городах Горьковской области, как Арзамас-16 (Саров), Арзамас, Выкса, Дзержинск. Выбор пал на эти города в связи с тем, что здесь была развита промышленность, имелась

серьезная научная и образовательная база, а также большое количество квалифицированных специалистов.

В 1946 году, при непосредственном участии Л.П.Берии, был создан Всесоюзный научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ). Было положено начало столице советского «ядерного архипелага» – г. Арзамас-16. На границе Горьковской области и Мордовской АССР, в посёлке Саров, было создано КБ-11, занимавшееся разработкой атомного оружия [2, с. 4-7]. Создание в Арзамас-16 первой советской атомной бомбы, термоядерного оружия, дальнейшее их качественное совершенствование не только гарантировало стратегический паритет между двумя системами, но и создало крупнейшую оборонную отрасль промышленности. Сами активные участники создания советского ядерного оружия, считали, что их труд, был своеобразным подвигом во имя спасения не только народов СССР, но и всего мира. И то, что с 1945 года на земле не было больше войн – заслуга наших создателей ядерного оружия [11, с. 222].

Без лишнего пафоса можно утверждать, что немалую роль в достижении атомщиков играла уверенность большинства работников ведущих предприятий ОПК в том, что от их работы зависит защита Отечества, зависит, быть или не быть мировой войне, быть или не быть СССР. В частности, такой была основа мотивации труда подавляющего большинства работников завода «Авангард» в Арзамасе-16. Такой подход способствовал тому, что, как правило, инженеры и работники трудились, не считаясь со временем, по 2-3 смены. Лекальщик высшей квалификации В.М. Абакумов отмечал, что во время выполнения срочного заказа ему с сыном пришлось неделю не покидать завод, пока не была выполнена работа. Начальник цеха того же завода Л.Я. Ефименко, говоря о работе коллектива в 70-е годы, подчеркивал, что она в те годы была чрезвычайно напряженной, приходилось работать по 12 часов в сутки и более, включая выходные дни. Технолог В.Б. Гончаров замечал, что на втором производстве того же завода под Новый год работа заканчивалась и в 23 часа. Но, не было, ни одного случая срыва производственных заданий. Все работали с осознанием высокой ответственности и важности порученной работы [9, с. 116, 166, 203, 208]. Именно такое отношение подавляющего большинства работников первого советского завода, серийно производящего ядерное оружие, позволило развивать производство ускоренными темпами. На «Авангарде», были проблемы с оснащением предприятия высокопроизводительной техникой. Его ветераны отмечали в воспоминаниях, что в начале 60-х годов грозное оружие выпускалось с помощью устаревшего оборудования. Механизация труда была низкой, много операций выполнялось вручную [9, с. 119].

В дальнейшем его оснастили самым передовым оборудованием. Генеральный директор предприятия, Ю.К. Завалишин отмечал, что 70-е годы прошли под знаком «Все дальше и дальше». По-прежнему главное внимание уделялось освоению и производству новых изделий. При этом вновь разрабатываемые изделия, осваиваемые заводом, по своим характеристикам значительно превосходили ранее выпускавшиеся. Потребовалось использование не только

новых достижений науки, но и самого прогрессивного технологического и высокоэффективного оборудования [6, с. 25]. В 1976 году на 25-летии завода отмечалось, что при росте численности работников в 3 раза производительность труда увеличилась в 8 раз [6, с. 46, 150]. В этих достижениях была большая заслуга их смежников. В частности, из города Заречного (Пензы-19), которые постоянно совершенствовали поставляемые на завод приборы. Понятна гордость многолетнего директора Пензенского приборостроительного завода М.В. Проценко и И.С. Ушакова, которые писали: «Оценивая пройденный путь, нужно сказать, что завод внес выдающийся вклад в производство современного ядерного оружия, в обеспечение безопасности и обороноспособности страны» [7, с. 57].

Возникший в годы предвоенных пятилеток, один из центров химической промышленности СССР – Дзержинск внес неоценимый вклад в выполнении поставок фронту разнообразной продукции во время Великой Отечественной войны. После ее окончания, был взят курс на конверсию. Самым распространенным способом проведения послевоенной конверсии в Горьковской области был «смешанный», когда предприятие продолжало выполнять военные заказы, но часть производственных площадей использовалась для выпуска гражданской продукции. Такой способ конверсии проводился на заводе № 80. После сокращения программы выпуска боеприпасов руководство предприятия встало перед необходимостью организации нового производства. В октябре 1945 года бюро Горьковского обкома ВКП(б) приняло решение – «Об организации производства гражданской продукции на заводе № 80 им. Свердлова». В результате осуществления мер, предусмотренных этим решением, на заводе значительно увеличилось производство продукции народного назначения. Со значительным опережением шло выполнение плана производства товаров широкого потребления. Так в январе их было выпущено на 101,4% к плану, а в феврале – 111,5% [5, л. 131.131 об].

Но в следующей пятилетке положение кардинально поменялось. Холодная война, развязанная Западом, привела к увеличению угрозы войны. Укрепление обороноспособности стало ключевой задачей предприятий оборонки. Поэтому, в 1950- е годы производственная программа выпуска взрывчатых веществ на Дзержинском заводе № 80 им. Свердлова в 1951 году увеличилась в 2 раза при одновременном сокращении заказов на производство мирной продукции. Для увеличения изготовления взрывчатых веществ на предприятии необходимо было произвести реконструкцию его производственных цехов. В 1951 году программа капитального строительства на заводе им. Свердлова была установлена в размере 41,6 миллиона рублей, против 15 миллионов рублей в 1950 году. Постановлением Правительства СССР от 16 марта 1951 года строительство завода № 80 в Дзержинске было признано важнейшей народнохозяйственной стройкой второй послевоенной пятилетки [3, л. 24,25]. Задачи, поставленные перед коллективом, были успешно выполнены.

Выксунский завод «Дробмаш» был крупнейшим производителем бронекорпусов для бронетранспортеров производившихся сначала на Горьковском

автозаводе (далее ГАЗ), а затем на его дочернем предприятии арзамасском машиностроительном заводе (далее АМЗ). Завод, начавший производство бронекорпусов для бронетранспортеров БТР-152 и АСУ-57 (артиллерийской самоходной установки на гусеничном ходу) в 1949 году накопил к 1960-м годам солидный опыт производства этой продукции. Однако 60-е годы оказались переломными для бронекорпусного производства предприятия. Руководствуясь постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 26 декабря 1960 года, завод взял обязательства создать мощности и освоить производство в установленных количествах нового поколения бронекорпусов для бронетранспортеров БТР-60П [8, с. 162].

Программа, утвержденная правительством, предусматривала строительство новых производственных площадей и реконструкцию старых корпусов предприятия. Но, в связи с тем, что корпуса требовались немедленно, руководство предприятия пошло на крайние меры. Был осуществлен переход на трехсменный режим работы, часть квалифицированных рабочих из других производств завода, других предприятий города перевели на производство бронекорпусов. Уже 2 августа 1961 года первые опытные образцы новых бронекорпусов были отправлены Горьковскому автозаводу на сборку. О чрезвычайной важности государственного задания свидетельствует небывалый в мирное время факт: в декабре 1961 года по согласованию с профкомом, было решено работать без выходных дней! [8, с. 162].

Выполняя программу производства бронекорпусов, заводчане внесли серьезные изменения в технологию производства, провели ряд мероприятий по коренному повышению качества продукции. Так бронекорпус существенно изменился конструктивно: была введена броневая крышка, люки для десантирования. Индекс бронетранспортеров стал БТР-60ПА [8, с. 163].

12 июня 1964 года вышло постановление Совета Министров СССР» «О мерах по увеличению в 1966-1970 гг. производства бронетранспортеров для нужд Советской Армии и поставки на экспорт». Это были разработанные конструкторами ГАЗа новые БТР-60ПБ. В связи с этим было принято решение о дальнейшей реконструкции блока № 4 завода [8, с. 164]. Общая его производственная площадь достигла после завершения работ 34 тыс. кв.м. Руководство предприятия уделяло главное внимание вопросам реконструкции 4 блока, организации производства, совершенствованию деятельности всех технических и организационных служб. Однако, несмотря на проведенную реорганизацию. Годовые задания превышали возможности созданных мощностей, возникли проблемы с качеством продукции.

Не всегда все шло гладко. Был период, когда завод, несмотря на проделанную работу по внедрению в производство передовых технологических процессов, пересмотр условий труда и оплаты рабочих, выпускал бронекорпуса с браком. Почти на каждом изделии ОТК завода выявляло большое количество дефектов и недоделок, а возврат военным представительством при окончательной приемке достигал иногда 100% предъявленных бронекорпусов [4, л. 295]. Но, благодаря тесной работе со смежниками, а также улучшению организации

и совершенствовании технологии производства эти трудности были преодолены.

Чтобы обеспечить выполнение государственного плана по бронекорпусам и башням, по согласованию с ЦК профсоюза тяжелого машиностроения все цеха блока № 4 были переведены на непрерывный, четырехсменный график работы. В таком режиме 3-х тысячный коллектив работал до 1977 года! [8, с. 167]. Это говорит о том, что государственные планы создания техники для армии зачастую носили волевой характер, не опирающиеся на реальные возможности производственных мощностей предприятий. Была формула. НАДО! Поэтому, решались задачи, которые по всем предварительным показателям для предприятий были недостижимы. «Дроббаш» наглядный пример такого волевого решения насущных задач укрепления обороноспособности страны.

70-е годы были не менее напряженными для дробмашевцев. В 1973 году вышло новое постановление правительства об организации производства бронекорпусов для БТР-70. Были разработаны и интенсивно проводились меры по дальнейшей реконструкции производства и его техническому оснащению, совершенствованию технологии производства. Однако освоение и серийный выпуск корпусов БТР-70 проходило крайне напряженно, план 4 квартала 1978 года не был выполнен. Введение в конструкцию большого числа оригинальных деталей предъявляло более высокие требования к квалификации слесарей, электросварщиков. Одновременно потребовалось улучшить подготовку производства, проектирования технологических процессов. За успешное освоение новой продукции главный инженер предприятия, вместе с группой работников Горьковского автозавода, получил Государственную премию СССР [8, с. 168].

Небезынтересно отметить, что 80-е годы практика прежних десятилетий была продолжена. Решение директивных органов о производстве нового поколения бронетранспортеров БТР-80, также потребовало дальнейшего увеличения мощностей и совершенствования технологии производства, наращивания его возможностей для выполнения поставленных правительством задач [8, с. 169-171]. В 80-е годы эти задачи выксунцы решали с Арзамасским машиностроительным заводом, куда было переведено с ГАЗа производство бронетранспортеров.

Типичным примером малого города, где преобладало «военное» производство, можно считать Арзамас. Город с конца 1950-х гг. превратился в крупный экономический центр области с мощным промышленным потенциалом. Здесь были построены такие предприятия ОПК, как Арзамасский приборостроительный завод, ОКБ «Темп», ОКБ «Импульс», которые стали разработчиками и производителями приборов для авиации. Арзамасский завод радиодеталей являлся крупным поставщиком продукции в системе Министерства электронной промышленности.

Арзамасский машиностроительный завод построенный, для производства амортизаторов для ГАЗа превратился в крупнейшего в России производителя бронетанковой техники. Причем, путь, от производства амортизаторов, до производства лучшей российской колесной бронетехники БТР-70, БТР-80, и маши-

ны XXI века – БТР-90 АМЗ прошел чрезвычайно быстро [14, с. 3, 4]. Следует отметить, что от принятого постановления Совета Министров СССР о строительстве завода в 1967 году, до ввода его в строй в январе 1972 года прошло менее 5 лет [14, с. 8]. В те годы, такие быстрые темпы были редкостью. На протяжении 70-х годов коллектив АМЗ успешно осваивал производство запасных частей к машинам ГАЗа. Достаточно сказать, что в 1979 году завод произвел 10-ти миллионный амортизатор. Успешное освоение производственных мощностей, строительство новых корпусов позволило в 1980 году организовать механосборочный цех № 5, куда было переведен выпуск армейских бронетранспортеров с ГАЗа. В 1982 году, в механосборочном цехе № 4, организуется выпуск новых спецмашин БРДМ-2 (бронированной разведовательно-дозорной машины. Разработчиком всех видов армейской техники, при этом, оставался конструкторский отдел Газа, являющийся самым авторитетным разработчиком колесной бронетехники в стране [14, с. 12, 44]. Добавим к сказанному, что такие ускоренные темпы производства разных видов колесной бронетехники диктовались возросшей потребностью армии в связи с войной в Афганистане. АМЗ в 80-е годы превратился в крупнейшего поставщика бронетранспортеров для нужд министерства обороны.

В 1978 году арзамасскому ОКБ «Темп», в качестве важнейшей государственной задачи, было поручено создание блоков управления и контроля, корневых, концевых элевонов, руля направления и балансировочного щитка (БУК6-10) для летательного аппарата «Буран» предназначенного для многоразового полета в космос [15]. «Нужно было создать безотказные блоки, на которые ложилась ответственность управления летательным аппаратом в атмосфере и совершения мягкой (безаварийной) посадки на землю. Причем от качества блоков управления и контроля рулевых систем зависели точность, надежность и исполнение посадки «Бурана». Эти блоки должны держать до восьми отказов управления. Никаких погрешностей просто не могло быть

«С помощью наших систем, вспоминает руководивший этими работами, лауреат Государственной премии СССР, Р.Х. Шарафутдинов, с военного космодрома в г. Ахтуба было проведено 5 успешных пусков моделей Бор-5 и получены уникальные данные для уточнения конфигурации «Бурана». Каждый пуск сопровождался специальным сообщением ТАСС» [15].

В результате этой работы, была великолепно выполнена посадка корабля, вспоминает другой участник этих работ М.М. Витлин «Полоса посадки длиной 5 километров и шириной 2 километра с угловым отклонением по всей длине от горизонтали в несколько угловых минут. Из космоса – это песчинка на поверхности Земли, и в эту песчинку нужно попасть. «Буран» проходит к полосе очень красиво, плавно, без рывков. Элевоны и поверхности воздушного тормоза управляемые нашими системами выходят в режим торможения. Есть касание, есть пробежка. «Буран» замер. Отклонение от центра полосы – несколько метров, пробег по полосе – несколько километров» [15]! Жаль, что это выдающее достижение советской науки и техники, которое по многим параметрам превзошло американский аналог, было предательски заброшено горбачевским

руководством. Оказался невостребованным также уникальный опыт, накопленный ОКБ «Темп» и многочисленных коллективов, участников этого грандиозного проекта.

Мы осветили лишь некоторые аспекты участия малых городов в укреплении обороноспособности страны во второй половине XX века. Но таких городов по всей стране, были сотни. И они были достойными партнерами ведущих оборонных центров в укреплении обороноспособности, обеспечении мирных условий развития для СССР и его союзников. Все это дает нам основание сделать вывод о том, что, в послевоенные десятилетия предприятия и организации малых городов, будучи важной составной частью оборонно-промышленного комплекса СССР, сыграли, безусловно выдающуюся роль в срыве планов нападения США и НАТО на СССР и его союзников, обеспечении мира во всем мире.

Список источников и литературы

1. Безбородов, А.Б. Власть и научно-техническая политика в СССР середины 50-х середины 70-х годов / А.Б. Безбородов. – М.: Мосгорархив, 1997. Глава 1. – С. 9-24, 197.

2. ВНИИЭФ. Исторический очерк. (1946-1992). – Саров: ВНИИЭФ, 1998. – С. 4-7

3. ГОПА НО Ф. 3. Оп. 1. Д. 7951. Л. 94. Д. 8016. Л. 24-25.

4. ГОПА НО. Ф. 7220. Оп. 1. Д. 57. Л. 295.

5. ГОПА НО Ф. 3. Оп. 1. Д. 5654. Л. 131 – 131 об.

6. Завалишин, Ю.К. Объект 551 / Ю.К. Завалишин. – Саров, 1996. – 150 с.

7. Заречный. История закрытого города 1958-1998; ред.-сост. А.П. Киреев. – Заречный, 1998. – 365 с.

9. Мы служили Родине. Электромеханическому заводу «Авангард» 50 лет. – Изд-е 2-ое, перераб. и доп. – Саров – Арзамас-16, 1999. – С. 116, 166, 203, 208.

10. Сагателян, Г.Ш. Опыт и уроки организации соревнования промышленных рабочих в условиях экстенсивного развития советской экономики (1960 – 1970-е гг.) / Г.Ш. Сагателян. – М.: ИРИ РАН, 1998. – С. 130-135.

11. Сагателян, Г.Ш. «Шестидесятые годы глазами очевидцев / Г.Ш. Сагателян // Советское общество: будни холодной войны; под ред. д.и.н., профессора В.С. Лельчука, д.и.н., профессора Г. Ш. Сагателяна. – Москва: ИРИ РАН, 2000. – С. 222.

12. Сагателян, И.Г. Место ВПК в народнохозяйственном комплексе Горьковской области. Специфика и особенности соревнования и мотивации труда на предприятиях оборонного комплекса / И.Г. Сагателян // Россия в XX веке. Межвузовский сборник статей. – Арзамас: Ассоциация ученых, 2002. – С. 111-116.

13. Сагателян, Г.Ш. К вопросу о роли Н.С. Хрущева в холодной войне и гонке вооружений с США / Г.Ш. Сагателян // История, факты, символы. – 2020. – № 3 (24). – С. 157-171.

14. Самаркина, В.И. Годы и судьбы: 50 лет Краснобаков. лесному техникуму / В.И. Самаркина. – Н. Новгород: Барс XXI в., 2002 (Н. Новгород: ГИПП Нижполиграф). – 171 с.

15. «ТЕМП-АВИА». Многотиражная газета ОАО АНПП «ТЕМП-АВИА». – 2013. – № 4. – С. 23-25.

Хоруженко Виктория Константиновна
кандидат исторических наук, доцент
Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал)
ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»
E-mail: smirnovavk@yandex.ru
Гуров Максим Иванович
кандидат исторических наук, доцент
Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал)
ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»
E-mail: gurov_maksim@bk.ru

ФЕНОМЕН «ЖИЛИЩНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» Н.С. ХРУЩЕВА

***Аннотация**: В статье рассматриваются отдельные аспекты жилищной политики, проводимой в СССР в период оттепели. Обращается внимание на просчеты и достижения в ходе её реализации. Исследуются особенности и характер изменений, произошедших в области массового жилищного строительства в годы нахождения на политическом Олимпе Н.С. Хрущева. Показываются изменения в повседневной жизни советского человека, получившего отдельную жилплощадь.*

***Ключевые слова:** внутренняя политика в СССР, оттепель, жилищная политика в СССР, борьба с излишествами в архитектуре.*

PHENOMENON OF “HOUSING POLICY” OF N.S. KHRUSHEV

***Abstract:** The article examines certain aspects of the housing policy pursued in the USSR during the thaw. Attention is drawn to the mistakes and achievements in the course of its implementation. The features and nature of the changes that have taken place in the field of mass housing construction during the years when N. Khrushev was on the political Olympus are investigated. The changes in the daily life of a Soviet person who received a separate apartment are shown.*

***Keywords.** domestic policy in the USSR, thaw, housing policy in the USSR, the fight against excesses in architecture.*

Личность Н.С. Хрущева и его реформы являются одной из наиболее обсуждаемых проблем истории советского общества. Одним из значительных результатов его политики стало массовое строительство жилых домов для советских людей, что до сих пор является беспрецедентным в социальной мировой практике.

Обращение исследователей к этой теме особенно возросло в начале 2000-х годов в связи с напряженностью социальной ситуации в России, с попытками правительства решить проблему доступности жилья для малоимущих граждан. [1; 3; 7; 13; 16]. В «Стратегии развития жилищной сферы Российской Федерации до 2025 года» определено, что «задача государства заключается в обеспечении граждан доступным и комфортным жильем» [14, с. 6].

Между тем, по уровню обеспеченности комнатами Российская Федерация сегодня отстает от государств – членов Организации экономического сотрудничества и развития. Так, «…в России данный показатель составляет 0,9 комнаты на человека (сопоставимый с Мексикой, ЮАР и Бразилией), а в странах ОЭСР – 1,8. Доля одно – и двухкомнатных квартир в жилищном фонде США – 1%, Канады – 2%, Испании – 3%, Германии – 12%, Франции – 18%. В развитых странах квартиры из трех и более комнат составляют 70-90% жилищного фонда» [5, с. 270]. В силу актуальности проблемы исследователи в ее решении обращаются как к практике развитых стран, так и к историческому опыту своей страны.

Проблема жилья для советских граждан стала подниматься уже во второй половине 1920-х годов. В 1928 году М.Я. Гинзбургом по решению Строительного комитета РСФСР были разработаны проекты жилых ячеек для отдельных семей, при этом они прошли практическую проверку в ряде крупных городов, таких как Саратов, Свердловск и Москва. В обсуждениях этих проектов в Секции типизации шла речь даже о строительстве лифтов в 4-5-этажных домах. [12] Однако в свете начала индустриализации эти работы были свернуты.

Темпы промышленного развития 1930-е гг. опережали темпы жилищного строительства. Как отмечал С.О. Хан-Магомедов, «всего за первую пятилетку было построено 27,5 млн. м^2, а прирост населения составил 12 млн. чел. Таким образом, на каждого нового жителя было построено 2,3 м^2» [15]. Основные ресурсы государства направлялись на постройку предприятий крупной индустрии. И это вполне объяснимо, если учитывать обстановку в мире в этот период. Тракторные и танковые заводы, авиационные и судостроительные предприятия стали мощной основой для экономического рывка, в 1930-е гг. обеспечившего вхождение Советского государства в число мировых лидеров. В дальнейшем серьезный удар по жилищному фонду СССР был нанесен в годы Великой Отечественной войны – фашистами было уничтожено 70 млн. кв. метров жилой площади [11]. Многие города в Европейской части страны нужно было не восстанавливать, а отстраивать заново. И если ключевые объекты городской инфраструктуры удалось восстановить достаточно быстро, то о жилом секторе этого сказать нельзя.

В послевоенный период в СССР на первый план вышла проблема восстановления экономики страны. Страна, втягиваясь в начавшуюся холодную войну, основные ресурсы направляла на восстановление именно тяжелой промышленности, должной обеспечить ведущие позиции советского государства в мире. Потребовалась невероятная концентрация усилий государства и общества, прежде чем Советский Союз испытал свою атомную бомбу, заложил основы для проектирования и постройки средств доставки нового оружия, заложил основы для мощного научного потенциала, способствовавшего достижению ошеломительных для всего мира результатов уже в 1950-е – 1960-е гг. Поэтому, граждане СССР, восстанавливавшие свою Родину, и не задумывались о своем материальном благосостоянии, пока ситуация не стабилизировалась. Несмотря на то, что Советскому государству удалось нарастить оборонный потенциал, средства, выделяемые на развитие социальной инфраструктуры, были явно недостаточны. Отметим, что нехватка жилья была одной из самых насущных трудностей. Даже в Москве коммунальное жилье составляло девять десятых жилого фонда, в провинциальных городах население ютилось в бараках, зачастую непригодных для нормального проживания.

Только в начале 1950-х гг., уже после смерти И.В. Сталина, 8 августа 1953 года на V сессии Верховного Совета Г.М. Маленков заявил о необходимости поворота экономики «лицом» к человеку. В своем докладе он отмечал, что «строительство жилищ осуществляется все еще плохо, планы жилищного строительства полностью не выполняются… <…>. Задача заключается в том, чтобы улучшить дело жилищного строительства, обеспечить безусловное выполнение государственных заданий по строительству и ремонту жилищ» [8, с. 20].

Именно в это время тема удовлетворения материальных нужд советского народа стала одной из самых обсуждаемых на совещаниях правительства. Между тем, строительство домов в стиле «сталинской» архитектуры было дорогим, их облицовка и украшение – не только дорогостоящим, но и затратным по времени делом. В этом смысле строительство домов нового типа – так называемых, КПД (крупнопанельных домов) становится тем выходом из жилищного кризиса, которое в короткие сроки могло обеспечить граждан СССР жильем.

Оставалось только провести идеологическую кампанию для обоснования строительства непривычных советским людям «обдирных» домов. В 1955 году была начата борьба с архитектурными «излишествами». Начало этому было положено на Всесоюзном совещании строителей, которое состоялось 7 декабря 1954 г. Здесь Н.С. Хрущев произнес речь, которая определила курс на массовое жилищное строительство типовых домов. Для современников эта речь прозвучала «как гром среди ясного неба», как вспоминал архитектор С.О. Хан-Магомедов, в будущем, академик РААСН. При этом он отмечал, что «сейчас в перспективе полувековой давности, перечитывая речи Хрущева, многочисленные постановления (1950-х годов) по проблемам строительства, я вынужден признать, что хрущевские реформы архитектурно-строительного дела по большому счету были своевременны» [15].

Итогом стала публикация постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» в газете «Правда» от 10 ноября 1955 года. Здесь было заявлено: «Советской архитектуре должна быть свойственна простота, строгость форм и экономичность решений. Привлекательный вид здания и сооружения должен создаваться не путем применения надуманных, дорогостоящих декоративных украшений, а за счет органической связи архитектурных форм с назначением зданий и сооружений, хороших их пропорций, также правильного использования материалов, конструкций и деталей и высокого качества работ». Решением ЦК и правительства было постановлено «…широко внедрять в строительство типовые проекты, смелее осваивать передовые достижения отечественного и зарубежного строительства, вести повседневную непримиримую борьбу с проявлениями формализма в архитектуре и с излишествами в проектировании и строительстве» [10].

В Постановлении ЦК КПСС и СМ СССР от 31 июля 1957 г. «О развитии жилищного строительства в СССР» был установлен план строительства на шестую пятилетку. В нем говорилось: «Установить объем государственного жилищного строительства на 1956-1960 гг. по вводу в эксплуатацию жилых домов в размере 215 миллионов квадратных метров общей площади, против 205 миллионов квадратных метров, предусмотренных Директивами XX съезда КПСС, в том числе: в 1957 году – 34 миллиона квадратных метров, в 1958 году – 42 миллиона квадратных метров, в 1959 году – 51 миллион квадратных метров и в 1960 году – 60 миллионов квадратных метров» [11].

Столь высоко поднятая планка темпов жилищного строительства потребовала принятия неординарных решений, многие из которых, как покажет дальнейшая реализация проекта, рождались на ходу, по мере практической реализации амбициозного и доселе не повторенного плана. Ключевой проблемой, вставшей перед архитекторами, явилась внешне трудноразрешимая задача: как при поддержании высоких темпов строительства «не обрушить» качество жилья.

М.Г. Меерович определил ряд актуальных задач, встающих перед исследователем при обращении к пониманию причин и механизмов изменения ряда аспектов в области жилищной политики, проводимой в период правления Н.С. Хрущева. Согласимся с автором в том, что надо учитывать корректировки в принципах формирования новой среды, возникавшей в возводимых городских районах, изменения в объеме финансирования возводимого жилья, типологии возводимых зданий, используемых технологий и конструкций, принципов контроля со стороны государства за характером и внешним видом возводимого жилья и пр. [9, с. 32].

Исследователи хрущевского периода обращают внимание и на то, что в области жилищной политики правительство взяло курс на наращивание темпов строительства, постоянно повышая количественные показатели в области доступного жилья. При этом, архитекторы должны были идти на определенные жертвы при планировке предполагаемых к возведению жилых массивов. К этому подталкивали и соответствующие постановления партии и правительства.

Так, в упомянутом выше постановлении от 31 июля 1957 года прямо указывалось, что с 1958 года, возводимые благоустроенные квартиры должны быть экономичными и предназначаться для проживания одной семьи. Местные власти обязывались изыскивать средства, должные снизить затраты на возведение жилья для советских граждан [11]. Но все же, одним из ключевых моментов здесь, по нашему мнению, выступает именно предназначение квартиры для «одной семьи». В этом смысле нельзя не согласиться с М.Г. Мееровичем, отмечавшим, что хрущевская реформа изменила ряд базовых установок советского государства в области жилищной политики [9, с. 31] и, прежде всего, понимания того, что жилье предоставляется как некая форма поощрения «наиболее активных членов советского общества». В этом смысле, самые достойные – это ударники и передовики, офицеры и люди науки, получавшие заветные «метры» в первую очередь.

Тем не менее, в новых условиях общий вектор оставался неизменным. Соответствующие НИИ нацеливались на изыскание возможностей, должных снизить себестоимость жилья уже на стадии его проектирования. Немалую роль в этом сыграл и зарубежный опыт, например, Франции, активно практиковавшей социальное строительство быстровозводимых панельных домов. Советские представители, ознакомившиеся с практическими выгодами от постройки малометражных домов, сочли важным их постройку в советских условиях [4, с. 214]. Развернувшееся повсеместно строительство домостроительных комбинатов позволило активизировать массовое появление панельных домов, которые стали расти как грибы после дождя. Это, в свою очередь, влекло за собой появление принципиально новых проектов, часть из которых так и остались проектами, а часть стали характерным признаком возникавших микрорайонов, навсегда изменивших внешние и внутренние признаки городской инфраструктуры. А она менялась разительно. Универсальные магазины, всевозможные ателье, кинотеатры, детские сады и школы дополняли облик быстровозводимых домов, составлявших основу новых районов.

Как известно, в основу быстровозводимых домов был положен, возведенный до абсолюта, принцип минимализма. Минимализма во всем. Начиная от уборных и заканчивая кухнями, уменьшаемых до предельно допустимых размеров. Однако главная цель была достигнута. Советская семья получила возможность жить в отдельной квартире.

Строительство панельных домов стало производиться темпами, которых страна еще не знала. Дома собирались как конструктор – в среднем 15 дней уходило на монтаж пятиэтажного здания, еще 10 дней – на отделку. Таким образом, панельный дом строился всего за 25-30 дней. При этом ежегодно вводились в строй все новые и новые миллионы квадратных метров жилья. В результате по темпам жилищного строительства Советский Союз в начале 60-х гг. прошлого века занял первое место в мире [2, с. 37].

Укажем, массовая застройка сказывалась и на психологии рядового советского гражданина, значительно изменившего свой повседневный образ жизни. Ведь новую квартиру надо было обустраивать новой – типовой мебелью.

Старая – крупногабаритная и «разношерстная» для этого не подходила. Ученые умы в соответствующих отделах были нацелены на конструирование и воплощение в жизнь принципиально новой по своей архитектуре мебели. Разборные столы, миниатюрные табуретки, диваны, которые сейчас бы назвали трансформерами, стали привычным атрибутом новой квартиры. Корпусная мебель позволяла разнообразить миниатюрное жилое пространство.

Компактность жилья ставила на повестку дня вопрос о возможности изыскания «скрытых ресурсов» в донельзя уменьшенной жилплощади. Стремление к удешевлению жилья вело к уменьшению толщины внутренних стен, повышая и без того высокую звукопроводимость. Наличие всего пяти этажей «избавляло» новостройки от постройки лифта, а уменьшение толщины внешних стен, ставило непреодолимые сезонные проблемы шумо- и теплоизоляции.

Учитывая, что стремительная скорость возведения жилья далеко не всегда положительно сказывалась на его качестве, можно представить круг проблем, вставших перед новоселами. Все эти моменты отражались не только в народном фольклоре, но и в кино- и телепередачах. Например, одна из киноновелл киноальманаха «Большой фитиль» – «Влип», снятая в начале 1960-х гг., показывала приключения вора-домушника Пети, блестяще сыгранного Ю.В. Никулиным. Проникнув в квартиру в новостройке, воришка так и не смог из нее самостоятельно выбраться, «благодаря» строителям, допустившим массу брака в своей работе. В конце концов, он вынужден сдаться милиции, а, в дальнейшем, перейдя на путь исправления, уже сам становится отличным строителем. Проблемы новостроек общество понимало и не только высмеивало их, но и стремилось их преодолеть. Важно другое. Советский человек получил возможность жить отдельно, что раньше массово не практиковалось. А изменение образа жизни в новых квадратных метрах демонстрировало заботу государства о своих гражданах. Пожалуй, в полной мере можно согласиться с С.О Хан-Магомедовым, что «…ориентация на посемейное заселение новых жилых домов – это был прорыв в область цивилизованного жилища. Уже за одно это Хрущеву следует поставить памятник…» [15].

В целом отметим, что плюсы от массового жилищного строительства неоспоримы, но проблемы, заложенные в этой сфере во второй половине 1950-х – начала 1960-х гг., проявятся позже и лягут на плечи следующих поколений, вынужденных решать практически нерешаемую проблему модернизации т.н. «хрущевок». Тем не менее, в годы «оттепели» жилья было построено больше, чем за предыдущие 40 лет. Советские граждане смогли ощутить себя полноправными хозяевами в своих скромных квартирах. Сократились сроки ожидания на получение заветных квадратных метров. Был дан импульс для последующего жилищного строительства уже в брежневский период, когда шло улучшение качества квартирного пространства советского человека. Это было бы невозможно без «жилищной революции» Никиты Сергеевича Хрущева.

Список источников и литературы

1. Ванюков, Д.А. Хрущевская оттепель / Д.А. Ванюков. – М., 2007. – 239 с.

2. Власов, С.А. Жилищная проблема в СССР и Холодная война [Электронный ресурс] / С.А. Власов, А.Т. Жанбоносов, М.К. Бисенгалиев // Жилищные стратегии – 2020 – Т. 7. – № 1. – Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhilischnaya-problema-v-sssr-i-holodnaya-voyna/viewer (дата обращения: 29.10.21)

3. Горлов, В.Н. Жилищное строительство в Москве как социокультурная проблема (1953-1991 гг.) / В.Н. Горлов. – М., 2005. – 499 с.

4. Горлов, В.Н. Опыт Франции в решении жилищного кризиса в СССР [Электронный ресурс] / В.Н. Горлов // Вестник Московского государственного университета. Серия история и политические науки. – 2018. – № 14. – С. 213-218. – Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-frantsii-v-reshenii-zhilischnogo-krizisa-v-sssr/viewer (дата обращения: 01.11.21)

5. Зенкина, М.В. Необходимость изменения градостроительной и жилищной политики в России [Электронный ресурс] / М.В. Зенкина, Н.Г. Митрофанов // Инновации и инвестиции. – 2020. – № 3. – С. 269-272. – Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/neobhodimost-izmeneniya-gradostroitelnoy-i-zhilischnoy-politiki-v-rossii/viewer (дата обращения: 01.11.21)

6. Коростин, С.А. Исторический опыт решения проблемы повышения качества жилья в социально-экономической политике России [Электронный ресурс] / С.А. Коростин // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 4 (52). – Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskiy-opyt-resheniya-problemy-povysheniya-kachestva-zhilya-v-sotsialno-ekonomicheskoy-politike-rossii/viewer (дата обращения: 01.11.21)

7. Лебина, Н.Б. Обыватель и реформы: картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия / Н.Б. Лебина. – СПб., 2003. – 340 с.

8. Маленков, Г.М. Речь на Пятой сессии Верховного Совета СССР 8 августа 1953 г. / Г.М. Маленков. – М.: Госполитиздат, 1953. – 39 с.

9. Меерович, М.Г. От коммунального к индивидуальному: неизученные страницы жилищной реформы Н.С. Хрущева [Электронный ресурс] / М.Г. Меерович // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. – 2016. – № 2. – С. 28-33. – Режим доступа: URL: https://vestnik.tsuab.ru/jour/article/view/146/147 (дата обращения: 02.11.21)

10. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 1871 от 4 ноября 1955 года. «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» // Правда. – 1955. – 10 ноября.

11. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31 июля 1957 г. № 931 «О развитии жилищного строительства в СССР» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5213.htm (дата обращения: 01.11.21)

12. Прения по докладу М.Я. Гинзбурга [Электронный ресурс] // Современная архитектура. – 1929. – № 1. – Режим доступа: URL: http://tehne.com/event/arhivsyachina/arhiv-sa-raboty-sekcii-tipizacii-stroykoma-rsfsr-1929#discuss (дата обращения: 01.11.21)

13. Пыжиков, А.В. Хрущевская «оттепель», [1953-1964] / А.В. Пыжиков. – М.: ОЛМА-Пресс, 2002. – 509 с.

14. Стратегия развития жилищной сферы Российской Федерации до 2025 года [Электронный ресурс] // Минстрой России. Дом. РФ. – 2017. – 21 декабря. – Режим доступа: URL: https://www.garant.ru/files/3/7/1334573/strategiya-razvitiya-zhilischnoy-sfery-rossiyskoy-federacii-na-period-do-2025-goda.pdf (дата обращения: 01.11.21)

15. Хан-Магомедов, С.О. Хрущевский утилитаризм: плюсы и минусы [Электронный ресурс] / С.О. Хан-Магомедов // Академия. – 2006. – № 4. – Режим доступа: URL: http://www.niitiag.ru/pub/pub_cat/han_magomedov_hrushhevskij_utilitarizm_pljusy_i_minusy (дата обращения: 01.11.21)

16. Шестаков, В.А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов / В.А. Шестаков. – М.: Наука, 2006. – 295 с.

Чернышева Наталья Викторовна
кандидат исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник, Институт
демографических исследований ФНИСЦ РАН
Россия, г. Москва
E-mail: natiche84@mail.ru

ГОЛОД В ТЫЛОВЫХ РАЙОНАХ РОССИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

***Аннотация**: В статье рассматриваются проблемы изучения голода в тыловых районах РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Автор обобщает опыт изучения голода военных лет, определяет необходимость использования междисциплинарного подхода к исследованию голода, выделяет проблемы изучения.*

***Ключевые слова:** голод, тыловое население, РСФСР, Великая Отечественная война.*

FAMINE IN THE REAR AREAS OF RUSSIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: PROBLEMS OF STUDYING

***Abstract:** The article deals with the problems of studying hunger in the rear areas of the RSFSR during the Great Patriotic War. The author summarizes the expe-*

rience of studying the famine of the war years, determines the need to use an interdisciplinary approach to the study of hunger, highlights the problems of studying.
Keywords: *famine, rear population, RSFSR, Great Patriotic War.*

Голод есть медико-социальная проблема, социальное бедствие, проявляющееся в нехватке продовольствия (в первую очередь), снижении качества питания и иных явлениях и проводящий к массовой гибели населения на определенной территории. Голод существует в скрытой (хронической) и явной (голодовка) формах. Тема голода для исследователей не является новой (изучение голода дореволюционного периода, голода в Поволжье, послевоенного голода).

В отечественной историографии тема голода в тыловых районах России в годы ВОВ изучена недостаточно в силу отсутствия доступа к источникам в советское время, а также необходимости многоаспектности ее изучения в последующий период. Преимущественно исследователи рассматривают голод неоккупированных территорий в контексте медико-социальных проблем населения, отдельных регионов страны (например, Урал, Сибирь), а также практик повседневного выживания (продовольственный вопрос, материально-бытовой и прочие).

Оценка же масштабов голода 1941-1945 гг. остается сложной и по-нашему мнению лишь от части выполнимой задачей исторической науки. Как отмечает демограф Л.Л. Рыбаковский: «Многие причины гибели и прежде всего гражданского населения, вообще учесть невозможно, а потому их едва ли когда-нибудь удастся количественно оценить» [12, с. 100].

На наш взгляд трудности такого исследования связаны с отсутствием официального учета голодающего населения в тылу, сложностью определения летальных исходов (причин смертности), а также восприятия населением голода (его остроты и масштабов).

В вопросах оценки масштабов голода в годы войны, историки высказывают острожные мнения, отмечая преимущественно, что в 1943-1944 гг. происходит нарастание продовольственного кризиса, который приобретал затяжной характер, у населения обостряются хронические заболевания, распространение получает септическая ангина, сыпной тиф, дистрофия. Все это позволяет говорить о приближающемся голоде в тылу в 1943-1944 гг., сдержать который частично удалось рядом мер, однако последствия войны не могли не отразиться на послевоенном кризисе.

Причины голода военных лет исследованы достаточно подробно. Длительная и кровопролитная война являлась определяющим фактором распространения голода на оккупированных территориях и в тылу. Массовые миграции, необходимость продовольственного снабжения армии, оккупация территорий (плодородных), снижение урожайности, сокращение трудоспособного населения в тылу способствовали снижению продовольственного снабжения тылового населения, а также качеству продуктов питания.

Голод затронул с разной степенью остроты как городских, так и сельских жителей тыловых районов РСФСР. В наибольшей ситуации риска оказались

семьи военнослужащих, особенно многодетные с малолетними детьми; дети-сироты; эвакуированные граждане; колхозники; мобилизованные из среднеазиатских республик рабочие; «спецпереселенцы».

О том, что голод являлся повседневным явлением, свидетельствуют воспоминания жителей тыловых районов РСФСР (голод как доминанта жизни, добывание продуктов, нищенствование, истощение и опухание от голода, смерть) [8, с. 177-192], а также архивные документы (формы статистической отчетности медицинских учреждений, конъюнктурные обзоры по заболеваемости, докладные записки должностных лиц государственных учреждений и партийных органов и пр.).

Далее остановимся на последствиях голода, важнейшим из которых являются рост заболеваемости и смертности населения.

В Советской России вспышки септической ангины наблюдались в годы Гражданской войны, голода 1930-х годов, однако изучение болезни не осуществлялось. При септической ангине больные первоначально жаловались на боль в горле, сильное воспаление в миндалинах, горловые кровотечения, повышение температуры. Затем происходил распад мягких тканей, судороги, после чего наступала смерть. На рубеже 1941-1942 гг. в СССР советские врачи стали отмечать увеличение случаев заболевания септической ангиной. В 1942-1944 гг. количество пациентов с этим диагнозом настолько увеличилось, что появились предположения об эпидемии. 31 декабря 1943 г. был подготовлен приказ уполномоченного ГКО «О мероприятиях по предупреждению и борьбе с септической ангиной» [7, с. 159], предусматривающий осуществление охраны полей с перезимовавшим зерном.

Пик заболеваемости пришелся на 1944 г., когда численность только учтенных заболевших достигла 173 тыс. чел., из которых около 28 тыс. чел. умерло [7, с. 156]. До 80-85% больных и умерших от септической ангины было в России, а самая высокая заболеваемость регистрировалась в Куйбышевской, Чкаловской, Ульяновской областях, Башкирской и Татарской АССР [22, с. 104-105]. По сведениям Р. Р. Хисамутдиновой, в Башкирской АССР только с 14 по 19 мая 1944 г. заболело 7057 чел. и умерло 1510. В чрезвычайно тяжелом положении находилось население 15 районов республики [18, с. 65].

Несмотря на предпринятые меры в последующие годы войны заболеваемость септической ангиной сохранялась.

Распространенными были случаи истощения и дистрофии. Данные обследования Кировской детской городской больницы в первом полугодии 1942 г. показывают, что из 477 детей, поступивших на лечение в больницу, 66 умерли (18%), т. е. каждый 5-6 ребенок. Дети поступали в тяжелом состоянии, в основном с диагнозами «истощение» и «воспаление легких» [16, Д. 103, Л. 78].

Медико-санитарные части фиксировали у многих рабочих истощение и дистрофию. Весной 1943 г. случаи заболевания дистрофией на заводах г. Кирова зафиксированы повсеместно. На заводе № 324 из 307 прошедших медицинское освидетельствование 171 работнику поставлен диагноз дистрофия, 25 чел. имели крайнюю степень истощения и не могли дальше выполнять работу. На

фабрике «Красная звезда» из 944 рабочих, прошедших медицинское освидетельствование 118 поставлен диагноз «истощение» [17, Д. 36, Л. 445 об.]. Ослабленные люди продолжали работать на заводах, часто до крайних случаев (обессиленных работников уносили с рабочего места, а некоторых уже не могли спасти – авт.) [20, с. 130].

В Иркутской обл. в начале 1944 г. работало 3 тыс. привлеченных таджиков, узбеков, казахов. Среди них отмечался очень высокий уровень заболеваемости, в том числе и дистрофией. Проведенные расчеты показывают, что по этим причинам постоянно не работали 30-43% мобилизованных.

Приехавшие по трудовой мобилизации в Кировскую обл. в 1943 г. узбеки, таджики, киргизы и туркмены, работавшие на железной дороге, жили в нищете. Азиаты не знали русского языка. Результаты медицинского осмотра выявили истощение у половины азиатских рабочих. Их отправляли обратно. В феврале 1943 г. в Татарскую АССР было завезено 1112 рабочих из Средней Азии. Прибывающие из Средней Азии люди были ослаблены, непривыкшие к суровым климатическим условиям [5, с. 35]. В 1944 г. большинство рабочих из Средней Азии возвращены обратно.

В спецдонесениях народного комиссара внутренних дел Мордовской АССР Николаева в июне 1944 г. сообщалось об участившихся случаях опухания населения Болдовского района (в основном колхозники) на почве недоедания (100 чел. госпитализировано, 469 – с начинающимися отеками) [15, с. 591]. В июне 1944 г. в Мордовской АССР было зарегистрировано 7616 случаев заболевания дистрофией, в июле еще 1500 случаев, 40% заболевших нуждались в срочной госпитализации [14, с. 337].

Последствием голода были массовые случаи отравлений, особенно в весенне-летний период. В августе 1944 г. на заводе № 266 Наркомата авиационной промышленности СССР (г. Киров) более 300 рабочих поступили в больницу с диагнозом «желудочно-кишечное отравление». Причина – употребление некачественной ливерной колбасы и кровяных котлет на стадии разложения [20, с. 129]. Из-за отсутствия должного питания люди, пытаясь утолить голод, «сильно наедались», а также не гнушались испорченными продуктами.

Интенсивные миграции, обострение жилищной проблемы способствовали распространению инфекционных заболеваний, которые, воздействуя на ослабленные организмы, зачастую приводили к летальному исходу. Так, в 1941 г. в Горьковской обл. произошел резкий подъем (на 40% по сравнению с 1940 г.) заболеваемости сыпным тифом. На втором месте – заболеваемость корью (на 20% по сравнению с 1940 г.). Большим оставалось число страдавших дизентерией [13, с. 161].

В ноябре 1941 г. 45% эвакуированных в г. Кирове уже болели тифом или болезнь носила инкубационный характер. Уже в апреле 1942 г. заболеваемость сыпном тифом была зафиксирована в 53 районах Кировской обл., в более чем половине из них ее не могли погасить в течение 4-6 месяцев.

Статистика причин смертности не позволяет дать полную картину в силу отсутствия охвата врачебной регистрации причин смертности в сельской местности, а также точности данных указанных причин.

По данным Наркомата Здравоохранения СССР в 1943 г. больничная летальность при алиментарной дистрофии составляла 23,5%, в 1944 г. – 11,7%, в 1945 г. – 15,6%. В сводки не попадали люди старше 60-ти лет, умершие на почве голодного истощения. Их преждевременную гибель объясняли естественной причиной – старческой слабостью [3, с. 161].

О массовых случаях заболевания дистрофией пишет в воспоминаниях В.А. Алалыкин, живший ребенком в г. Кирове: «Был голод, было очень тяжело. Часто на улице можно было увидеть человека, умирающего от дистрофии, а рядом с ним кусочки хлеба. Люди последние крохи отдавали, чтобы он поел и выжил» [1, с. 40].

Весной 1943 г. в селах Верховинского, Даровского, Мурашинского, Опаринского, Зуевского, Слободского районов Кировской обл. зафиксированы случаи массовой смертности населения на почве голодания. В большинстве колхозов продовольствия не было, дети и взрослые питались отходами зерна с древесной корой. В Опаринском районе в первом квартале 1943 г. в 30 колхозах умерли от голода 59 чел. [3, с. 161]. В Мурашинском районе детям, находившимся на детской площадке мехлесопункта «Нефтегаз», из-за отсутствия продуктов выдавали ограниченный паек, вследствие чего дети болели дистрофией и умирали. По той же причине скончалась заведующая детской площадкой, жена командира Красной Армии Гусарова. Ее неоднократные обращения за помощью в райком ВКП (б) и райисполком не получали поддержки.

Крайне острая ситуация возникла весной 1943 г. в районах Читинской обл. Немедленная помощь требовалась 1473 семьям колхозникам. О серьезных продовольственных затруднениях в Читинской обл. Народный Комиссар Внутренних Дел СССР Л. Берия докладывал в Государственный комитет обороны Сталину. Факты опухания выявлены у детей Е. Кочевой в селе Некрасове, и у детей А.Т. Добрыниной, проживающей в с. Богданове. Приводился факт смерти от истощения в декабре 1942 г. колхозницы Н.Ф. Шаршина в с. Кочея Нерч-Заводского района [21, с. 128].

Голод и массовая дистрофия порождали случаи убийства детей матерями и самоубийства людей, каннибализма и трупоездства.

В с. Нижняя Хила Шилкинского района Иркутской обл., 7 ноября 1942 г. колхозник П.С. Суханов 1914 г. рождения, зарубил свою мать, жену, шестерых детей и выстрелом из ружья покончил с собой. В оставленной записке Суханов указал, что на преступление его вынудил голод [21, с. 128].

Чаще всего жертвами каннибализма становились дети. В подготовленной Управлением НКГБ по Свердловской обл. докладной записке на имя секретаря Свердловского обкома ВКП (б) В.М. Андрианова сообщалось о том, что колхозница из с. Катышки Алапаевского района убила двух своих детей в возрасте пяти и двух лет, после чего покончила жизнь самоубийством [9, с. 86].

Так, в рабочем поселке Верхняя Пышма у одних родителей исчезла десятилетняя дочь. В результате следствия было установлено, что ребенок встретил в магазине соседку и попросил у нее кусок хлеба. Та позвала ребенка к себе домой, где обещала дать хлеба. Дома девочка была убита. Полученным человеческим мясом эта женщина кормила своих детей, а также продавала его на рынке.

По данным В.П. Мотревич на Урале имели место случаи трупоедства. Проведенным расследованием в с. Черноусово Белоярского района было обнаружено, что одна из проживавших там семей занималась людоедством и продавала на рынке холодец из человеческого мяса. На допросе арестованные показали, что ночью они ходили на кладбище, разрывали могилы и срезали с трупов мясо. Приготовленный из этого мяса холодец употребляли в пищу, а также продавали на рынке [9, с. 87].

Отсутствие нормального питания способствовало распространению рахита и росту смертности среди детей. Дети рождались ослабленные. Приведем лишь некоторую статистику по детской и младенческой смертности в Волго-Вятском регионе. В Горьковской обл. резкое увеличение уровня младенческой смертности пришлось на август-октябрь 1941 г. В эти месяцы в городах Горьковской обл. умирало в среднем по 3 тыс. младенцев. В Кировской обл. в первый год войны каждый пятый ребенок, родившийся в сельской местности не доживал до года, по области в целом коэффициент младенческой смертности был еще выше – 222,5‰. В автономных республиках самой высокой младенческая смертность зафиксирована в Марийской АССР (209,4‰), в Мордовской и Чувашской АССР коэффициент младенческой смертности составлял 187‰. Иными словами, каждый пятый ребенок не доживал до 1 года [10, Д. 196, Л. 204-209, 225-227; 11, Д. 443, Л. 227-229, 256-258]. В 1943-1945 гг. снизилась доля детей, умерших в первый год жизни (до 35-45%), однако, в некоторых территориальных образованиях эти процессы имели затяжной характер.

Среди остроинфекционных заболеваний в качестве причин общей смертности преобладали брюшной тиф, дифтерия и дизентерия, но большинство смертей являлось следствием хронических заболеваний.

В 1944 г. доля умерших от дистрофии и авитаминоза в Свердловской обл. составила 36,4% от всех смертей.

Аналогичные данные по Челябинской обл.: в 1943 г. от дистрофии и истощения умерло 14,7% от всех умерших, 1944 г. – 27,4%. В Удмуртской АССР на первое место среди причин смерти в 1944 г. вышли дистрофия и истощение, на второе место – туберкулез [19, с. 64].

Нуждаются в дальнейшем изучении и социальные последствия голода тылового населения, такие как рост детской беспризорности и безнадзорности, рост преступности и пр.

Малоизученным также остается вопрос изучения практик выживания в условиях голодных военных лет. После тяжелейших испытаний, выпадших на долю населения зимой 1942-1943 гг. постепенно формируются повседневные практики выживания. Обмен в условиях обесценивания денег приобретает важнейшее значение в удовлетворении повседневных потребностей населения тыла

[18, с. 69]. В экстремальных условиях население использовало всевозможные стратегии выживания: от традиционных до криминальных. Горожане вновь возвращались (или приобретали) навыки ведения сельскохозяйственных работ (огородничество, сбор ягод, грибов, трав) [2, с. 1; 4, с. 2; 6, с. 4].

На государственном уровне принимались решения, способствовавшие некоторому снижению остроты продовольственного вопроса (введение карточной системы снабжения, развитие подсобных хозяйств, огородничества, деятельность ОРСов, специальное снабжение отдельных категорий населения). Партийные и общественные организации (Красный Крест, ВЛКСМ), а также граждане оказывали посильную помощь (медико-санитарную и материально-бытовую) в борьбе с нарастающим голодом и его последствиями, важнейшими из которых являются рост смертности, ухудшение здоровья населения, рост детской беспризорности, противоправных деяний.

Таким образом, изучение голода в тыловых районах России в годы Великой Отечественной войны остается перспективной задачей исторической науки, требующей привлечения широкого круга источников и многоаспектности рассмотрения и анализа научной проблемы.

Список источников и литературы

1. Алалыкин, В.А. Война в моей жизни / В.А. Алалыкина // Этим дням в веках не затеряться. Воспоминания детей войны; сост. Е.П. Старцева. – Киров, 2018. – 995 с.

2. Большое подспорье в питании рабочих и служащих // Красная Мордовия. – 1942. – 11 марта. – № 59.

3. Зима, В.Ф. О смертности сельского населения в советском тылу (по архивным сводкам 1941-1945 гг.) / В.Ф. Зима // Людские потери СССР в период Второй мировой войны: сборник статей. – СПб., 1995. – С. 160-165.

4. Индивидуальное огородничество // Горьковская коммуна. – 1942. – 12 марта. – № 60.

5. Кабирова, А.Ш., Ханипова И.И. Трудовые мобилизации в Татарской АССР в 1930 – 1940-е годы / А.Ш. Кабирова, И.И. Ханипова // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2019. – № 1. – С. 30-43.

6. Лекарственные травы // Горьковская коммуна. – 1941. – 29 июля. – № 177.

7. Маркова, С.В. Болезни войны и голода / С.В. Маркова // Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья. – 2016. – № 63. – С. 156-162.

8. Матлин, М.Г. Голод 1941-1947 гг. в устных рассказах сельского населения Ульяновского Поволжья / М.Г. Матлин // Устная история в современной исследовательской практике на постсоветском пространстве: сб. науч. статей; отв. ред. Т.Г. Щеглова. – Барнаул, 2017. – С. 177-192.

9. Мотревич, В.П. Голод на Среднем Урале в годы Великой Отечественной войны / В.П. Мотревич // Урал в военной истории России: традиции и современность. – Екатеринбург, 2003. – С. 85-87.

10. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). – Ф.-1562. – Оп. 20. – Д. 196.

11. РГАЭ. – Ф. – 1562. – Оп. 20. – Д. 443.

12. Рыбаковский, Л.Л. Великая Отечественная. Особенности. Людские потери. Факторы победы / Л.Л. Рыбаковский. – М., 2020. – 251 с.

13. Сакович, Н.В. Здравоохранение Горьковской области накануне и в годы Великой Отечественной войны / Н.В. Сакович // Клио. – 2005. – № 4. – С. 159-162.

14. Серебрянская, Г.В. Промышленность и кадры Волго-Вятского региона Российской Федерации в конце 30-х – первой половине 40-х годов XX века / Г.В. Серебрянская. – Н. Новгород, 2003. – 473 с.

15. Спецдонесение народного комиссара внутренних дел республики секретарю Обкома ВКП (б), председателю Совнаркома МАССР, уполномоченному КПК при ЦК ВКП (б) о массовом опухании населения Болдовского района // Мордовия. 1941-1945 гг. Сб. документов. – Саранск, 1995. – С. 591-592.

16. Центральный государственный архив Кировской области (далее – ЦГАКО). – Ф. П-1290. – Оп. 8. – Д. 103.

17. ЦГАКО. Ф. П-1291. – Оп. 1. – Д. 36.

18. Хатанзейская, Е.В. Городская повседневность Архангельска первых военных лет: основные стратегии выживания населения, голод и смертность, в 1941-1942 годы / Е.В. Хатанзейская // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: исторические науки. – 2014. – № 3. С. 58-72.

19. Хисамутдинова, Р.Р. Голод в уральской деревне в годы Великой Отечественной войны / Р.Р. Хисамутдинова // Эхо веков. – 2014. – № 1-2. – С. 63-67.

20. Чернышева, Н.В. Социально-демографические процессы в Кировской области в годы Великой Отечественной войны / Н.В. Чернышева. – Киров, 2012. – 203 с.

21. Шалак, А.В. Голод в 1940-е гг.: оценка масштабов и социальная география (на примере Восточной Сибири) / А.В. Шалак // Иркутский историко-экономический ежегодник. – Иркутск, 2010. – С. 122-133.

22. Шалак, А.В. К оценке масштаба голода 1946-1947 гг. / А.В. Шалак // Историко-экономические исследования. – 2009. – Т. 10. – № 2. – С. 100-108.

Чиковский Кирилл Витальевич
Студент ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
E-Mail: chikovskiy.kirill.99@mail.ru

РОЛЬ М.М. ЛИТВИНОВА ВО ВКЛЮЧЕНИИ СССР В ЛИГУ НАЦИЙ

Аннотация: *в статье рассматривается международное положение Европы в 30-е годы XX века. Анализируются причины вступления СССР в Лигу Наций, исследуется роль наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова в*

данном процессе. Рассматриваются последствия вступления СССР в международную организацию и реакция мирового сообщества.

Ключевые слова: *Лига Наций, противостояние агрессии, международные отношения, М.М. Литвинов.*

THE ROLE OF M.M. LITVINOV IN THE INCLUSION OF THE USSR IN THE LEAGUE OF NATIONS

Abstract: *the article examines the international situation of Europe in the 30s of the XX century. The reasons for the entry of the USSR into the League of Nations are analyzed, the role of the People's Commissar of Foreign Affairs of the USSR M.M. Litvinov in this process is investigated. The consequences of the entry of the USSR into an international organization and the reaction of the world community are considered.*

Keywords: *League of Nations, opposition to aggression, international relations, M.M. Litvinov.*

«Тяжелые времена рождают сильных людей» - эта фраза как нельзя точно подходит к описанию жизни и деятельности наркома иностранных дел Максима Максимовича Литвинова, на чью долю пребывания главой дипломатического корпуса СССР выпало время становления и утверждения страны в международном сообществе. Часто в книгах о Литвинове, которого по праву можно назвать дипломатом ленинской школы, называют «забытым наркомом», да и учебники истории содержат мало информации об этом дипломате [3, с. 12]. Отчасти это объясняется тем, что, сменивший Литвинова в мае 1939 году В.М. Молотов вызывает больший интерес историков. Это связано с тем, что в период его деятельности началась Вторая мировая война. Потому фигура Молотова как бы возвышается над другими наркомами СССР. Но ошибочно предполагать, что до назначения Молотова советская дипломатия не имела серьезных успехов и не располагала профессионалами своего дела, которые получили признание как в СССР, так и на Западе.

В данной статье рассматривается успех Советской дипломатии, и лично Литвинова – факт вступления СССР в Лигу Наций. Каковы причины и обстоятельства участия Литвинова в данном процессе?

В историографии советского периода было не принято затрагивать данный вопрос, так как в 1939 году СССР исключили из Лиги Наций в связи с проявлением агрессии против Финляндии. Исходя из этого было принято изображать Лигу Наций, как организацию, неспособную противостоять агрессии [4, с. 27]. В статье была сделана попытка на основе анализа информации всесторонне изучить проблему вступления СССР в международную организацию.

20 декабря 1933 года Литвинов послал Коллонтай, которая тогда являлась послом в Швеции, письмо. «Дорогая Александра Михайловна! – писал он. – Поглощен делами по горло. Наша дипломатическая работа… только… начинается. Она никогда не была столь ответственна, как теперь [5, с. 103]. При анали-

зе данного письма можно сделать вывод, что, несмотря на внушительные успехи (установление дипломатических отношений с Англией, Францией, Германией и др.) советские дипломаты с уверенностью в своих силах и надеждой смотрели в будущее, желая укрепить международное положение СССР. Такое стремление было продиктовано опасностью, возникшей после установления в Германии власти Адольфа Гитлера и идеей «переиграть» итоги Первой Мировой войны и Версальского мирного договора. Данное событие изменило положение дел во всем мире и заставило дипломатов всех стран искать пути сдерживания агрессивных стран в лице Германии и Японии. Литвинов и советские дипломаты одними из первых осознали далеко идущие последствия смены курса Германии и открыто заявляли о своей готовности коллективно решать вопросы международной стабильности.

Дипломатический корпус СССР выбрал свой путь борьбы с международной опасностью – система коллективной безопасности, идеи которой М.М. Литвинов пытался донести до дипломатов всего мира еще на сессиях по разоружению, но всякий раз сталкивался с непониманием. Для продвижения идеи коллективной безопасность нарком иностранных дел начал подготовку по вступлению СССР в Лигу Наций. На собрании партийного актива НКИД по итогам XVII съезда партии (январь 1934 года) Литвинов открыто заявил, что перед дипломатией СССР поставлена сложнейшая задача – противостоять угрозе со стороны Германии и потому на повестку дня надо ставить вопрос о вступлении СССР в состав Лиги Наций [5, с. 113]. Несомненно, борьба с агрессией была основной причиной вступления СССР в Лигу, но помимо этого советское правительство преследовало и другие цели.

Международное положение толкало советских дипломатов на необходимость присоединиться к странам всего мира в Женеве, внешняя опасность режима Гитлера вынудила многие страны изменить свое мнение о СССР, как о сильном политическом игроке. Таким образом, сложилась ситуация, когда вступление СССР было выгодно и необходимо как Лиге, так и СССР. Несомненно, каждая из сторон шла на этот шаг ради достижения своих личных целей. Целью СССР было не только донести идею коллективной безопасности для участников организации, важным было и усиление геополитических позиций, обеспечение роста экономики страны и военно-промышленного комплекса, и обеспечение устойчивой ситуации в Европе и на Дальнем Востоке [4, с. 18]. Лига Наций же преследовала свои цели, а именно поддержка мощного государства из-за саботажа и выхода Германии и Японии из состава организации. Именно при таких обстоятельствах начались переговоры о вступлении уже с декабря 1933 года [4, с. 15]. Первое (официальное) предложение от Франции вступить СССР в Лигу поступило уже в июле 1934 года, а в сентябре последовали приглашения вступить в Лигу наций уже от всех членов организации. Таким образом, 18 сентября СССР официально стал полноправным членом Лиги наций.

Почему СССР был приглашен в Лигу, а не по правилам Устава лиги подал заявление и прошел дальнейшие процедуры?

По мнению З.С. Шейниса, автора монографии о М.М. Литвинове, Советский Союз не мог согласиться на прохождение всех процедур по вступлению в Лигу Наций, так как в случае отказа СССР получил бы сокрушительный удар по только обретенному международному авторитету. Литвинов прямо высказал Луи Барту (премьер Франции) и Эдварду Бенешу (президент Чехословакии) позицию Советского Союза: – Мы не будем просить Лигу Наций принять нас. Если вы считаете, что это необходимо для укрепления Лиги, проделайте всю необходимую работу. Пусть Советский Союз попросят о вступлении. И мы пойдем вам навстречу [5, с.114]. Шейнис убежден, что противников СССР в среде членов Лиги было много, и они были различны, и потому Литвинов должен был продемонстрировать свой дипломатический талант, чтобы получить приглашение вступить сначала от Франции, а затем уже от других членов Лиги. Литвинов с блеском добился этого международного успеха. Но при этом И.А. Хормач отмечает важный и неприятный факт для советской историографии, что СССР получил приглашение от империалистической страны (Франции) и принял это приглашение, хотя идеология страны Советов видела узел мировых проблем как раз-таки в империалистических странах и их захватнических планах. Причиной данного шага со стороны Франции является достижение своих личных целей, Луи Барту решился на данный шаг только из-за боязни перед растущей агрессии со стороны Германии. По мнению И.А. Хормач факт вступления СССР в Лигу Нации по приглашению империалистической страны, обозначал то, что Советское правительство отказалось от жесткой конфронтации с империалистическим лагерем и взяло курс на совместное решение международных проблем и противоречий [4, с. 9].

Вступление Советского Союза в Лигу Наций вызвало интерес мирового сообщества. Огромное количество поздравительных телеграмм было отправлено в Москву и лично Литвинову. З.С. Шейнис приводит лишь некоторые из них: Литвинов получил письма от таких людей, как Бернард Шоу, Генрих Манн, Альберт Эйнштейн, американские политические деятели полковник Хауз и Генри Стимсон, английский деятель Филипп Ноэль-Бекер, Эдуард Эррио и другие государственные деятели Франции [5, с. 118]. Всемирный женский комитет в поздравительном письме отметил: «Советский Союз – великий фактор в борьбе за мир» [5, с. 119].

Вступление СССР в Лигу Наций давало новые механизмы советскому правительству для участия в решении мировых угроз, возможность донести свое видение международной обстановки и предложить новые методы для борьбы с Германией и Японией. СССР, несмотря на установление дипломатических отношений со многими странами мира, не хватало международного признания и коллективного сотрудничества с другими странами. Теперь мировое сообщество признало СССР, как равноправного участника международных отношения – это был важнейший шаг, так как уже в 1934 году было очевидно, что весь мир стоит на пороге глобальных событий.

С сентября 1934 советская дипломатия, возглавляемая М.М. Литвиновым, поставила перед собой новые цели. Главными стали вопросы глобальной безо-

пасности и международного сотрудничества. Литвинов понимал, что деятельность Лиги в каких-то моментах не соответствует идеологическим и политическим принципам СССР, но важнейшей задачей он считал консолидацию всех сил для борьбы с агрессией Германии и Японии, Литвинов на заседаниях Лиги вынужден был идти на уступки, но одновременно твердо отстаивал интересы СССР в принципиальных вопросах [1, с. 79]. За 5 лет работы советской делегации в Женеве Литвинов неоднократно призывал страны к практическим коллективным действиям против Германии и Японии, доказывал опасность попустительского отношения к актам агрессии. Но он так и не был услышан.

По мнению И.А. Хормач после Мюнхенского сговора 1939 года отношения СССР и Лиги начали стремительно ухудшаться [4, с. 329], Литвинов уже не рассчитывал на коллективное противодействие агрессии. Ни СССР, ни Лига Наций не смогли добиться тех результатов, которые они планировали достичь в сентябре 1934 года. Очевидно, что это сотрудничество могло принести гораздо больше для мировой безопасности, но в силу идеологических, политических, тактических противоречий добиться каких- либо серьезных изменений не удалось. Литвинов не смог пробить стену боязни коммунизма и донести позицию СССР, хотя отзывы о его дипломатической деятельности в Женеве одного из крупнейших буржуазных историков, Генри Роберта, свидетельствуют о всемирном уважении и огромном влиянии советского наркома. [2, с. 148]. 1939 год стал поворотным для Лиги Наций и всего мира [4, с. 357]. За этим последует смена внешнеполитического курса СССР на союз с Германией, отставка Литвинова и заключение пакта Молотова-Риббентропа.

Список источников и литературы

1. Кузьмин, В.А. Советская внешняя политика в биографических портретах ее ведущих действующих лиц (1917-1939): учебное пособие / В.А. Кузьмин. – Екатеринбург: Азимут, 1995. – 234 с.

2. Мелихов, И.А. Личность в дипломатии: на исторических параллелях / И.А. Мелихов. – М.: Восток-Запад, 2011. – 367 с.

3. Наринский, М.М. Блестящий дипломат, выдающийся нарком / М.М. Наринский, Н.Ю. Васильева // Известные дипломаты России: Министры иностранных дел – XX век. – М., 2007. – 227 с.

4. Хормач, И.А. СССР в Лиге наций, 1934-1939 гг. Институт российской истории Российской академии наук / И.А. Хормач. – Москва - Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 430 с.

5. Шейнис, З.С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек / З.С. Шейнис. – М.: Издательство политической литературы, 1989. – 430 с.

Шадрина Алла Валерьевна
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Южный научный центр Российской академии наук
Россия, г. Ростов-на-Дону
E-mail: bergson@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ СССР В ОТНОШЕНИИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ: 1922-1991 ГГ.[1]

Аннотация: *В статье рассмотрены основные законодательные акты советского государства относительно религиозных организаций, которые действовали на протяжении 1917-1918 гг. На примере Ростовской области проанализированы поэтапные изменения в жизни православных храмов, обусловленные принятием данных законов.*

Ключевые слова*: религиозные организации, законодательство СССР, Русская православная церковь, Ростовская область, антицерковные акции, закрытие церквей.*

FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF THE USSR POLICY TOWARDS RELIGIOUS ORGANIZATIONS IN THE ROSTOV REGION: 1922-1991

Abstract: *The article examines the main legislative acts of the Soviet state concerning religious organizations that were in force during 1917-1918. Step-by-step changes in the life of Orthodox churches caused by the adoption of these laws are analyzed on the example of the Rostov region.*

Keywords: *religious organizations, legislation of the USSR, Russian Orthodox Church, Rostov region, anti-church actions, closing of churches.*

В современной исторической науке проблема реализации политики советского государства в отношении религиозных организаций на территории СССР на протяжении последних 30 лет является одной из актуальных. Это обусловлено введением в научный оборот значительного массива архивных источников, изучение которых позволяет ответить на вопросы, которые с 1917 по 1991 г. не обсуждались по идеологическим соображениям. Также актуализирует интерес к религиозной политике СССР осмысление его наследия, которое сегодня изучается с позиций, лишенных антисоветской окраски. В контексте данной проблематики особый интерес представляет обращение к анализу проведения в жизнь политики СССР в отношении религиозных организаций в таком регионе как Ростовская область, где контроль и прессинг власти на религиозные организации в послевоенный период были особенно жесткими.

[1] Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 21-09-43097 «Донские казаки в СССР»

Историография поставленной проблемы начала формироваться с 2000-х годов. Первым исследованием, посвященным религиозной политике советского государства в Донском регионе в 1917-1923 гг. была диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук Д.А. Горбачева, впоследствии опубликованная как монография [6]. В 2013-2015 гг. были изданы три сборника документов и материалов, посвященных антицерковным акциям 1920 – 1930-х гг. – изъятию церковных ценностей [1], церковным расколам [17] и закрытию церквей [17]. На протяжении 2009–2021 гг. был опубликован ряд статей региональных историков, затрагивающих различные сюжеты поставленной проблемы. Так, Ю.А. Бирюкова акцентировала внимание на характере отношений советского государства и Православной Российской церкви на Дону в 1917–1930 гг. [1; 2; 3; 4] Л.В. Табунщикова разработала проблематику церковно-государственных отношений первой половины XX в. в Донском регионе, при этом автор акцентировал внимание на особенностях антирелигиозной пропаганды [11; 13], трансформации церковных обрядов в «красную обрядность» [12] и проблемы жизни религиозных организаций в поздний советский период [15]. В работах А.В. Шадриной рассматриваются различные вопросы истории Церкви в период нэпа [20], «Большого террора» [19], второй волны гонений 1958 – 1960-х гг. [18] и др.

Географические рамки доклада охватывают территорию современной Ростовской области, которая на протяжении 1920-1937 гг. меняла наименование и административную принадлежность: с 1920 по 1924 гг. она именовалась Донская область, с 1924 г. – в составе Юго-Восточной области, затем Северо-Кавказского края, с 1934 г. – Азово-Черноморского края, с 1937 г. – Ростовская область.

Хронологические рамки определяются временем существования СССР – с 1922 по 1991 гг.

Необходимо оговорить, что до 1943 г. в отношении Русской православной церкви употребляется наименование Православная Российская церковь, употреблявшееся как в официальных церковных документах того времени, так и в обиходе Церкви. С 1943 г. – наименование Русская православная церковь, закрепленное в советском делопроизводстве и позднее закрепленной в церковной документации.

Политика СССР в отношении как религиозных организаций в целом, так и Русской православной церкви в частности, базировалась на законодательных актах, принятых в 1918-1922 гг. Основным из них был декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», изданный 23 января 1918 г. [10, с. 286-287]. Декрет лишал религиозные организации статуса юридического лица и национализировал все виды имущества, им принадлежавшего. Церкви должны были в обязательном порядке подписать типовой договор с представителями местных исполкомов о национализации церковного здания и имущества и их передаче религиозным общинам в бессрочное безвозмездное пользование [10, с. 286-287]. Исключение составляли подлежавшие обязательному закрытию домовые церкви, которые до установления на Дону советской власти в 1920 г.

действовали при учебных заведениях и больницах. Под действие декрета подпадали духовные консистории и епархиальные советы, которые были обязаны прекратить свое существование. Для советского государства на первом этапе реализации оставалось приемлемым существование церквей, не подчиняющихся определенному церковному управлению.

Первой антицерковной акцией в донском регионе, регламентированной советским государством и базирующейся на соответствующем законодательном акте и инструкции к нему [7, с. 381-382., 382-384], было изъятие церковных ценностей. Проведение этой кампании в первой половине 1922 г. на Дону увенчалось значительным количеством изъятых ценностей [1, с. 54] и не выходило за рамки аналогичных кампаний, проходивших в других регионах РСФСР, за исключением Иваново-Вознесенской губернии. Важной политической составляющей данной антицерковной акций было использование фактов сопротивления изъятию и сокрытия ценностей для проведения показательных судебных процессов над епископатом и духовенством, и введения при помощи групп недовольного духовенства обновленческого раскола – второй антицерковной акции, реализованной советским правительством в 1922 г.

Инициированный и разработанный советским правительством обновленческий раскол должен был стать фактором, благодаря которому Православная Российская церковь уничтожит себя изнутри. Действительно, учитывая, что уклонившееся в обновленческий раскол духовенство зачастую было движимо собственными амбициями и меркантильными интересами, а не интересами Церкви, а подавляющее большинство прихожан не понимало сути происходящего, раскол нанес Церкви ощутимый ущерб. Его преодоление, пресекаемое НКВД до начала эпохи «Большого террора», состоялось только в 1946 г. после признания в 1943 г. И.В. Сталиным Русской Православной Церкви и принятия соответствующими органами участия в пресечении деятельности оставшихся обновленческих священников [19, с. 38].

Одним из важнейших мероприятий руководства СССР в Донской области в 1923 г. стала демонстрация отношения к Православной Российской церкви, ранее камуфлирующегося фразами о том, что советское государство не преследует цели оскорбления чувств верующих. Этот год увенчался проведением значительного числа антирелигиозных мероприятий (комсомольское рождество, антирелигиозные спектакли и др.), в основе которых лежало издевательство, как над религией, так и над чувствами верующих [22, с. 114-136]. Мероприятия, проводившиеся в 1923 г., стали своеобразной испытательной площадкой, которая была развита в рамках научного атеизма в 1960-е гг.

Советское руководство, которое еще в 1917 г. заявило о строительстве атеистического государства, окончательно сформировало лишенные видимых противоречий воззрения на религиозные организации только к 1929 г. Это выразилось в принятии 8 апреля 1929 г. «Постановления о религиозных объединениях» [10, с. 250-261], которое окончательно лишило их всех прав и ограничило внутреннюю жизнь общин Православной Российской церкви и ее деятельность исключительно стенами храма, в котором было разрешено проведе-

ние только богослужений, таинств и обрядов. «Постановление о религиозных объединениях» стало основанием для закрытия на протяжении 1929-1940 гг. подавляющего большинства православных церквей. На территории Ростовской области закрытие проходило в два этапа. Первый из них характеризовался реагированием на жалобы прихожан на незаконное закрытие и принятие постановлений об их возвращении верующим. Второй этап завершился закрытием всех православных храмов за исключением одного, расположенного в хуторе близ Ростова-на-Дону и оставленного открытым по причине активного сопротивления прихожан-казаков. Для определения масштабов закрытия важно отметить, что до 1935 г. на территории Ростовской области было две епархии – Донская и Новочеркасская, основанная в 1829 г., и Ростовская и Таганрогская, выделенная как самостоятельная из Екатеринославской и Мариупольской епархии в 1919 г. В обеих епархиях до 1920 г. действовало 997 церквей. В 1941 г., как сообщал в 1943 г. уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви по Ростовской области, на ее территории действовала только одна церковь [5, л. 1].

Помимо регламентированного «Постановлением о религиозных объединениях» 1929 г. закрытия в 1929-1936 гг. в донском регионе православных храмов, в результате которого подавляющее большинство донского приходского духовенства осталось невостребованным и, как следствие, без средств к существованию, следующим этапом, в результате которого погибло значительное число священнослужителей, была эпоха «Большого террора». Анализ комплекса уголовно-следственных дел священнослужителей Ростовской области 1937–1938 гг. позволяет сделать вывод о том, что на территории области проводилась настоящая «зачистка» духовенства. По сфальсифицированным обвинениям арестовывались все известные НКВД священники без различия принадлежности к Патриаршей церкви, обновленческому или григорианскому расколам. При этом соответствующим органом были «разработаны» несколько церковно-монархических организаций, не существовавших в действительности. После предъявления сфальсифицированных обвинений, которые священники подписывали в 98% случаев, они приговаривались к высшей мере наказания и были расстреляны. Продолжающаяся работа по ознакомлению с данного вида источниками не позволяет оперировать цифрами и назвать процент расстрелянного и оставшегося в живых духовенства, однако предварительные данные свидетельствуют о том, что высшей меры наказания избежал весьма незначительный процент арестованных в 1937-1938 гг. священнослужителей.

Значительные изменения в положении религиозных организаций на территории Ростовской области были обусловлены событиями Великой Отечественной войны. Как и в других областях СССР, характерным явлением данного периода было стихийное открытие храмов. Однако особенностью региона было то, что до начала оккупации в Ростовской области не было признаков возрождения религиозной жизни. Период оккупации, начавшейся с 8 октября 1941 г. и длившейся до 30 августа 1943 г., увенчался стихийным открытием 240 храмов [14, с. 174], в которых были возобновлены богослужения, что свидетельствовало об оживлении церковной жизни. Ее центрами стали Ростов-на-Дону, Таган-

рог и Новочеркасск. Также особенностью Ростовской области была организация епархиальных управлений при поддержке оккупационных властей. При этом в качестве епархиального архиерея Ростовской епархии стал получивший назначение сомнительного духовного управления в Мариуполе архиепископ Николай (Амассийский). Коллаборационистские выступления и сотрудничество с оккупационными властями, как епископа, так и благочинного епархиального управления при ростовском кафедральном протоиерея В. Серикова были осуждены 20 марта 1943 г. особым посланием Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) [8, с. 43-45]. Попытка архиепископа Николая перейти в подчинение Румынской церкви вызвала нестроения в и так неспокойной среде вернувшегося к служению в период оккупации приходского духовенства Ростовской области, учитывая, что среди священников были представители обновленческой хиротонии.

Приведение в относительный порядок церковной жизни на территории Ростовской области в 1944 г. обусловило не только назначение на должность епархиального архиерея епископа Елевферия (Воронцова), но и учреждение новой епархии, получившей наименование Ростовской и Таганрогской и географически соответствовавшей границам учрежденной в 1937 г. Ростовской области.

В 1943 г. в целях взаимодействия советского правительства с Русской православной церковью и осуществления контроля епархиальных управлений и приходов был учрежден Совет по делам Русской православной церкви. Для Ростовской области учреждение этого органа стало возможностью легитимизировать существование открытых в период оккупации церквей. Стабильное существование приходских общин до 1958 г. отражено в комплексе регистрационных дел церквей, который дает представление не только об их количестве, но и о духовенстве, чьи анкеты и автобиографии в обязательном порядке входили в состав данного вида источников.

Относительно спокойное существование приходских церквей в Ростовской области прекратилось с наступлением эпохи, получившей в историографии наименование «хрущевская оттепель», которая стала для религиозных организаций не только Русской православной церкви, но и других конфессий временем «второй волны гонений». 1958 – 1960-е гг. для православных приходов Ростовской области были ознаменованы не только внесением изменений во внутрицерковное законодательство и введением очередных ограничений, но и периодом тотального закрытия и разрушения церквей. В 1958 – 1960-х гг. в Ростовской области было закрыто 143 церкви (69,7% от общего числа действующих храмов) [18, с. 31]. Вместе с этим духовенство под влиянием массированной антицерковной пропаганды, методы и принципы которой были разработаны на основе научного атеизма, было выведено за пределы советского общества и искусственно приравнено к маргиналам. При этом позиция СССР в отношении религиозных организаций продолжала регламентироваться «Постановлением о религиозных объединениях», которое действовало до окончания

существования СССР и приятия 25 октября 1990 г. закона «О свободе вероисповедания».

Изменение церковной политики в СССР было связано с рядом политических событий, обусловленных происходившими процессами стагнации советского государства, закончившимися перестройкой. Эпоха реализации советского законодательства в отношении религиозных организаций завершилась в 1991 г. упразднением Совета по делам религий и выработкой новых законодательных актов, определяющих как обязанности, так и права религиозных организаций в современном российском обществе.

Как видно, постепенно формировавшаяся политика советского государства относительно религиозных организаций регламентировалась двумя основными законодательными актами, действовавшими до 1991 г. – декретом «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и «Постановлением о религиозных объединениях». Результатом их проведение в жизнь стало лишение прав и нередко уничтожения православных церквей.

Список источников и литературы

1. Бирюкова, Ю.А. Документы Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков при Главнокомандующем вооруженными силами на юге России как источник по истории Русской православной церкви / Ю.А. Бирюкова // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. – 2017. – № 79. – С. 55-67.

2. Бирюкова, Ю.А. Проблема формирования новой модели государственно-церковных отношений после февральской революции в решениях Донского чрезвычайного съезда духовенства и мирян 1917 г. / Ю.А. Бирюкова // Научная мысль Кавказа. – 2019. – № 1 (97). – С. 64-70.

3. Бирюкова, Ю.А. Советское государство и Церковь в 1920 – 1930-е годы: характер отношений на местах (на материале архивов Ростовской области) / Ю.А. Бирюкова // Гуманитарные и социальные науки. – 2009. – № 6. – С. 2-15.

4. Бирюкова, Ю.А. Церковная жизнь на Среднем Дону в 1917-1930 гг. / Ю.А. Бирюкова, В.А. Тер-Аракельянц // Российская история. – 2020. – № 3. – С. 192-194.

5. Государственный архива Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-4173. Оп. 5. Д. 2.

6. Горбачев, Д.А. Донская Голгофа. Советская власть и Русская Православная Церковь Дона 1917-1923 гг. / Д.А. Горбачев. – Ростов н/Д.: Росиздат, 2008. – 223 с.

7. Декрет ВЦИК «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих», 23 февраля 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1922 гг. – М., 1950. – С. 381-382, 382-384.

8. Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война: сборник церковных документов. – М.: [Б.и.], 1943. – 99 с.

9. Русская православная церковь и коммунистическое государство. 19171941. Документы и фотоматериалы. – М.: Изд-во Библейско-богословского института св. ап. Андрея, 1996. – 632 с.

10. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 19171918 гг. – М., 1942. – 879 с.

11. Табунщикова, Л.В. «Комсомольское рождество» 1923 года в Донской области / Л.В. Табунщикова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 3-2 (65). – С. 176-179.

12. Табунщикова, Л.В. «Красная обрядность» на территории Донобласти в 1923-1924 гг. / Л.В. Табунщикова // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. – 2015. – № 6 (67). – С. 85-94.

13. Табунщикова, Л.В. Антирелигиозная пропаганда в Донской области в 1923 году (на примере периодики и деятельности изб-читален) / Л.В. Табунщикова // Государство, общество, Церковь в истории России XX-XXI веков. Мат-лы XIX Междунар. научн. конференции. – Иваново, 2020. – С. 373-378.

14. Табунщикова, Л.В. Количественный анализ открытия православных храмов и молитвенных домов на оккупированной территории Ростовской области в годы Великой Отечественной войны / Л.В. Табунщикова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 10 (60). – Ч. I. – С. 172-174.

15. Табунщикова, Л.В. Религиозная жизнь и атеистическая деятельность советского государства в период «застоя» (на материалах Ростовской области) / Л.В. Табунщикова // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2011. – № 5 (165). – С. 40-43.

16. Табунщикова, Л.В. Закрытие церквей и молитвенных зданий Донской области в 1920 – 1930-е годы: сб. документов / Л.В. Табунщикова, А.В. Шадрина. – Ростов н/Д., 2013. – 432 с.

17. Табунщикова, Л.В. Церковные расколы в Донской области. 1920 – 1930-е годы: сб. документов и материалов / Л.В. Табунщикова, А.В. Шадрина. – Ростов н/Д.: Антей, 2015. – 638 с.

18. Шадрина, А.В. Закрытие православных храмов в 1958 – 1960-е гг. как фактор репрессивной антирелигиозной политики советского государства (на примере ростовской области) / А.В. Шадрина // Научная мысль Кавказа. – 2018. – № 1 (93). – С. 29-33.

19. Шадрина, А.В. Репрессии и фальсификация репрессивных дел против православного духовенства в 1937-1938 годах в ростовской области / А.В. Шадрина // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2018. – Т. 28. – № 1. – С. 40-48.

20. Шадрина, А.В. Репрессии против православного духовенства в период коллективизации на территории современной Ростовской области / А.В. Шадрина // Научная мысль Кавказа. – 2020. – № 1 (101). – С. 64-71.

21. Шадрина, А.В. Изъятие церковных ценностей в Донской области. 1922 год: сб. документов / А.В. Шадрина, Л.В. Табунщикова. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. – 416 с.

22. Шадрина, А.В. «Церковь от государства мы уже отделили, но религию от людей мы еще не отделили»: государство и Русская православная церковь на Дону в 1923 году / А.В. Шадрина, Л.В. Табунщикова // Русская старина. – 2016. – № 18 (2). – С. 114-136.

Ширинских Ольга Андреевна
студентка 5 курса института истории, права и общественных наук
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского»
Россия, г. Липецк
E-mail: olya.shirinskikh@gmail.com

РАСПАД СССР: ПОЧЕМУ ЭТО СЛУЧИЛОСЬ?

Аннотация: *В статье рассматривается создание Союза Советских Социалистических Республик, его развитие, а также причины краха государства и влияние Государственного Комитета по чрезвычайным положениям на распад страны. Одной из внешних причин распада государства стали «холодная война» и конкурирование с США. Внутренние причины скрывались в кризисе партаппарата и политической конкуренции между Генеральным секретарём ЦК КПСС, М.С. Горбачёвым и секретарём ЦК, Б.Н. Ельциным.*

Ключевые слова: *Союз Советских Социалистических Республик (СССР), «железный занавес», командно-административная система, коммунизм, бюрократизм, «холодная война».*

THE COLLAPSE OF THE USSR: WHY DID THIS HAPPEN?

Abstract: *The article discusses the creation of the Union of Soviet Socialist Republics, its development, as well as the causes of the collapse of the state and the influence of the State Committee for Emergency Situations on the collapse of the country. One of the external reasons for the collapse of the state was the "cold war" and competition with the United States. The internal reasons were hidden in the crisis of the party apparatus and political competition between the General Secretary of the CPSU Central Committee, Mikhail Gorbachev and the Secretary of the Central Committee, Boris Yeltsin.*

Keywords: *Union of Soviet Socialist Republics (USSR), "iron Curtain", command and administrative system, communism, bureaucracy, "cold war".*

2021 год – юбилей нескольких взаимосвязанных событий: «августовский путч», выступления ГКЧП, подписание Беловежского соглашения между Белорусской, Украинской и Российской ССР. Всё это привело к тому, что в конце 1991 года, не отметив своё 70-летие, страна, которая занимала практически половину Евразии, была соперником сильнейших демократических держав Западного мира, распалась. Всё это повлекло за собой экономические, политические и социально-культурные последствия, которые изучаются и в наше время.

В данной статье предлагаю рассмотреть проблему распада Союза Советских Социалистических Республик, а также причины, которые привели к кризису одно из сильнейших государств XX века.

Прежде, чем ответить на эти вопросы, вспомним о том, как создавался СССР и превратился в одну из мощнейших стран. Образование Советского Союза состоялось в результате крушения старой государственной системы управления, революционной ситуации и Гражданской войны, а также сильной теоретической, идеологической разработки и пропаганды идей советского государства.

Началось создание нового государства с военного коммунизма. Закончившаяся Первая мировая война повлекла за собой урон экономическому хозяйству страны. Тысячи предприятий были разрушены, по всей стране свирепствовал голод, политическая нестабильность, массовое недовольство населения и отдельных социальных групп вылилось в вооружённое противостояние, которое вошло в историю как Гражданская война 1917-1922 годов. Молодая республика при этом вела войну против «белых» армий и интервентов. Гражданская война закончилась полной победой молодой советской республики. С этого момента начинается продвижение коммунистической державы [1].

29 декабря 1922 года на конференции делегации съезда советов был подписан договор об образовании СССР. Сам документ был утверждён на следующий день. Первоначально, в СССР входили только 4 республики, однако с некоторыми регионами советское государство сотрудничало и имело договорные отношения.

По Конституции СССР, которая была принята в 1924 году, рассматривался суверенитет каждой союзной республики, а в Центральных Исполнительный Комитет делился на 3 комиссариатов: союзных, унифицированных, республиканских. В их полномочия входили: 1) вопросы армии и флота, а также иными иностранными делами; 2) решение проблем на республиканском уровне; 3) рассмотрение внутренней политики и решение главных задач в ней. Право центра, по основному закону советской державы, присвоено контролировать органы власти союзных государств.

Если говорить о влиянии СССР, то создание молодого государства под идеологической эгидой коммунизма положительно повлияло на республики. Так, повысился уровень развития в стране: в регионах стала улучшаться здравоохранительная и образовательная система. Строились культурные центры, школы, Академии наук, либо их филиалы, издавались книги и газеты на языках народов СССР. Также создавались на территории Кавказа и Средней Азии про-

мышленные предприятия, а квалифицированные рабочие из центра перевозились для обучения населения. Кроме этого, исполнительная власть распоряжалась средствами так, чтобы во все республики были оснащены электричеством и транспортной системой [4]. Однако, этого было недостаточно, В.И. Ленин полагал, что необходимо углубиться в национальный вопрос, предпринять как можно больше мер, иначе ситуация с автономизацией развеяться при первом появлении межэтнических инцидентов. Вопрос не был решён доверенными В.И. Ленину людьми, и после сталинских репрессий, стали появляться межнациональные конфликты, падал демографический уровень не только в РСФСР, но и других советских республиках, что, несомненно, ухудшало положение в стране [3].

Несмотря на то, что в течение 69-ти лет СССР утверждалось на мировой арене, пройдя с победой Вторую мировую войну и вступив в «гонку вооружений» с США, Советский Союз распался. Одной из причин и является «холодная война» и конкурирование со Штатами. Этот внешнеполитический фактор повлек нас на введение войск в Афганистан, внедрения курса на тяжёлую промышленность, где СССР был лидером по производству чугуна, а Ю.А. Гагарин – первым человеком в космосе. Но, несмотря на такие успехи, в самом государстве, начиная с 1970-х годов обычные граждане вставали на работу в раннее утро и мечтали о товарах широкого потребления других социалистических стран, с которыми сотрудничал СССР. В мире происходила технологическая революция, началось зарождение массовой культуры, а советская держава отказывалась это принимать, продолжая производить неусовершенствованные модели автомобилей и бытовой техники. «Железный занавес» и отстранение от мирового прогресса просуществовали вплоть до распада Союза: людям было крайне сложно совершить экскурсионный выезд в Западные буржуазные страны, не говоря уже об эмиграции туда. Государство, пропитанное коммунистической идеологией, далеко отставало от мировых держав в культурном плане. Уже начиная с 1980-х годов, как молодые и перспективные, так и опытные, учёные и квалифицированные специалисты пытались попасть в Западные страны, где ценилось образование и деятельность научных работников. Где шли улучшения с каждым годом, в отличие от СССР: успех продвижения в образовательной и научной сфере государства закончился репрессиями и ссылками интеллигенции, начиная с 1930-х годов. Б.Л. Пастернак, А.А. Ахматова, С.П. Королёв, А.Д. Сахаров и др. были либо подвергнуты арестам, либо прекращением деятельности в стране на неопределённый срок [5].

Кроме вышеизложенного «железного занавеса» стоит упомянуть и командно-административную экономическую систему в СССР. В работе «Почему государства терпят неудачи» Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона представлены 2 типа экономических институтов. Первый – экстрактивный, закрытый от контактов с внешним миром, более сконцентрирован на решения своих задач. Второй – инклюзивный, позволяет участвовать большим группам населения в экономической активности, имеется и защищена частная собственность, а также свободный вход на мировой рынок. СССР выбрало первый вариант развития

экономики. Командно-административная система позволила выдать колоссальный результат за короткие сроки в 1930-е годы. Но, не включение широких масс в управление и централизация не привели в дальнейшем к технологическим оборотам страны. Помимо этого, авторы считают, что такой выбор приводит и к закрытию политических институтов, что и наблюдалось после победы в Великой Отечественной войне [4].

Несмотря на переход в 1988 году к кооперативам и постепенному выходу на мировой рынок, власть потеряла контроль над проблемами экономики СССР. Более того, между фабриками шло распределения сырья, доступа к которому кооперативы не имели. Вдобавок, были введены дополнительные налоги на доходы: 30% на сумму до 700 рублей, 90% на сумму больше 1500 рублей. Как итог, кооперативы ушли на перепродажу товаров дефицита, а когда на предприятиях их запустили, то директора фабрик стали покупать сырьё по низким государственным ценам, а продавать по уровню рынка. Вскоре, держава осталась без денег в бюджете страны, кооперативные средства ушли в «теневую экономику», а также стала падать цена нефти (до 12 долларов за баррель), от которой СССР стал зависеть с 1960-х годов при открытии множества месторождений продукта.

Однако, кроме потери какой-либо связи с миром и «занавеса», ещё одной причиной является хаос во внутренней политике. С появлением межнациональных конфликтов между русскими и кавказцами, узбеками и таджиками, грузинами и осетинами, а также возникшего экономического кризиса, стал появляться лозунг «моя республика – мои ресурсы». Тем самым, идея «советского человека» и идеология коммунизма, где следовала трактовка «всё общее», постепенно терпели крах в СССР. Под влиянием цензуры, власть часто пыталась скрыть трагичные для государства моменты. Примером этого является численность жертв после Великой Отечественной войны, где практически точное число погибших и пленных люди узнают лишь после 1990-х годов, когда СССР уже перестал существовать. Также пытались скрыть и количество репрессированных в годы правления И.В. Сталина. Лишь после его смерти Н.С. Хрущёв заявляет о приближённом количестве деятелей культуры, партийных работников и обычных граждан, попавших в ссылку в ГУЛАГ или же подвергшихся казни. В статье «Глупость или измена» А.В. Островского повествуется, как люди постепенно теряли веру в «светлое коммунистическое будущее», тем самым больше разочаровываясь в режиме. Это всё подтверждает и ситуация с Н.С. Хрущёвым и Л.И. Брежневым: первый заявлял, что коммунизм наступит к 1980 году, а после его отстранения от власти, Леонид Ильич, понимая, что этого не достигнуть, выдвинул промежуточный этап «развитого социализма». Также, в годы правления Л.И. Брежнева стал развиваться бюрократический аппарат: номенклатура стала отдельным слоем населения, который позволял себе больше, чем остальные. Стала распространяться коррупция, при этом члены партии не менялись, они руководили до конца своих дней. Таким образом, возникла олигархия в советской власти [5].

М.С. Горбачёв пытался наладить положение в стране, однако, безрезультатно. Авария в Чернобыле была так же скрыта, люди узнали о ней только после майских праздников, а проводившиеся реформы имели в свою очередь скорый провал. Так, ярким примером считается «сухой закон», введённый 16 мая 1985 года. Гуманистически правильная, на деле оказалась провальной: СССР лишил себя финансов, тем самым усугубив своё положение в экономике. Изначально, закон включал в себя дисциплинирующие меры на заводах и фабриках, что привлекло бы за собой рост производства. Однако, алкоголь в жизни людей не перестал присутствовать, они стали его закупать контрафактную продукцию. Тем самым, государство обрекло себя на очередную неудачу, лишив себя денег.

Последней причиной распада Советского Союза является политическая конкуренция между Генеральным секретарём ЦК КПСС, М.С. Горбачёвым, и секретарём ЦК, Б.Н. Ельциным. В 1987 году Борис Николаевич выступил с критикой правления М.С. Горбачёва и политбюро. Речь стала распространяться в народе, но в партии секретаря никто не поддержал. Наоборот, его исключили из политбюро и сняли с поста секретаря горкома. Но, на политической судьбе Б.Н. Ельцина этот случай ни на что не повлиял. В 1990 году он станет председателем Верховного Совета РСФСР, а в 1991 – Президентом новой республики, Российской Федерации. Если вспомнить ранние периоды советской истории, связанной с политической борьбой между выдвиженцами в лидеры и руководителем партии, то можно сделать вывод, что подобное решение Михаила Сергеевича было весьма провальным. Лучшее, что мог сделать Генсек – последовать приёму Л.И. Брежнева: отправить в «дипломатическую ссылку» куда-нибудь подальше, чтобы секретарь не вмешивался во внутреннюю политику союзной державы [4].

Кроме Б.Н. Ельцина, главного конкурента М.С. Горбачёва, был также ряд партийных деятелей, которые впоследствии сами выдвинули такой орган власти, как Государственный Комитет по чрезвычайному положению. ГКЧП выступил в августе 1991 года против политики «перестройки», проводимой на тот момент Первым Президентом СССР, М.С. Горбачёвым, а так же подписанием нового союзного договора, который должен был преобразовать страну в конфедерацию. Их выступление закончилось без особого успеха, а Советский Союз лишился возможности просуществовать в обновлённом виде.

Таким образом, следует подчеркнуть, что в распаде огромной многочисленной страны никто конкретно не виноват. Изначально, при создании СССР стоило было задумать РКП(б) о национальном вопросе и развитии административно-командной экономики экстрактивного типа, который обрушил на страну черты «железного занавеса». Также не нужно было превозносить партийного человека над рабочим, когда государство с коммунистической идеологией нацелено на классовое равенство. Политика М.С. Горбачёва, несмотря на отсутствие логики проведения реформ, показала, что Советский Союз терпит крах. А люди, которые были в партии и не соглашались с «перестройкой», лишь нанесли последний удар для державы.

Список источников и литературы

1. Абрамов, С.Г. Создание СССР: причины образования и последствия / С.Г. Абрамов, А.А. Кузнецова, Н.В. Филина // Молодой учёный. – 2019. – № 14.
2. Антонюк, Е. О чём умалчивал Горбачёв: из-за чего на самом деле распался Советский Союз [Электронный ресурс] / Е. Антонюк // LIFE. – 2021. – Режим доступа: URL: https://life.ru/p/1427060
3. Ленин, В.И. К вопросу о национальностях или «об автономизации» / В.И. Ленин. – М., 1922.
4. Фёдоров, Д.И. Образование СССР и его значение / Д.И. Фёдоров, В.И. Черноусов // Символ науки. – 2016. – № 12-2.
5. Цепко, Д. Почему распался СССР? [истинные причины] [Электронный ресурс] / Д. Цепко // Мир истории. – 2021. – Режим доступа: URL: https://worldofhistory.ru/pochemu-raspalsya-sssr-istinnye-prichiny/

Щукин Денис Васильевич
доцент, кандидат исторических наук
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет
имени И.А. Бунина»
Россия, г. Елец
E-mail: dionysios@yandex.ru

СОВЕТ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ ГОРОДА ЕЛЬЦА В ИСТОРИИ ЛИПЕЦКОГО КРАЯ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ПЕРИОДА «ПЕРЕСТРОЙКИ»

Аннотация: *В статье в рамках рассмотрения истории Городского Совета народных депутатов г. Ельца обращается внимание на отражение специфики социально-экономического и общественно-социального развития города русской провинции – г. Ельца в общем пространстве региональной истории Липецкого края за год до распада СССР*

Ключевые слова: *история, Россия, СССР, Елец, «перестройка», местное самоуправление, власть, Городской Совет народных депутатов.*

THE COUNCIL OF PEOPLE'S DEPUTIES OF THE CITY OF YELETS IN THE HISTORY OF THE LIPETSK REGION AT THE FINAL STAGE OF THE PERIOD OF "RECONSTRUCTION"

Abstract: *In the article, as part of the consideration of the history of the City Council of People's Deputies of Yelets, attention is drawn to the reflection of the specifics of the socio-economic and socio-social development of the city of the Russian province – Yelets in the general space of the regional history of the Lipetsk Region a year before the collapse of the USSR.*

Keywords: *history, Russia, USSR, Yelets, "perestroika", local government, government, City Council of People's Deputies.*

История становления и развития представительно – законодательных органов власти России, как на государственном, так и на местном уровне выступает весьма актуальной темой исторических исследований. Отметим, что в июне 1987 прошли выборы в городской Совет народных депутатов г. Ельца – второго по величине города Липецкого края. В голосовании приняло участие рекордное количество избирателей – 99,1% [3, с. 197]. Места в городском Совете заняли поистине герои города – представители интеллигенции, рабочего класса, активисты, ударники труда, большинство из которых были награждены медалями и орденами СССР.

После принятия закона СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» в 1990 г. начался процесс выделения института местного самоуправления из системы единой государственной власти путем передачи местным органам управления некоторых властных полномочий [4, с. 177].

У данного Закона были и отрицательные стороны – его нормы не носили строгих рамок, поэтому субъекты не смогли сразу установить разграничения между Советами и исполкомами. В целом данный закон хоть и носил прогрессивный характер, вызвал бурные споры, связанные с резким переходом от однопартийной системы к системе управления в рамках самостоятельных исполнительно-распорядительных полномочий советских органов различного уровня. Следующим законом, регулирующим полномочия местного самоуправления, стал Закон «О местном самоуправлении в РСФСР», принятый в июле 1991 г. Он тщательно регламентировал все функции Совета и Администрации города.

Таким образом, восстановление института самоуправления на городском уровне, при сохранении концепции развития СССР, породило несоответствие формы и содержания советской представительной демократии: несмотря на провозглашенные общегражданские методы, цели их оставались классовыми. В связи с этим, подобное положение городского самоуправления было ориентировано на политико-экономическую сферу и не смогло влиться в реалии XXI века.

После принятия в 1990 г. новых законов, регламентирующих формирование местных Советов, в г. Ельце были проведены очередные выборы, в ходе которых было избрано 130 депутатов [3, с. 197]. В том же, 1990 году Горсоветом было проведено 20 заседаний, в ходе которых рассмотрено более 60 ключевых вопросов, касающихся развития города.

В рассматриваемый период исполком Горсовета г. Ельца стремился широко развивать гласность в своей работе. Это достигалось в первую очередь через приглашения представителей средств массовой информации на проводимые исполкомом мероприятия: заседания исполкома, совещания, встречи. Принятые исполкомом решения регулярно публиковались в городской газете г. Ельца

«Красное знамя» [3, с. 199]. Руководители исполкома и его отделов информировали жителей города о проводимой работе, отвечали на вопросы граждан.

В 1990 году исполнительный комитет Горсовета основное внимание уделял мерам по стабилизации экономики города Ельца по причине крайне сложной обстановке в данной сфере на уровне всего государства. При этом в целом промышленностью города Ельца план по объему промышленного производства за 1990 г.был выполнен на 102,9%, прирост к 1989 г. составил 1,7%, производительность труда возросла на 4,9%. План по прибыли выполнен на 110,1%, сверх плана получено прибыли на 9,9 млн. руб., прирост к 1989 г. составил 6,3% [3, с. 200]. По товарам народного потребления план выполнен был на 105,6%, темп роста – 6,1%, сверх плана выпущено товаров на 33,7 млн. руб. Кроме этого, были выполнены плановые показатели по платным услугам населению и товарообороту.

В конце 1990 г. исполнительным комитетом Горсовета была разработана и утверждена концепция развития города Ельца в условиях перехода к рыночной экономике. Одной из самых первоочередных задач концепции на период перехода к рыночным отношениям, являлась стабилизация потребительского рынка, для чего в первую очередь необходимо было наращивание объемов товаров народного потребления.

В начале 1990-х гг., в условиях перехода к рынку, когда старые устоявшиеся связи нарушены, а новые ещё не сложились, считалось, что только с помощью хозрасчетного коммерческого центра можно было решить вопросы по снабжению товарами населения. К концу 1990 г. Ельцу для осуществления строительной программы необходим был цемент и многие другие строительные материалы, которые добывать старыми, советскими методами не удавалось. Обменный фонд, созданный в городе, из части продукции городских предприятий, позволил получить и нужные стройматериалы и ТНП, а в последствии и продовольственные товары [5, с. 161]. Хозрасчетный центр был очень нужен и уже в первом квартале 1991 г. решался вопрос о кандидатуре директора центра.

Концепцией по переходу к рыночным отношениям предусматривалось проведение приватизации. Однако даже к середине 1992 г. исполнительный комитет г. Ельца не мог заниматься данным вопросом, так как не существовало нормативных актов по самому механизму приватизации. В середине 1990 г. в городе была создана и начала работу комиссия по инвентаризации нежилых зданий. Проводилась инвентаризация и незавершенного строительства. Инвентаризация нежилых помещений необходима также и для того, чтобы дать возможность предложить их малым предприятиям и другим предприятиям различных форм собственности в аренду или в дальнейшем для продажи, а также более рационального размещения предприятий торговли, общественного питания, бытового обслуживания государственного сектора.

Следует отметить, что в 1990 г. начат прорабатываться вопрос о создании самостоятельного коммерческого банка для финансовой поддержки деловой инициативы. Проводилось ряд организационных совещаний по данному вопросу, по итогам которых определились предприятия – инициаторы создания бан-

ка, готовые стать его учредителями. Уже в начале 1991 г. была зарегистрирована ассоциация государственных предприятий и объединений промышленности, строительства, транспорта и связи г. Ельца. В неё вошли шесть крупных предприятий, которые договорились стать учредителями городского самостоятельного коммерческого банка. Они и занимались решением организационных вопросов по созданию банка. Исполком же оказывал содействие им в создании самостоятельного городского коммерческого банка (в регистрации, в предоставлении помещения и т.д.). Однако, в дальнейшем концепция такого банка не была принята президиумом и в конце концов он не был создан.

В сфере улучшения обеспечения горожан продуктами питания, исполком видел в укреплении шефских связей города и села, развитии подсобных хозяйств промышленных предприятий и развитии садовоогороднических товариществ. Данными вопросами в 1990 г. городской исполнительный комитет занимался постоянно. Свою роль в улучшении обеспечения населения города продовольствием должны были сыграть подсобные хозяйства. За 1990 г. ими было произведено и реализовано 298 тонн мяса, что на 18% больше, чем в 1989 г. На каждого человека, работающего на предприятиях и в организациях, имеющего подсобные хозяйства, произведено мяса в среднем по городу до 8 кг (на заводе «Гидропривод» - 13,2 кг, «Прожекторные угли» - 8,5 кг) [5, с. 165].

Однако, за 1990 год в целом по подсобным хозяйствам города произошло снижение поголовья свиней на 16% и резко возросла себестоимость 1 тонны мяса. В организации работы подсобных хозяйств предприятий имело множество недостатков: неэффективное использование земельных угодий, сельхоз техники, кроме этого имелись факты безответственности и расточительности. На них Городским советом неоднократно указывалось руководству предприятий, на балансе которых находились все вышеперечисленные проблемы.

Решением городского Совета депутатов г. Ельца исполнительному комитету было поручено проработать вопрос о выделении городу 250 гектар земель под коллективные сады и огороды. Не смотря на принятые меры, решение данного вопроса затянулось до принятия соответствующего Указа Президента СССР и Верховного Совета РСФСР.

За 1990 год 100 предприятий города Ельца оказывали платные услуги населению – бытовые услуги, услуги связи, услуги пассажирского транспорта, жилищно-коммунальные, услуги культуры, здравоохранения, услуги по содержанию детей, туристско-экскурсионные и санаторно-курортные услуги. 30% всех платных услуг составили бытовые услуги по пошиву и ремонту одежды, обуви, ремонту автомобилей и бытовой технике. Почти все предприятия выполняли планы по объему реализации платных услуг (93 предприятия) [5, с. 166].

Городской исполнительный комитет (в лице Фролова И.В. и Корнеева Н.И.) в тесном сотрудничестве с председателем постоянной комиссии городского совета Соковых В.А. в 1990 г. осуществляли контроль за ходом выполнения плана капитального строительства. На заседаниях штаба еженедельно контролировали вопросы обеспечения объектов жилья и соцкультбыта проектно-

сметной документации, транспортом, материально-техническими и людскими ресурсами. Итоги работы по вводу в эксплуатацию этих объектов ежеквартально рассматривались на заседаниях горисполкома. Это позволило в 1990 г. в целом по городу за счет всех источников финансирования ввести жилья общей площадью в объеме 42,63 тыс. кв. м [5, с. 166].

Однако, в работе строительного комплекса были и серьезные недостатки. В освоении капитальных вложений было допущено значительное отставание. План ввода жилья выполнен по городу на 83%, не в полном объеме освоены капитальные вложения на отдельных объектах. Кроме этого, был сорван план по строительству объектов соцкультбыта (83,2%). Только лишь по коммунальному строительству план был выполнен на 101% [6].

Несвоевременный ввод объектов в эксплуатацию автоматически вел к росту незавершенного строительства, объем которого по состоянию на 1 января 1991 г. составил 7,5 млн. руб. [7]. Причинами срыва плана по освоению капиталовложений и вводу объектов в эксплуатацию были: недостаточная мощность строительных организаций города (79% обеспеченность рабочей силой), низкой зарплате строителей (в среднем 200 руб.) и нечетким материально-техническом обеспечении строек [7].

Под особым контролем исполкома находился вопрос выселения людей из санитарно-защитной зоны, ветхого и аварийного жилья, снос под новое строительство. Нуждающихся в улучшении жилищных условий по городу 11,5 тыс. человек, в том числе стоящих в очередности при горисполкоме – 2,9 тыс. чел. В 1990 г. сданы в эксплуатацию 13 жилых домов (632 квартиры) и общежитие «Энергия». Улучшили свои жилищные условия 1431 семья. [7].

В 1990 г. испытывалась острая напряженность в обеспечении населения г. Ельца многими продовольственными и непродовольственными товарами, произошло резкое снижение товарных запасов, предназначенных для бесперебойной торговли. По причине невыполнения и планируемого снижения поставок спрос населения на рыбу свежемороженую, маргариновую продукцию, яйцо, трикотажные и чулочно-носочные изделия, холодильники, телевизоры, все виды посуды и многие другие товары массового спроса был неудовлетворён.

Общими усилиями была обеспечена заготовка и закладка картофеля и овощей на зимнее хранение до полной потребности населения. Запасы овощной продукции на 1 января 1991 г. превысили уровень прошлого года. Кроме того, успешно принимались меры по обеспечению сохранности заложенной продукции.

Вопросы упорядочения торговли неоднократно выносились на рассмотрение сессий и заседания исполкома. В сложившихся в то время условиях приходилось вводить нетрадиционные для этой отрасли методы торговли: распределение, дневные нормы, нормы отпуска в 1 руки, торговлю по паспортам и конечно продовольственные талоны. Естественно в такой ситуации не получилось использовать наработанный опыт по применению прогрессивных форм торговли, обеспечить культуру обслуживания покупателей. По этой причине исполнительный комитет неоднократно обращался в вышестоящие органы об увели-

чении фондов на крупяные изделия, сахар, мясные продукции. За счет имеющихся ресурсов эти просьбы были учтены. Кроме того, коммерческими службами торгов было дополнительно закуплено из-за пределов области свыше 6 млн. рублей продовольственных и непродовольственных товаров.

В 1990 г. были частично решены социальные проблемы по торговому обслуживанию одиноких престарелых, малообеспеченных пенсионеров; инвалидов – членов всероссийского общества, детей-сирот, находящихся под опекой.

Депутатский корпус и исполком Горсовета в тот период мало вмешивались в хозяйственные отношения между производителями товаров народного потребления и торговли. За конец 1980-х – начало 1990-х перечень товаров, поступающих в розничную торговую сеть от малых цехов заводов практически не обновился и пользовался ограниченным спросом у населения города, хотя, следует отметить, что заказы торговле на новые образцы изделий были сделаны. Нужно отметить и то, что пищевая промышленность г. Ельца в начале 1990-х развивалась слабо. Имеющиеся мощности кондитерского цеха, гормолзавода, пивобезалкогольного завода не позволяли расширить ассортимент вырабатываемой продукции. В целях улучшения обеспечения населения было взято направление на открытие фирменных магазинов, выгода которых была очевидна обеим сторонам.

В 1990 г. дополнительно к существующим «Мясная лавка» и «Золотой петушок» был открыт киоск по продаже продукции Елецкого птицекомбината, бар «Ладья» пивзавода, готовился к открытию магазин от ПХО «Елецкие кружева», сделал заявку на открытие своего магазина и коллектив швейной фабрики «Ельчанка».

Исходя из программы по наиболее полному охвату населения торговым обслуживанием, особенно, в отдаленных от центра районах – во исполнение наказов депутатов и избирателей в 1990 г. открыты магазины в поселке ТЭЦ, а также в районе Аргамач был открыт магазин по продаже промышленных товаров. Однако, обновление существующей сети, своевременное проведение капитальных объектов руководителями предприятий и торговли велось крайне неудовлетворительно. Медленно она развивалась в густонаселенных районах «Эльта», п. «Строитель» и п. «Тихий», «Новые дома» и строящихся в то время 1 и 7 микрорайонах [5, с. 168].

Таким образом, на основании всего вышесказанного можно сделать следующие выводы. Горисполком не выполнил решения сентябрьской сессии городского Совета народных депутатов г. Ельца по созданию коммерческого банка, коммерческого центра, центра по связям с сельским хозяйством, крайне слабо шла приватизация жилья, торговли, коммунального хозяйства, предприятий местной промышленности. Однако, следует отметить, что с приходом на должность заместителя председателя исполкома, председателя плановой комиссии Исаевой Л.Д. оживилась работа по регистрации кооперативов, малых предприятий с разными формами собственности. Но в связи с отсутствием коммерческого банка, просто не было механизмов оказания практической помощи предприятиям с разной формой собственности.

В заключении хочу отметить, что для улучшения работы исполнительного комитета городского Совета народных депутатов г. Ельца было предложено создать специальную программу для обучения его работников (поскольку в нем было довольно много сотрудников, не имеющих опыта работы в Советах), а также выделить средства для командирования их в родственные Советы для изучения опыта работы или на курсы повышения квалификации. Однако, президиум городского Совета в итоге так и не принял данную программу.

Список источников и литературы

1. Совету депутатов города Ельца 90 лет. 1917-2007 гг.: историко-публицистические очерки. – Липецк: ООО «Неоновый город», 2007. – 224 с.
2. Кононенко, Е.В. К вопросу о местном самоуправлении: исторические этапы становления / Е.В. Кононенко // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2010. – № 2 (4). – С. 34-38.
3. Семенов, А.К. Елецкое городское самоуправление за 225 лет (опыт социально-политической истории российского провинциального города): монография / А.К. Семенов, Т.В. Полякова. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2014. – 240 с.
4. Сланова, И.В. Основные этапы становления и развития местного самоуправления в современной России / И.В. Сланова // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. – 2015. – № 17. – С. 171-178.
5. Отчет исполнительного комитета о работе за 1990 г. // Архивный комитет г. Ельца - Ф. 1. Оп. 1. Д. 1554. Л. 157-198.
6. Доклад о социальном и экономическом развитии города // Архивный комитет г. Ельца - Ф. 1. Оп. 1. Д. 1583. Л. 115-122.
7. Протокол № 7 городского Совета народных депутатов // Архивный комитет г. Ельца - Ф. 1. Оп. 1. Д. 1554. Л. 1-12.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие …….. 3
Аверкиева А.А. «Культурная революция» в образовательном пространстве 1920-х гг. ……... 8
Боброва М.В. Московская конференция как дипломатический прорыв антигитлеровской коалиции …… 13
Бредихин В.Е. Корпус секретарей первичных организаций ВЛКСМ в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. …….. 17
Гатилов Э.В. Земельное реформирование и поведенческие практики черноземного крестьянства. 1920-1923 гг. (на примере Тешевской волости Задонского уезда Воронежской губернии) ……..... 27
Долгих А.Н. Европейский «легитимизм» первой половины XIX века в изображении А.Н. Шебунина: у истоков советской исторической науки ……..... 36
Зубкевич Л.А. Советское и постсоветское в мировоззрении российских бедных ……..…….. 45
Канищев В.В., Кунавин К.С., Жиров Н.А. Изменения доли мужчин в сельском населении русских областей центра и юга европейской части СССР в 1930 – 1980-е гг. …….. 51
Клевцова О.В. Государственная финансовая политика в сфере школьного образования в 1920-х гг. ……. 58
Ковалев А.В. «Бывшие» в тылу Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (на материалах писем Н.Н. Финогенова) …….…… 62
Ковтун М.А. К вопросу о влиянии войны в Афганистане (1979-1989 гг.) на экономику СССР …….. 73
Котлярова О.А. Концепция учительства в советской и современной системе образования ……..…… 80
Кравчевский И.В. Белая эмиграция в Маньчжурии: ее взгляды и отношение к советской России в довоенный и военный периоды ……. 86
Кривцов А.А., Лихачёв С.В. Особенности регионального политического пространства СССР в конце эпохи «перестройки» в условиях политических реформ и выборов в местные органы самоуправления (на примере Липецкой области) …….. 92
Кузнецов М.Е. Деятельность пронацистских и антикоммунистических движений на оккупированной территории СССР ……. 98
Кузьминова О.А. Социальная трансформация советских женщин в 1917 – 1930-х годах в системе гендерных исследований …….. 103
Кулёв А.А. Развитие методологии исторического образования в советской школе в период застоя …… 108
Литвинов В.П. Образование СССР: некоторые аспекты национально-государственного размежевания в Средней Азии ……. 116
Лузгина М.И. Новые задачи и функции суда СССР, возникающие в период Великой Отечественной войны (1941-1945) ……. 123

Марков Р.С. Обсуждение порядка приведения к должности руководителей регионов в Советской России (1990-1991 годы) ……. 128
Микулич Д.И. Роль советского исторического образования в формировании идеологического мышления в 1930-е годы ……. 132
Некрылова О.Г. Эволюция подходов государственной политики в области школьного образования в конце 1920 – начале 1930-х как отражение укрепления тоталитарного режима в СССР ……...… 137
Оришев А.Б. Выпускники, преподаватели и сотрудники Тимирязевской академии – Герои Советского Союза ……. 142
Орлов Д.С. Эволюция зернопроизводства Алтайского края во второй половине 1980-х гг. ……... 148
Платонова М.Ю. История возникновения пионерии в СССР …… 152
Ряполов В.В. Проблемы установления советской власти в Туркестане (1918 – начало 1920-х гг.): внешнеполитические аспекты ..…… 158
Сагателян Г.Ш. Участие малых городов России в холодной войне во второй половине XX века …… 162
Хоруженко В.К., Гуров М.И. Феномен «жилищной революции» Н.С. Хрущева ……. 170
Чернышева Н.В. Голод в тыловых районах России в годы Великой Отечественной войны: проблемы изучения …… 177
Чиковский К.В. Роль М.М. Литвинова во включение СССР в Лигу наций …….. 184
Шадрина А.В. Особенности реализации политики СССР в отношении религиозных организаций в Ростовской области: 1922-1991 гг. ……. 189
Ширинских О.А. Распад СССР: почему это случилось? 196
Щукин Д.В. Совет народных депутатов города Ельца в истории Липецкого края на завершающем этапе периода «перестройки» ……. 201

Научное издание

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

17 ноября 2021 года

Сборник подготовлен по материалам,
предоставленным авторами в электронном виде,
и сохраняет авторскую редакцию

Технический редактор – Г.Н. Бурганская
Техническое исполнение – В.М. Гришин

Формат 60 х 84 /16. Гарнитура Times. Печать трафаретная
Печ.л. 13,1 Уч.-изд.л. 13,0

Электронная версия
Сборник размещен в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
и на сайте http://iik.elsu.ru/index.php?id=nauchnye-izdaniya-instituta-sborniki
Заказ 12
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»
399770, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1